

Зимник-2018
Браунфилд
Конверсия профессии
Фрэнк Гери

2018 / 55

конверсия / conversion

проект
байкал /
project
baikal

12+

ALFRESCO™

НАРУЖНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
www.allfresco.ru

Компания ALFRESCO
Москва, ул. Верхняя Первомайская д.43/24, оф. 27
+7 495 290-31-30, +7 495 290-31-32
E-mail: info@allfresco.ru
www.allfresco.ru

Термин «конверсия» (от лат. *conversio* – «изменение», «превращение») используется в разных сферах – экономике, промышленности, маркетинге, финансах, психологии и даже лингвистике. И если, скажем, в оборонной промышленности это слово сейчас далеко не так актуально, как в период сокращения военных расходов 90-х, то в урбанистике, напротив, конверсия, переосмысление целых городских кварталов и даже районов находится на пике интересов градостроителей и архитекторов. Это касается в первую очередь тех районов города, которые опустели в результате распада промышленности в тех же 90-х.

Постараемся не забывать, что конверсия – не только утрата старых смыслов, но и приобретение новых.

Елена Григорьева

The term 'conversion' (from Latin 'conversio' – change, transformation) is used in different fields: economics, industry, marketing, finance, psychology and even linguistics. If, for example, in defense industry this word is now not as topical as in the period of reduction in defense in the 1990s, in urbanism, on the contrary, conversion (reconsideration of urban quarters and even districts) is a point of interest among town planners and architects. It concerns first of all the city districts that were abandoned as a result of industrial decay in the same 1990s. Let's try not to forget that conversion is not only loss of old meanings, but also acquisition of new ones.

Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
корректор,
литературный редактор
Марина Ткачева

верстка
Татьяна Анненкова

перевод
Анна Григорьева

редактор раздела «Дайджест»
Наталья Коваль

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ 0775-01
Подписано в печать 23.03.18
Журнал №55 от 31.03.2018

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год
Цена свободная
12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

55
конверсия /
conversion

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии **Google (Google Scholar)**
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Олег Бадула	Премия губернатора Иркутской области за 2017 год	6
	Артем Новиков	В преддверии Универсиады в Красноярске	8
	Елена Жижченко	История капитального ремонта на фоне безграничной лжи: Дворец бракосочетания в Иркутске	10
	Наталья Ремизова	Центр детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида»: творить может каждый.....	14
	Леонид Глебо	Архитектура айсбергов. Фотогалерея	20
конверсия		23
	Константин Лидин	Круговорот логоса в природе. Конверсия как циклическая смена смыслов.....	24
	Марина Ткачева	Дискуссионный клуб «Конверсия».....	29
	Андрей Иванов	Война и мир. Черный форт, Александрополь–Гюмри	36
	Андрей Ляпин	Новый музей как начальный этап конверсии бывшего промышленного города	42
	Леонид Салмин	Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса	46
конверсия по-сибирски	Константин Лидин	51
	Светлана Макотина	Реновация как метод сохранения и усовершенствования архитектурной среды города (на примере территории бывшего ликеро-водочного завода города Улан-Удэ)	52
	Александр Деринг Иван Быков	ФАБРИКАЗАВОД . Концепция реновации территории бывшего барнаульского сереброплавильного завода	58
	Валентина Казакова	Из истории. Влияние промышленных территорий на структуру городской ткани	62
	Полина Заславская	Конверсия промзоны	64
	Анна Кантакова	Кремационный комплекс в с. Смоленщина Иркутской области	66
браунфилд	Елена Григорьева	69
	Валерия Нуянзина Александра Кострубова	Зимник-2018 Браунфилд – новые перспективы для полуострова	70
		Команда А: «Деревянный полуостров»	72
		Команда Б: «ИНТРАЗАТОН»	74
		Команда С: «Затон: деревня творчества в самом центре Иркутска»	76
		Команда Д: «CityLabZATON: Иркутск как полицентричный город».....	78

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia
proofreader,
literary editor
Marina Tkacheva
upmaking
Tatyana Annenkova
translation
Anna Grigorieva
editor of the digest
Natalia Koval
address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Типография Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 23.03.18

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors
quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID и Kaira Looro, архитектурного фестиваля «Зодчество» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID and Kaira Looro, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсор номера

	Барбара Энгель	Браунфилд: новые перспективы для полуострова Затон	80
	Любовь Макогон	Глазковская Стрелка (Затон):	
	Роман Селиванов	проблемы и перспективы развития	86
	Наталья Коваль	Дайджест	92
конверсия по-европейски	Елена Григорьева	93
	Светлана Середёнкина	История о том, как «Отель Кохер» превратился в «Квартал Кохер».....	94
	Ольга Смирнова	Как тюрьма превратилась в сад	98
	Светлана Середёнкина	Волшебная гора Гамбурга.....	102
	Георги Станишев	Фрэнк Гери: «Я не занимаюсь архитектурными фантазиями».....	104
	Кристиан Хорн	«Конверсия»: промышленные объекты и территории	114
объект номера		Реорганизация территории шелкоткацкой фабрики «Красная Роза» в Москве	125
	Игорь Шварцман	Комментарий директора.....	131
	Константин Лидин	Комментарий культуролога.....	133
	Инна Бочарова	Комментарий партнера. «Красная Роза» – первый масштабный проект редевелопмента в России	135
конверсия профессии	Елена Григорьева	137
	Александр Раппапорт	Архитектура и профессия	138
	Александр Раппапорт	Архитектор как антропологическая проблема	139
	Константин Лидин	Архитектор в новой реальности.....	141
	Петр Капустин	Конверсия проектирования	142
	Алексей Мякота	Соучаствующее проектирование – социальный миф или реальный механизм проектной работы?.....	148
	Анастасия Репина	Соучаствующее проектирование в Иркутске.....	150
	Эдуард Товмасьян	Пути преобразования Горстройпроекта и кабинета Всесоюзной Академии архитектуры СССР в ЦНИИП Минстроя России.....	151
	Виктор Логвинов	От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре Принцип использования форм. Часть 2	156
post scriptum	Наталья Коваль	Объекты Олимпиады-2018 в Южной Корее	164
монитор	Андрей Большаков	Принципы формирования общественного центра «Намсан»	
	Екатерина Галеева	в городе Сеул (Южная Корея)	166
авторы		168

news	Anna Grigorieva	International Architecture News.....	5
	Oleg Badula	The Irkutsk Regional Governor's Prize 2017	6
	Artem Novikov	On the Threshold of Krasnoyarsk Universiade	8
	Elena Zhizhchenko	The Story of Repairs Against the Background of the Boundless Lie: the Palace of Wedding in Irkutsk	10
education	Natalia Remizova	The Children's Architecture and Design Center "Piramida": Everybody Can Create	14
	Leonid Glebko	Architecture of Icebergs. Photo Gallery	20
conversion		23
	Konstantin Lidin	Logos Circulation. Conversion as a cyclic renewal of meanings	24
	Marina Tkacheva	Discussion Club "Conversion"	29
	Andrei Ivanov	War and Peace. The Black Fort, Alexandropol-Gyumri	36
	Andrei Lyapin	A New Museum as the Initial Stage of Conversion of a Former Industrial City	42
	Leonid Salmin	Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse.....	46
siberian-style conversion	Konstantin Lidin	51
	Svetlana Makotina	Renovation as a Method of Preservation and Improvement of the Architectural Space in the City: a Case Study of the Territory of the Former Distillery in Ulan-Ude	52
	Alexander Dering Ivan Bykov	FABRIKAZAVOD. The Renovation Concept for the Territory of the Former Silver Smelting Works in Barnaul.....	58
	Valentina Kazakova	Glimpses of History. Influence of Industrial Areas on the Urban Fabric	62
	Polina Zaslavskaya	Conversion of the Industrial Area	64
	Anna Kantakova	Cremation Complex in Smolenshchina Village, Irkutsk Region	66
brownfield	Elena Grigoryeva	69
	Valeriia Nuianzina Alexandra Kostrubova	Winter University 2018. Brownfield (Re)Development: New Perspectives for Zaton	70
		TEAM A: "Wooden openinsula".....	72
		TEAM B: "INTRAZATON"	74
		TEAM C: Village of Creativity	76
		TEAM D: "CityLabZATON: Irkutsk as a polycentric city."	78
	Barabara Engel	Brownfield (Re)Development: New Perspectives for Zaton	80
	Lyubov Makogon Roman Selivanov	Glazkovo Spit (Zaton): problems and future development	86
	Natalia Koval	Digest	92
european-style conversion	Elena Grigoryeva	93
	Svetlana Seredenkina	The Story of How the Hotel Kocher Turned into the Kocher Quarter.....	94
	Olga Smirnova	How a Prison Transformed into a Garden	98
	Svetlana Seredenkina	The Magic Hamburg Mountain	102
	Georgi Stanishev	Frank Gehry: I Never Do Architectural Fantasies.....	104
	Christian Horn	'Conversion': industrial facilities and territories	114
object of the issue		Reorganization of the Territory of the Silk-Weaving Factory "Red Rose" in Moscow	125
	Igor Schwarzman	The Director's Comments	131
	Konstantin Lidin	The Culturologist's Comments	133
	Inna Bocharova	The Partner's Comments. "Red Rose", the First Large-Scale Redevelopment Project in Russia.....	135
conversion	Elena Grigoryeva	137
	Alexander Rappaport	Architecture and the Profession	138
	Alexander Rappaport	An Architect as an Anthropological Issue	139
	Konstantin Lidin	An Architect in the New Reality.....	141
	Petr Kapustin	Conversion of Design	142
	Alexei Myakota	Participative Design – a Social Myth or a Real Tool of Designing?	148
	Anastasia Repina	Participative Design in Irkutsk	150
	Eduard Tovmasyan	The Ways of Transformation of Gorstroiproject and the Cabinet of the All-Union Academy of Architecture of the USSR into the Central Scientific Research and Design Institute of the Ministry of Construction of Russia.....	151
	Victor Logvinov	From "Green Building" to Architecture Integrated with Nature. The Principle of Using Forms. Part 2	156
post scriptum	Natalya Koval	Facilities of the 2018 Olympic Games in South Korea	164
monitor	Andrei Bolshakov Ekaterina Galeeva	The Principles of Formation of the Namsan Public Center in Seoul (South Korea)	166
authors		168

Balkrishna Doshi receives the 2018 Pritzker Architecture Prize

Professor Balkrishna Doshi, of India, has been selected as the 2018 Pritzker Architecture Prize Laureate, announced Tom Pritzker, Chairman of Hyatt Foundation, which sponsors the award that is known internationally as architecture's highest honor. Architect, urban planner, and educator for the past 70 years, Doshi has been instrumental in shaping the discourse of architecture throughout India and internationally. Influenced by Le Corbusier and Louis Kahn, Doshi has been able to interpret architecture and transform it into built works that respect eastern culture while enhancing the quality of living in India. His ethical and personal approach

to architecture has touched lives of every socio-economic class across a broad spectrum of genres since the 1950s.

The architect designed Aranya Low Cost Housing (Indore, 1989), which presently accommodates over 80,000 individuals through a system of houses, courtyards and a labyrinth of internal pathways. Other notable works include the Indian Institute of Management (Bangalore, 1977-1992), his studio Sangath (Ahmedabad, 1980), Amdavad Ni Gufa art gallery (Ahmedabad, 1994), Centre for Environmental Planning and Technology (CEPT University) (Ahmedabad, 1966-2012); and many others. Doshi is the 45th Pritzker Prize Laureate, and the first to hail from India. The 2018 Pritzker Archi-

ecture Prize ceremony commemorates the 40th anniversary of the accolade, and will take place at the Aga Khan Museum in Toronto, Canada, this May.

Visit pritzkerprize.com for more information

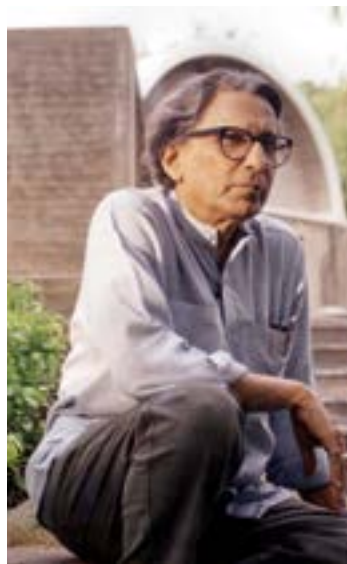
The 16th Venice Architecture Biennale Participants announced

Open to the public from May 26th to November 25th 2018, the 16th International Architecture Exhibition is titled FREESPACE. The Exhibition will develop from the Central Pavilion (Giardini) to the Arsenale, and will include 71 participants. The 71 participants will be joined by others gathered in two Special Sections: the first numbering 16 participants, is titled Close Encounter, meetings with

remarkable projects and will present works that originate in a reflection on well-known buildings of the past; the second which counts 12 participants and is titled The Practice of Teaching, will collect projects developed as part of teaching experiences. The Exhibition will also include 65 National Participations in the historic Pavilions. 7 countries will be participating in the Biennale for the first time. Russia will present the Station "Russia" supervised by Semyon Mikhailovsky. The UAR president and the chief architect of Metrogiprotrans Nikolay Shumakov and the head of Studio 44 Nikita Yavein are among the participants.

Visit labiennale.org for more information

Международные новости архитектуры / International Architecture News

^ Балкришна Доши. Фотография предоставлена VSF / Balkrishna Doshi (photo courtesy of VSF)

Балкришна Доши – лауреат Притцкеровской премии-2018

Том Притцкер, председатель Фонда Hyatt, который спонсирует самую престижную международную архитектурную награду, объявил имя лауреата Притцкеровской премии 2018 года. Им стал индийский профессор Балкришна Доши.

Архитектор, урбанист и учитель с 70-летним стажем, Доши внес неограниченный вклад в развитие архитектуры Индии и всего мира. Вдохновленный работами Ле Корбюзье и Луиса Кана, Доши успешно воплощал свои идеи, создавая

объекты, наполненные уважением к восточной культуре и одновременно повышающие качество жизни в Индии. С 1950-х годов его этический и индивидуальный подход нашел свое применение в широком спектре работ, которые касались различных социально-экономических слоев населения.

Балкришна Доши – автор проекта жилого комплекса «Аранья» для малоимущих (Индор, 1989), в котором в настоящее время проживает 80 тысяч человек. Комплекс представляет собой систему домов и дворов, связанных между собой внутренними дорожками.

В число его известных работ входят Индийский институт менеджмента (Бангалор, 1977–1992), здание его студии «Сангат» (Ахмадабад, 1980), художественная галерея Amdavad Ni Gufa (Ахмадабад, 1994), Центр планирования и технологий окружающей среды (Университет CEPT) (Ахмадабад, 1966–2012) и многое другое.

Доши стал сорок пятым лауреатом Притцкеровской премии и первым индийским архитектором, удостоенным этой высокой награды. Церемония награждения состоится в мае 2018 года в музее Ага Хана в Торонто (Канада) и будет приурочена к сорокалетнему юбилею премии.

Дополнительная информация:
pritzkerprize.com

Определены участники 16-й архитектурной биеннале в Венеции

16-я Архитектурная биеннале пройдет в Венеции с 26 мая по 25 ноября 2018 года. Главная экспозиция, тема которой в этом году сформулирована как «Свободное пространство» («Freespace»), разместится в Арсенале и центральном павильоне Джардини и в представит работы 71 участника.

Кроме того, кураторы подготовили два специальных раздела. На выставке «Близкая встреча, знакомство с замечательными проектами» покажут 16 работ, вдохновленных размышлениями о знаменитых исторических зданиях. Вторая экспозиция — «Практика обучения» – соберет 12 работ, созданных архитекторами в рамках их преподавательской деятельности.

Выставки развернутся и в национальных павильонах, которых на этой биеннале будет 65. Семь стран будут участвовать в экспозиции впервые.

Российский павильон, курируемый Семеном Михайловским, превратят в железнодорожную станцию «Россия». Среди участников – президент САР и главный архитектор «Метрогипротранса» Николай Шумаков и «Студия 44» Никиты Явейна.

Дополнительная информация:
labiennale.org

> Жилой комплекс «Аранья» для малоимущих. Рисунок предоставлен VSF / Aranya Low Cost Housing (drawing courtesy of VSF)

Премия губернатора Иркутской области за 2017 год / The Irkutsk Regional Governor's Prize 2017

проектирование
000 «Габр»
авторский коллектив
архитектор
Олег Бадула
конструктор
Александр Сидоров

Технико-экономические показатели по храму
Площадь участка 4800 м²
Площадь застройки 400 м²
Площадь нижнего придела 255 м²
Площадь верхнего придела 300 м²
Общая площадь здания 555 м²
Строительный объем 7000 м³
Количество прихожан 650 мест

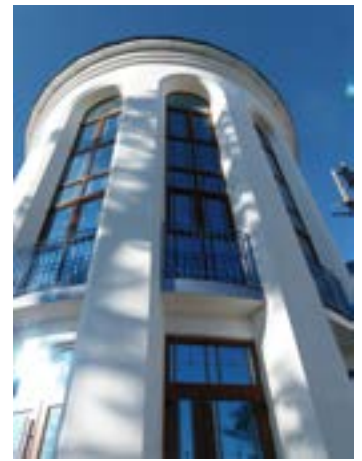
Решение о возведении Храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Пивовариха Иркутской области было принято с благословения митрополита Иркутского и Ангарского Вадима в 2007 году. Место для строительства выбрано

не случайно. Во-первых, недалеко проходит автомагистраль Иркутск–Большое Голоустное, ведущая к туристическому центру на Байкале. Во-вторых, храм расположен в непосредственной близости к месту массового захоронения жертв сталинских репрессий 1937–1953 гг. В-третьих – близость с глиссидой иркутского аэропорта. В ходе проектирования родилась идея создания православного центра. Помимо храма, в состав центра должны были войти: притчевый дом с колокольней, детский приют, парковая зона и православная деревня. В настоящее время храм построен, в нем проводится служба. В детском приюте ведутся отделочные работы и работы по благоустройству, возводится ограждение территории.

Архитектурный образ храма, созданный в кратчайшие сроки, был одобрен митрополитом Вадимом.

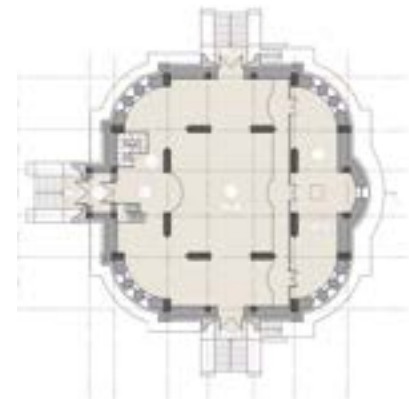
После этого разработана проектная документация разделов «Архитектурные решения», «Генплан», «Конструктивные решения». Раздел «Конструктивные решения» выполнен инженером-конструктором Александром Константиновичем Сидоровым. По выполненной проектной документации и велось строительство с 2008 по 2015 год. 14 октября 2015 года в праздник Покрова Пресвятой Богородицы митрополит Иркутский и Ангарский Вадим освятил храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Пивовариха и совершил в новом храме Божественную литургию. По окончании богослужения митрополит наградил архиерейскими грамотами жертвователей и благоустроителей храма, в числе которых был архитектор О. Б. Бадула.

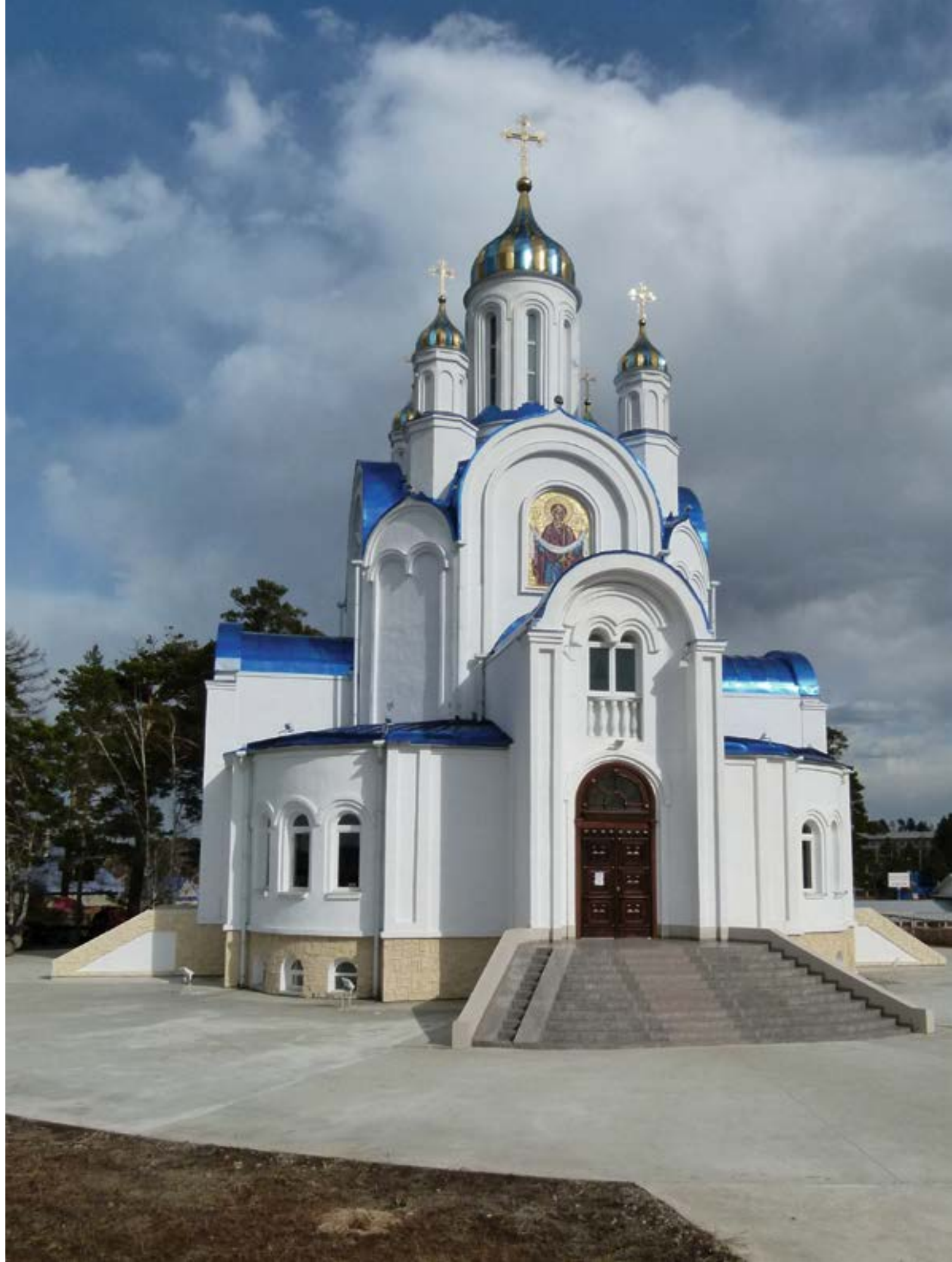
В 2017 году авторы Храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Пивовариха Иркутской

области на межрегиональном фестивале «Зодчество Восточной Сибири–2017» в г. Красноярске награждены Бронзовым дипломом в разделе «Постройки» (номинация «Общественные здания»).

Олег Бадула / Oleg Badula

КОМПАНИЯ «ВЫБОР» – ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ТРОТУАРНОЙ ПЛИТКИ И ЭЛЕМЕНТОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА
17 лет успешной работы позволили стать лидерами в технологии производства тротуарной плитки.
8-800-77-00-110
ВЫБОР.РФ

В преддверии Универсиады в Красноярске / On the Threshold of Krasnoyarsk Universiade

В декабре 2017 года завершилось строительство нового пассажирского терминала аэропорта Красноярска (Емельяново). Он стал крупнейшим российским авиаузлом за Уралом. Современный терминал международного аэропорта имеет площадь 58 000 м² и пропускную способность более 2,5 миллионов пассажиров в год. Весь комплекс предназначен для обслуживания как внутренних, так и международных рейсов.

Общая концепция принадлежит дизайн-группе «АртСтиль» (Красноярск). Параллельно Архитектурная студия Сергея Шведова (Санкт-Пе-

тербург) проектировала оформление интерьеров нового аэровокзала и его технологических зон – залов ожидания, торговых галерей и VIP-залов.

Работая над проектом, дизайнеры старались придать «аэровокзальному комплексу территориальную уникальность». Проектировщики также предусмотрели удобную зону для парковки автомобилей. На ней могут разместиться 700 машин; это в два раза больше, чем вмещала прежняя парковка.

Дизайн-проект предусматривал пешеходные зоны площадью 7500 м² с уличными диванами, урнами, лавочками – местами отдыха пассажиров на свежем воздухе.

Впервые на территории Красноярского края для благоустройства пешеходных зон применена крупноформатная брусчатка с поверхностью из натурального мрамора.

О данном техническом решении хотелось бы сказать подробнее.

Сроки реализации проекта были очень сжатые: терминал построен в рекордно короткий срок, за полтора года. Перед генеральным подрядчиком ООО «Терминал Емельяново» встал вопрос о выборе брусчатки для пешеходной зоны. Требовалось произвести 7 500 м² высококачественной тротуарной плитки в кратчайший срок, с четким соблюдением геометрической правильности форм. Она должна была иметь высокую степень прочности, чтобы выдержать колоссальную нагрузку, и иметь дизайн, достойный международного аэропорта.

Ни один из сибирских производителей не удовлетворял данным требованиям полностью. Генеральному подрядчику предложили обратить внимание на компанию «Выбор», имевшую к тому времени 4 завода по производству тротуарной плитки и элементов благоустройства премиум-класса общей производительностью 22 000 м² в сутки. В качестве материала для мощения компания предложила использовать крупноформатные плиты размерами 600×300×80 мм из коллекции «Стоунмикс» с фактурным слоем из натурального мрамора. Решающим аргументом в пользу компании «Выбор» был тот факт, что производимые ею тротуарные плиты строго соответствуют ГОСТу 17608-2017, на всех этапах формовки проходят тщательный

контроль в аттестованных технических лабораториях и имеют гарантию эксплуатации сроком не менее десяти лет. Аэропорт Красноярск (Емельяново) был закончен и сдан в обозначенный срок.

В рамках Федеральной программы благоустройства вопрос качественного и, в тоже время, эстетичного мощения городских территорий и объектов социальной сферы чрезвычайно актуален для сибирского региона. Востребованность продукции компании «Выбор» в Сибири стала главным аргументом в пользу запуска пятого по счету завода в городе Красноярске. Он намечен на июнь 2018 года. Теперь благоустройство премиум-класса будет доступно и в Сибири!

Артем Новиков / Artem Novikov

Излагается история проведения конкурса на проект и проведение капитального ремонта Дворца Бракосочетания в Иркутске. Ставится вопрос об участии автора-архитектора в проектировании капитального ремонта и необходимости авторского надзора. Подвергаются критике некорректные действия проектной организации, осуществлявшей проект капитального ремонта.

Ключевые слова: Дворец Бракосочетания в г. Иркутске; ООО «Сибнистромпроект»; Комитет по градостроительной политике; Управление архитектуры и градостроительства Иркутска; Градостроительный Совет Иркутска; служба ЗАГС; ИРО САР. /

The article tells about the competition for the design for repair of the Palace of Wedding in Irkutsk and its realization. It touches upon the participation of the author and the architect in designing the repairs and the necessity of the designer's supervision. It criticizes inappropriate actions of the planning institution that realized the design for repair.

Keywords: Palace of Wedding in Irkutsk; 000 Sibniisromproekt; Town-Planning Committee; Irkutsk Department for Architecture and Town-Planning; Irkutsk Town-Planning Council; the Office of Vital Records; Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia.

История капитального ремонта на фоне безграничной лжи: Дворец бракосочетания в Иркутске /

Здание иркутского Дворца бракосочетания построено в 2003 году. Проектирование и авторский надзор за строительством осуществляла проектная фирма «ИП Солнышков». Автор-архитектор проекта Жижченко Елена Генриховна

Проектирование началось с колебания городских властей: проектировать пристрой к существующему зданию ДК Профсоюзов или строить отдельный стоящий объект.

В ходе обсуждения с автором проекта комплекса ДК Профсоюзов Владимиром Азарьевичем Павловым первоначальное предложение выполнить пристрой к существующему зданию ДК было пересмотрено. Объективно оценив ущерб архитектурному произведению от пристраиваемого объема, мэр города В. В. Якубовский и главный архитектор города Е. А. Третьяков приняли решение о проектировании и строительстве отдельного стоящего здания, несмотря на то, что земляные работы для реализации проекта пристроя были уже начаты.

В 2004 году объект «Дворец Бракосочетания в г. Иркутске» получил премию губернатора Иркутской области в области культуры и искусства.

На протяжении многих лет проектная фирма «Солнышков» и подрядная организация «Иркутскпромстрой» в плотном сотрудничестве с директором Дворца Т. В. Беляевой успешно решали сложные вопросы, возникающие в ходе строительства и последующей эксплуатации здания. Но время взяло свое, и

встал вопрос о проведении ремонта интерьеров и фасадов здания.

В июле 2014 года состоялся тендер на проект капитального ремонта здания Дворца Бракосочетания в г. Иркутске, который с более чем 60%-м снижением обозначенной цены выиграла компания ООО «Сибнистромпроект» из Новокузнецка. Полученное право на разработку проектной документации касалось ремонта фасадов, инженерных коммуникаций и дизайна интерьеров.

Изначально, в сентябре 2014 года, я как автор-архитектор приняла активное участие в обсуждении проектных задач как с заказчиком, так и с проектировщиком. Общение с последним осуществлялось по электронной почте.

Были выполнены и переданы заказчику эскизы по возможной перепланировке в здании.

К сожалению, ни заказчик, ни проектировщики не сочли нужным обсуждать с автором-архитектором проектное решение по фасадам, хотя я как автор-архитектор настоятельно предлагала им бескорыстную помощь. К сожалению, директор Дворца Татьяна Васильевна Беляева уже не занимала эту должность, иначе ее мнение, сформированное в ходе длительных обсуждений со мной, было бы донесено до первых лиц службы ЗАГС.

В сентябре 2014 года я вынуждена была обратиться к главному архитектору города И. А. Кондратьевой с просьбой посодействовать организации рабочих контактов заказчика с автором-архитектором.

Однако по истечении некоторого времени фирма ООО «Сибнистромпроект» прислала мне в электронном виде свои фасадные решения на стадии уже полученного согласования с заказчиком. Изменять что-либо, прислушиваясь к мнению автора, в их планы не входило.

Проектировщики, в основном имевшие опыт промышленного проектирования, выполнили цветовое решение, совершенно не отвечающее архитектурному образу и тектонике гражданского объекта, обладающего к тому же весьма значимым имиджем. С фасада был полностью изъят белый цвет; вместо него обильно введены «богатые» золотые элементы, не несущие никакой семантической нагрузки.

В проекте капитального ремонта возник новый, совершенно чужеродный элемент фасада – дугообразный в плане протяженный навес над крыльцом со стороны усадьбы В. П. Сукачёва.

Его появление было обосновано пожеланием заказчика (не отраженном в техническом задании на проектирование в тендерной документации) обеспечить защиту лестницы входа в цокольный этаж здания от осадков. Опорами для этого непонятно откуда возникшего массивного навеса стали три «ножки» из металлических труб, абсолютно диссонирующие со всем объектом. Золотой цвет, «назначенный» проектировщиками для оформления этого навеса, явился насмешкой над изначальным авторским замыслом визуально акценти-

ровать семантически отобранные элементы здания. Исходный авторский образ Дворца Бракосочетания заключался в создании колористического дуэта: а) сакрально-белого объема с лиричной ротондой над церемониальным залом, увенчанной золотым навершием, и б) brutального каркаса пилонов и антаблемента. Золотым цветом было семантически выделено «второе кольцо» – фриз над витражом церемониального зала. Ритм и цвет ограждения террасы вокруг здания визуально соответствовали протяженным белым элементам здания ДК Профсоюзов архитектора В. А. Павлова. Еще в 2005 году журнал «Проект Байкал» посвятил Дворцу Бракосочетания статью, где была дана высокая оценка именно колористическому решению фасадов и интерьера.

В следующий мой визит к И. А. Кондратьевой я предъявила электронные материалы этих фасадных решений с просьбой критически оценить эти случайные и никак не обоснованные решения. Я также настоятельно попросила ее уделить особое внимание данному проекту в силу особой значимости функции данного здания.

Гораздо позже я узнала, что 11 ноября 2014 г. главный архитектор города И. А. Кондратьева написала службе ЗАГС письмо со странным согласованием Новокузнецкого проекта: «Рассмотрев представленный проект "Дворец бракосочетания" по адресу: Иркутская область, г. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, д. 10б, сообщаем следу-

The Story of Repairs Against the Background of the Boundless Lie: the Palace of Wedding in Irkutsk

ющее: Управление архитектуры и градостроительства предварительно согласовывает развертки фасадов (вариант 2) и сообщает о том, что данный проект будет рассматриваться на градостроительной секции Градостроительного совета в ноябре 2014 г.». Формулировка письма дает понять заказчику, что обсуждение проекта на градсекции – событие второстепенное и изменить «предварительное» согласование не может.

В начале декабря 2014 г. была проведена градостроительная секция при Градостроительном совете г. Иркутска, который собрал авторитетную архитектурную общественность. Совет проводил председатель по градостроительной политике г. Иркутска Е. А. Харитонов. Проект презентовала представитель службы ЗАГС Н. А. Афанасьева. Проектировщики из Новокузнецка не присутствовали.

Члены градсекции высказали крайнее неодобрение новокузнецкого варианта и подтвердили необходимость привлечения автора-архитектора для согласования работ, влияющих на архитектурное качество объекта и его облик. Тогда же, в начале декабря 2014 г. в Интернете и по иркутскому радио прозвучала информация, что в разработке проекта капитального ремонта принимает непосредственное участие автор-архитектор Е. Г. Жижченко; поэтому решение градсекции было весьма важным. Коллеги по цеху даже поздравляли меня с закономерной для меня, значимой для города и области предстоящей работой.

Поскольку опровержения этой информации не было, по формальным признакам реализация являлась для горожан именно следствием работы архитектора Е. Г. Жижченко.

По материалам представленного ООО «Сибнистромпроект» варианта проектного решения, сразу после проведения градостроительной секции, я подготовила письмо И. А. Кондратьевой, где подробно описала недочеты и ошибки представленного решения, непоправимо искажающие облик Дворца, и высказала авторское мнение.

Комитет по градостроительной политике, Управление архитектуры и градостроительства направили в адрес службы ЗАГС Иркутской области письмо о рассмотрении проекта на градостроительной секции, протокол заседания и в приложении – письмо автора-архитектора по недочетам новокузнецкого проекта. В протоколе указывалось, что заказчику необходимо максимально учесть мнение автора первоначального проекта.

От имени автора-архитектора Е. Г. Жижченко и от лица Иркутской организации САР, председателя правления Иркутской региональной организации И. В. Козака было составлено обращение мэру города В. И. Кондрашову и Губернатору Иркутской области С. В. Ерощенко. В письме было указано на весьма поверхностное и непрофессиональное отношение к объекту городского значения со стороны службы ЗАГС и проектировщиков из Новокузнецка. Это было совер-

шенно нетерпимо ввиду того, что данное архитектурное произведение получило награду Губернатора Иркутской области.

Искажение облика объекта, его градостроительной, эстетической и социальной значимости нельзя было допустить именно на стадии проектирования. Однако служба ЗАГС избегала каких бы то ни было контактов с автором-архитектором, несмотря на мою готовность принять совершенно безвозмездное участие в проектных работах.

Я написала письмо в адрес первого заместителя руководителя Службы ЗАГС С. П. Какаулина с просьбой назначить рабочую встречу по рассмотрению моих проектных предложений по отделке фасадов и устройства навеса со стороны усадьбы В. П. Сукачёва. Меня письменно пригласили на встречу в офис службы (ул. Киевская), причем дата встречи была назначена на 27 февраля, через 2 месяца после моего письма.

В присутствии Е. А. Третьякова (главного архитектора Иркутска на момент проектирования и строительства Дворца Бракосочетания) службе ЗАГС были переданы проектные материалы по решению фасадов: а) цветное решение и б) решение по навесу над лестницей в цокольный этаж. Я как автор-архитектор также повторно предложила безвозмездно выполнить эту работу в дополнение к новокузнецкому проекту.

В ответе мэра г. Иркутска на письмо автора и ИРО САР сообщалось, что в управление архитектуры

и градостроительства заявление от службы ЗАГС на 23. 12. 2014 г. о согласовании паспорта отделки фасадов не поступало. К сожалению, этого следовало ожидать, так как письмо И. А. Кондратьевой рассматривалось службой ЗАГС как полученное согласование, которое не требовало дополнительного письма-согласования от ЗАГС.

В ответном письме из аппарата Губернатора Иркутской области было указано, что участие автора-архитектора Е. Г. Жижченко в корректировке фасадов не требуется. Впрочем, это можно было расценить как готовность проектировщиков из Новокузнецка самостоятельно проработать замечания, переданные службе ЗАГС.

Неоднократно я обращалась к первому заместителю руководителя службы ЗАГС С. П. Какаулину с вопросом о моем участии в корректировке фасадных решений. Ничего конкретного в ответ получено не было. Возможность организации рабочей встречи с руководителем службы ЗАГС О. Б. Власенко отклонялась под всевозможными предлогами.

Проект ООО «Сибнистромпроект» прошел экспертизу, и это стало еще одним козырем в руках юридически подкованной службы ЗАГС: прошел экспертизу – значит, безупречен.

Пока я задавала вопросы С. П. Какаулину о «нужности» моей помощи, проект Новокузнецка шаг за шагом проходил процедуру согласования. Он был представлен депутатам в том же самом,

неизменном виде. Как стало мне известно позже от представителей службы ЗАГС, на этом мероприятии присутствовала главный архитектор И. А. Кондратьева. Безусловно, она не могла не видеть, что проект не изменился и никак не был откорректирован на основе замечаний градостроительной секции, что зафиксировано в ее протоколе.

На протяжении полутора лет никаких предложений от службы ЗАГС ко мне не поступало. Но и работы по капитальному ремонту тоже не велись.

В Управлении архитектуры и градостроительства города при главном архитекторе города И. А. Кондратьевой вопрос о корректировке фасадов больше не поднимался.

С нынешним главным архитектором города С. А. Александровым мы инициировали повторный диалог со службой ЗАГС.

В пункте 2.3 «Специальные требования к составу работ, содержанию и оформлению проекта» технического задания от 05.06.2014 г. указано требование, что окончательный вариант отделки фасада необходимо согласовать с Заказчиком и в Управлении архитектуры и градостроительства г. Иркутска. Служба ЗАГС за этим согласованием не обращалась и должным образом оформленного согласования Управления архитектуры и градостроительства не имела.

Иркутская региональная организация САР написала письма в Управление архитектуры и градостроительства города, в Службу архитектуры Иркутской области с просьбой подключиться к решению ситуации с Дворцом Бракосочетания.

В сентябре 2017 г. служба ЗАГС была вторично приглашена на заседание градсекции по вопросу капитального ремонта Дворца Бракосочетания. На заседании была представлена презентация 2014 года. На вопросы членов градсекции о корректировке проекта по решению градсекции от 2014 г. была предпринята попытка исполнителей убедить присутствующих, что проектировщики работали над корректировкой вместе... с Е. Г. Жижченко(!).

В ходе работы градсекции была сформирована рабочая группа для «помощи» в корректировке цветового решения фасадов. С. А. Александров вместе с членами рабочей группы принимал активное участие в выездных встречах со службой ЗАГС. Я также была в этой груп-

пе. К сожалению, представители службы ЗАГС, сопровождавшие этот проект, в том числе первый заместитель руководителя Б. В. Чернегов, отрицали саму необходимость прислушиваться к профессиональному мнению архитекторов. Они достаточно безапелляционно заявляли, что здание передано в управление службе ЗАГС и какие решения принимать в отношении его отделки в ходе капитального ремонта, они решат сами, без чьей-либо помощи. Мнение архитекторов их не интересует, потому что оно субъективно. А белый цвет фасадов нужно исключить, потому что слишком загазованный воздух на ул. Декабрьских Событий вызывает опасения, что фасады быстро загрязнятся.

Вынужденная давать разъяснения о ходе проектирования, служба ЗАГС в разных инстанциях рассказывала все новые и новые истории о моем участии в проекте. Сначала высказывались грязные намеки о моих якобы финансовых притязаниях к проектировщику, далее была запущена ложная версия, что решение, которое было принято новокузнецкими проектировщиками, принято в результате совместного творчества со мной. А закончились эти выдумки откровенным фарсом: заявлениями, что я незаконно называю себя автором проекта Дворца Бракосочетания, поскольку никакого подтверждения этому, якобы, не существует. В конце концов представители службы дошли до прямого обмана. Так, в письме службы ЗАГС на имя председателя правления ИРО САР И. В. Козака указывалось: *«Решения Градостроительного Совета и другие письменные уведомления по вопросу цветовых и конструктивных решений, предусмотренных проектом капитального ремонта Дворца Бракосочетания, в службу не поступали...». И далее в этом же письме: «Предложение по реконструкции и цветовому решению фасадов Дворца Бракосочетания архитектора Жижченко Е. Г. поступили в службу в сентябре 2017 года. По предварительной оценке, оно является неэффективным, затратным и непрактичным».*

Замечу, что проектное предложение было передано первому заместителю руководителя службы С. П. Какаулину не в сентябре 2017 года, а в феврале 2015 года. Куда потом исчезли материалы – мне неизвестно.

В ответах службы также указывалось, что все решения Градострои-

тельного Совета и секций являются лишь рекомендательными, следовательно, могут быть попросту проигнорированы даже без необходимости давать какие-либо письменные ответы. В качестве дополнительных доводов приводились рассуждения о том, что по законодательству РФ согласовывать цветовые решения фасадов, не относящихся к объектам культурного наследия, обязательно.

Руководитель службы ЗАГС О. Б. Власенко по приглашению главного архитектора города С. А. Александрова посетил заседание градсекции в ноябре 2017 г, на котором внимательно выслушал замечания к проекту и обращения присутствующих архитекторов. Он заявил, что никаких протоколов Градостроительного Совета и секций его служба не получала, а он сам даже не в курсе претензий архитектурной общественности к данному проекту. Заслуженный архитектор России В. Б. Стегайло в своей речи четко высказал претензии и критику подобного поведения и разуверил О. Б. Власенко в том, что тот считал неоспоримым: что служба занимается улучшением здания и в целом улицы Декабрьских Событий.

При этом сотрудники службы ЗАГС не провели со мной ни одной рабочей встречи по обсуждению складывающейся ситуации и особенностей моего конкретного проектного решения. А свой отказ согласовывать со мной фасадные решения, искажающие внешний вид и колористический замысел здания, объясняли такими заявлениями: *«Со слов Жижченко Е. Г., она является автором проекта, по которому было построено указанное здание, однако никаких документов, подтверждающих ее авторство, ею предоставлено не было. Согласно имеющейся у службы информации, проектирование здания Дворца Бракосочетания было осуществлено проектной организацией ИП Солнышков В. В. То есть у службы отсутствуют основания необходимости согласования фасадных решений по Дворцу бракосочетаний с Жижченко Е. Г.».*

И все это происходит на фоне открытой, публично освещенной в СМИ общедоступной информации о награждении меня, как автора проекта Дворца Бракосочетания, премией Губернатора Иркутской области.

Здесь надо пояснить, что ни в протоколах градостроительных секций 2014 и 2017 гг., ни в

письмах Управления архитектуры и градостроительства города службе ЗАГС, ни в каких иных документах никогда не звучало требование о согласовании фасадов с Е. Г. Жижченко.

Участие автора-архитектора в этой работе представлялось как качественная помощь заказчику и Управлению архитектуры и градостроительства города в принятии ответственных решений по сохранению облика здания.

А в соответствии с условиями, заявленными в тендерной документации и в техническом задании, согласование фасадных решений должно было осуществляться с Управлением архитектуры и градостроительства. Кстати, этот пункт до сих пор так и не соблюден проектировщиками ООО «Сибнистромпроект».

В октябре 2017 года ИРО САР написала и отправила обращение: а) Прокурору Иркутской области государственному советнику юстиции 2 класса Мельникову И. А. и б) руководителю Управления Федеральной антимонопольной службы по Иркутской области Кулишу А. В. Тема письма была обозначена предельно конкретно: «О нарушении законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд». Приведу цитату: *«Согласно пункту 12.6 Контракта его неотъемлемой частью является приложение 4 «Задание на разработку проектно-сметной документации». В соответствии с подпунктом 3 пункта 2.3 «Специальные требования к составу работ, содержанию и оформлению проекта» Задания подрядчик обязан окончательный вариант отделки фасада согласовать в Управлении архитектуры и градостроительства города Иркутска».*

По информации заместителя председателя комитета – главного архитектора города комитета по градостроительной политике администрации города Иркутска Александрова С. А., окончательный вариант проектной документации отдела фасада в администрацию города Иркутска не поступал (письмо № 945-71-3356/17 от 17.10.2017 г.).

Вместе с тем на официальном сайте единой информационной системы в сфере закупок в информационно-телекоммуникационной сети Интернет 31.12.2015 г. опубликована информация об исполнении контракта.

В неисполнении подрядчиком требований подпункта 3 пункта

2.3 Задания мною усматривается нарушение антимонопольного, антикоррупционного законодательства Российской Федерации, законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

На основании вышеизложенного прошу провести проверку и принять предусмотренные законом меры реагирования, предоставить ответ на мое обращение в письменной форме.

Приложение: Копия письма заместителя председателя комитета – главного архитектора города комитета по градостроительной политике администрации города Иркутска Александрова С. А. № 945-71-3356/17 от 17.10.2017 г. на 1 л. в 1 экз.

**Председатель правления
И. В. Козак**

Прокуратура переадресовала запрос ИРО САР Руководителю Службы государственного финансового контроля Иркутской области Л. В. Богданович. Ответа из этой организации пока так и не получено.

От Министерства строительства и дорожного хозяйства в начале ноября 2017 года пришло письмо, в котором указано, что заказчик, служба ЗАГС, будет реализовывать проект, прошедший экспертизу. Основной аргумент такого решения – слишком поздно и затратно что-либо менять.

Строительные работы на здании Дворца бракосочетания идут полным ходом. На фасаде появились новые композитные панели и пристроена мощная металлическая конструкция навеса, готовится установка новых стеклопакетов в светоограждающие конструкции.

Изначальный замысел разрушен в угоду «освоения средств федерального бюджета» при попустительстве и лживой позиции службы ЗАГС, с формализацией и искажением смысла профессиональной деятельности и прав архитектора, являющегося автором проекта.

Ситуация втягивается в новый виток противостояния, поскольку следующим этапом намечен капитальный ремонт интерьеров. Показанные на заседании градостроительной секции интерьерные решения, разработанные новокузнецкими проектировщиками, заставили в очередной раз ужаснуться, так как не показали ни свежести новых идей, ни качества дизайна.

Как повлиять на интерьерную «дворцовую» безвкусицу, на самодержавную власть службы ЗАГС в ее стремлении реализовывать все это за государственные деньги?

PS
Пока готовилась статья, фасадные работы на здании Дворец бракосочетания закончены.

Ни одно замечание профессионального архитектурного сообщества города не было учтено.

В адрес Председателя правления ИО САР 12 января 2018 года пришел ответ от Службы государственного финансового контроля Иркутской области.

*Уважаемый Игорь Владимирович!
В дополнение к ранее направленной информации служба государственного финансового контроля Иркутской области сообщает о завершении проверки соблюдения законодательства в сфере закупок при исполнении службой записи актов гражданского состояния Иркутской области государственного контракта от 26.08.2017 №2014.224686.*

Как свидетельствуют материалы проверки, службой записи актов гражданского состояния Иркутской области, осуществляющей функции заказчика, в документации электронного аукциона и контракте установлено требование к исполнителю о согласовании проекта фасада здания в Управлении архитектуры и градостроительства г. Иркутска (далее-Управление).

При этом Положением об Управлении, утвержденным распоряжением администрации г. Иркутска от 09.02.2012 № 031-10-100/12, полномочие по проведению такого согласования не предусмотрено. В установленном законодательством порядке не наша своего регулирования и соответствующая административная процедура.

Таким образом, включение в условия контракта требования о согласовании проекта фасада с Управлением является излишним (!).

Вместе с тем, согласно представленным к проверке документам, сторонами государственного контракта принимались меры по исполнению указанного условия.

В соответствии с письмом от 11.11.2014 № 425-74-1142/4, направленным в адрес службы записи актов гражданского состояния Иркутской области, Управлением согласованы развертки фасадов (вариант 2 проекта «Дворец Бра-

косочетания» по адресу: г. Иркутск ул. Декабрьских Событий, д.106)

С учетом изложенного, основной для ответственности должностных лиц не усматривается.

**Руководитель службы
Государственного финансового
контроля Иркутской области
Л. В. Богданович**

Факты, приведенные в данном ответе, трактуются в пользу Службы ЗАГС.

Исчезнувшее слово «предварительно» из истинного текста письма о согласовании фасадов и упоминание о назначенных слушаниях по данному вопросу на Градостроительном совете города искажает значимость подобного «согласования». То, что нынешний главный архитектор города Александров С. А. опровергает факт обращения за получением согласования фасадов и, следовательно, наличия такого согласования, тоже не было рассмотрено как весомый аргумент.

Не рассматривается и ущемление прав потенциальных участников торгов, которые не выставили свои заявки, возможно, в связи с наличием пункта в техническом задании о согласовании фасадов с Управлением.

Видимо, основным лейтмотивом ответа было указать Управлению архитектуры и градостроительства и заодно ИОСАР, что никакой ответственной деятельности по сохранению культурно-эстетической среды города Иркутска им не поручали. Хозяева победили.

Завершая грустное повествование, хочу еще раз высказать свою убежденность, которую неоднократно повторяла в различных инстанциях: в городе Иркутске, где живут и работают замечательные архитекторы и дизайнеры, подобные «капитальные» ремонты должны проходить исключительно на конкурсной основе, с привлечением достойных иркутских авторов, на основе соревнования в качестве проектных предложений с непременно участием в их оценке профессионального сообщества архитекторов, а не демпинга стоимости работ.

Пора профессиональному сообществу архитекторов, Управлению архитектуры и градостроительства города, Службе архитектуры Иркутской области озоботиться созданием действенного механизма реализации лишь достойных архитектурных проектов.

**Елена Жижченко /
Elena Zhizhchenko**

^ Коллективный показ «Тайны цвета», 2017

Рассматриваются основные творческие принципы Центра детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», его история. Описываются методические приемы обучения, проекты Центра, акции. Подчеркивается значение принципа непрерывного художественного образования для детей.

Ключевые слова: Центр детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида»; творчество; педагогика; художественное образование; дизайн; арт-объекты. /

The article features the basic creative principles and the history of the Children's Architecture and Design Center "Piramida". It reviews educational techniques, events and projects of the Center. The article points out the significance of the principle of children's continuous art education.

Keywords: the Children's Architecture and Design Center "Piramida"; creativity; pedagogy; art education; design; art objects.

Центр детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида»: творить может каждый /

v «Серый» показ «Тайны цвета», 2017

История коллектива

Восьмидесятые годы – время появления в Москве первых детских архитектурных школ. Эта интереснейшая инициатива была замечена деканом архитектурного факультета Валерием Васильевичем Козловым, который в 1992 году предложил открыть первую в Иркутске детскую архитектурную студию. Работать над созданием школы начала я, выпускница архитектурного факультета ИрГТУ 1992 года Наталья Ремизова. Так возникла «Пирамида», в которой целый год занималась... только одна девочка. Со временем учеников становилось больше, сформировался творческий коллектив преподавателей – единомышленников, архитекторов по образованию. Сегодня в Центре работают тринадцать преподавателей и занимаются около 800 человек по двенадцати возрастным ступеням от четырехлетних ребятшек до старшекласников. За 25 лет «Пирамида» прошла путь от маленькой архитектурной студии до крупнейшего в Восточной Сибири Центра детского творчества архитектуры и дизайна. Все эти годы в ней успешно решаются задачи непрерывного детского архитектурно-художественного образования. Было воплощено в жизнь множество креативных проектов; некоторые из них переросли в традиции.

В каждой возрастной группе свой преподаватель – автор программ, знаток возрастных особенностей. Занятия проходят два раза в неделю, их продолжительность – два астрономических часа.

^ «Фиолетовый» показ «Тайны цвета», 2017

The Children's Architecture and Design Center "Piramida": Everybody Can Create

www.piramidka.com

Коллектив Центра «Пирамида»
Ремизова Наталья Викторовна, основатель и бессменный руководитель Центра «Пирамида», член Союза дизайнеров России, член Союза архитекторов России.

Митюкова Оксана Владимировна, член Союза дизайнеров России, член Союза архитекторов России. Баранова Татьяна Валерьевна, член Союза архитекторов России. Горохова Татьяна Владимировна, член Союза дизайнеров России. Романюк Оксана Григорьевна, член Союза дизайнеров России. Кручинина Ульяна Олеговна, член Союза дизайнеров России. Васюнькина Людмила Николаевна, член Союза архитекторов России. Васюнькин Владимир Викторович.

Гладкова Екатерина, выпускница Центра «Пирамида», студентка. Малинович Роман, выпускник Центра «Пирамида», студент. Павлова Елена Геннадьевна, член Союза художников России. Выборова Елена Александровна. Гончарова Оксана Александровна. Кривошеева Вероника.

Показ-дефиле костюмов

Ежегодно проводится показ-дефиле костюмов, придуманных и воплощенных нашими учениками. Каждый является автором от рождения идеи до воплощения костюма в материале и его демонстрации. С одной стороны, это задача общего учебно-творческого процесса, с другой – эффектное зрелище, обмен опытом и популяризация творческой деятельности. Количество участников каждый год

составляет около 700 человек, а зрители и «команда поддержки» – порядка 1500 человек.

Постановка дефиле, включая подбор музыкального сопровождения, режиссуру, оформление сцены и сценическое движение, разрабатываются преподавателями Центра. Коллекция каждого года объединена общей темой: «Тайны цвета», «Бумажная Сказка», «Душа Дизайнера», «Метаморфозы образа», «Мастера и шедевры», «Представление начинается!!!». Каждая возрастная группа использует свой подход, свою технику, свои материалы. В процессе создания костюмов решаются творческие задачи, осваиваются техники и приемы,

в «Черный» показ «Тайны цвета», 2017

^ «Красный» показ «Тайны цвета», 2017

идет поиск свежих, интересных решений.

Но вот темы выбраны, и внутри группы ребята погружаются в свою часть проекта; идет поиск информации по заданному направлению. Просматриваются книги, журналы, газеты, Интернет. Преподаватель в доступной и интересной форме, с учетом возрастных особенностей детей, делится с ними информацией.

В возрастных группах трех-четырехлеток к созданию костюма

подключаются родители. Остальные группы справляются сами. Педагог выбирает материал, из которого будут создаваться арт-объекты. Обычно используются доступные и дешевые, не совсем обычные, не характерные для изготовления костюма, материалы. Ватман, картон, полиэтилен, укрывные материалы для огорода, пакеты для мусора, старые журналы, компьютерные диски, фантики от конфет... Оригинальность всячески поощряется и приветствуется.

Фонарное шествие

Ежегодно к Новому году по старому стилю Центр «Пирамида» проводит акцию, которая называется «Фонарное шествие». На занятиях учащиеся готовят тематическую объемную композицию, в которую крепится электрический фонарь, и в один из январских вечеров все ученики от 4 до 16 лет светящимся и мерцающим потоком движутся от здания Центра на площадь технического университета к новогодней елке. Это очень красивое и завораживающее зрели-

ще! Каждое из шествий имеет свою тему: «Свет в окне», «Зимний сад», «Новый год в квадрате», «Праздник всегда с тобой». Это единственное мероприятие, когда учащиеся и их родители приходят не в разное время, а все сразу и могут увидеть друг друга, почувствовать себя единым огромным коллективом единомышленников и испытать гордость за свой родной Центр. Цель акции – в своеобразной и оригинальной форме приобщить учащихся к общественной жизни университета, воспитать в детях чувства традиции и патриотизма.

Летняя лаборатория «Экологический дизайн»

В 1998 году была воплощена в жизнь идея летней творческой лаборатории на Байкале, на острове Ольхон. Специально для работы выездной лаборатории преподавателями Центра была написана экспериментальная программа по теме «Экологический дизайн». Каждый год летом учащиеся «Пирамиды» выезжают на берег Байкала, живут в палатках и работают под открытым небом над идеями, которые невозможно было воплотить в тесных аудиториях. По берегу Байкала туристы оставляют много мусора. Это и есть материал, который собирают ребята и из которого изготавливают «Эко-сувениры». Занятие увлекательное: своими руками превратить кучку отходов в произведение искусства.

Главной целью летней творческой лаборатории является воспитание нового поколения

архитекторов и дизайнеров с «байкальским» менталитетом, в чьих руках окажется Байкальский регион через 10–15 лет. Основные ценностные ориентиры отношения ко всему живому складываются в детском возрасте, на ранних этапах становления личности. Для возникновения и закрепления «байкальской идеологии» необходимо поэтапное целенаправленное формирование экологических стереотипов (это слово нам кажется здесь вполне уместным) в сознании детей, а затем у старшеклассников и студентов.

Выездной конкурс-инсталляция «Восьмое чудо света»

Одной из задач Центра является поиск новых форм занятий и использование самых необычных материалов. Для ее решения в 2009 году была придумана и реализована еще одна выездная акция: «Восьмое чудо света – "Пирамида" это». Темы каждого года варьируются: «Имба пехт», «Архитектурная снежная баба». Для свободного выражения творческих идей предлагается новый материал – СНЕГ. Из снежных объемов ребята и создают уникальные авторские композиции.

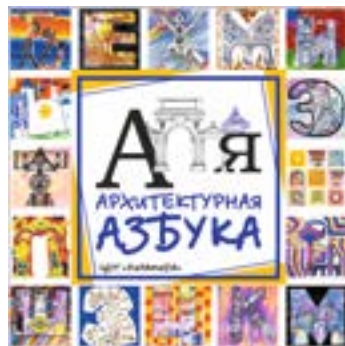
Выставка «Архитектурные ступени»

В завершение каждого учебного года «Пирамида» организует итоговую выставку, представляющую проделанную работу. В выставку включаются произведения (мы бы хотели оставить именно это слово) каждого ученика Центра, выполненные в различных техниках и

стилях. Это достаточно масштабное мероприятие: количество экспонируемых работ достигает полутора тысяч, а свободный доступ обеспечивает широкий резонанс экспозиции. Коллектив Центра считает эту акцию одной из самых интересных с точки зрения пропаганды творческого образа мышления и видения. По итогам выставки компетентное жюри присуждает всем участникам дипломы.

Книги и арт-газета

Центр Пирамида сделал несколько полноценных книг: «Путешествие окна по архитектурным стилям», «Словарик» и «Архитектурная азбука». Это еще один, игровой способ знакомства ребенка с архитектурой. Издание наполнено иллюстрациями, которые создали сами ученики. Критерием оценки для авторов издания стало признание в профессиональных кругах и популярность издания среди детей и взрослых. Книги получали Золотые дипломы межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной

^ Баенхаева Дарима, 4 года

^ Будникова Эвелина, 8 лет

^ Белых Полина, 14 лет

Сибири» в разные годы. За три этих книжки Центру досталась победа в конкурсе «Премия Золотые Кубы» Рабочей группы МСА «Архитектура и Дети» в номинации «Публикации».

Шесть лет назад в «Пирамиде» появилось свое периодическое издание «Арт-газета». Здесь собраны новости, полезная информация для взрослых и детей, творческие задания, интервью с преподавателями. Главный редактор Ольга Митюкова все эти годы старается сделать газету интересной и познавательной.

Победы и награды

Выставочная и конкурсная деятельность «Пирамиды» за все эти годы складывалась успешно. Неоднократно Центр брал Гран-при и становился лауреатом Международного архитектурного фестиваля

«Зодчество» разных лет, получал дипломы на фестивале «Зодчество Восточной Сибири», побеждал на фестивале «Город+Дизайн», успешно участвовал в Международных фестивалях детского авангарда разных лет и в выставках дизайна. Мы получили благодарность Министерства культуры РФ «за большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу», почетную грамоту от Министерства образования и науки РФ за многолетний добросовестный труд.

Особенности деятельности Центра:

- Яркие развивающие занятия, направленные не только на овладение техниками, навыками и умениями, но и позволяющие ребенку осмысленно изучать и преобразовать мир вокруг себя.
- Создание праздничной атмосферы, в которой каждый чувствует себя особенным и умеющим.
- Дети осваивают серьезные профессиональные понятия, знакомятся с культурным наследием, изучают азы дизайнерского мастерства и архитектуры в увлекательной форме, позволяющей сохранять и развивать интерес к креативной деятельности.

За 25 лет Центр подготовил достойную смену. Ребята подросли, стали архитекторами и дизайнерами. Молодые выпускники успешно трудятся в проектных мастерских, внедряя в жизнь свои оригинальные творческие замыслы.

Наталья Ремизова /
Natalia Remizova

^ Гимельштейн Евгения, 15 лет

^ Воронцова Диана, 10 лет

^ Кононенко Саша, 4 года

v Агафонов Александр, 12 лет

^ Гаврилова Лиза, 13 лет

Архитектура айсбергов Фотогалерея /

Фото Леонида Глебко / Photo by Leonid Glebko

^ Ландшафт, окружающий Илулиссат, меняется почти ежедневно

Илулиссат – столица айсбергов.
Гренландский поселок находится в устье ледника шириной 5 километров, который со скоростью 20 метров в сутки сползает в море. Это главный генератор айсбергов в северном полушарии. В окрестных водах плавают тысячи ледяных гор самых причудливых форм

Architecture of Icebergs Photo Gallery

конверсия / conversion

Термин «конверсия» используется в различных областях науки и практики. Наиболее общий его смысл заключается в переосмыслении, смене смысла чего-либо. Рассмотрено эмоциональное содержание как основной смысл архитектурных объектов. Показана связь между эмоциями и свойствами информационных потоков в обществе. Параметры движения информации в социуме (и, как следствие, преобладающие группы эмоций) закономерно изменяются со временем. Изменения носят циклический характер. В соответствии с этим преобладающий тип эмоций (стиль, мода) циклически определяет и преобладающий в данное время смысл архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; история; психология; эмоции; стиль; логос. /

The term 'conversion' is used in different fields of science and practice. It commonly means rethinking, renewing of the meaning of something. The emotional content is regarded as a basic meaning of architectural works. The article shows the connection between emotions and characteristics of informational flows in the society. The parameters of the movement of information in the society (and, as a consequence, the dominant groups of emotions) naturally change over time. The changes are cyclic. Consequently, the dominant type of emotions (style, fashion) cyclically defines the currently dominant meaning of architecture.

Keywords: architecture; history; psychology; emotions; style; logos.

Круговорот логоса в природе

конверсия как циклическая смена смыслов /

текст

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

На протяжении многих веков европейской истории латынь была международным языком образованных людей. Это обстоятельство до сих пор сказывается в виде обилия терминов латинского происхождения, особенно в самых консервативных научных областях – юриспруденции и медицине. Возможно, поэтому латинское происхождение как бы указывает на юридически-медицинское бытование термина.

Слово «конверсия» достаточно просто и прозрачно по своему происхождению. Приставка *con-* означает «совместное действие; сообща; вместе». Корень *vertio* (от этого же индоевропейского корня происходит русское «вертеть») – «поворот», «перемена». Первоначальное значение слова – нечто, происходящее с изменением, с поворотом. В противоположность реставрации, которая происходит с максимальным сохранением облика, функции и смысла объекта, конверсия означает замену и того, и другого, и третьего.

Существует множество разномасштабных примеров конверсии в зодчестве. Так, программа сокращения стратегических вооружений в конце прошлого века привела к тому, что корпуса ракет вдруг превратились в техногенные залежи листового титана. Цены на титан упали, и Фрэнк Гери использовал его для облицовки музея Гуггенхайма в Бильбао (кто бы мог поверить в такой поворот во времена «холодной войны»?). Экономический переворот в Китае привел к разорению множества промышленных компаний в Западной Европе; опустевшие цеха лондонских заводов изменили свой смысл, и возник стиль лофт. Подобные примеры возникают непрерывно: дворцы конверсируются в музеи, городские трущобы – в кварталы исторической застройки, архитектор из универсального, энциклопедически образованного художника превращается в узкого специалиста по нормативной документации. Все эти примеры сводятся к изменению смысла архитектурного процесса и, как следствие, к изменению внешнего облика и функционального наполнения его объекта.

Итак, в наших дальнейших рассуждениях будем считать, что наиболее адекватным аналогом слова «конверсия» на русском языке будет «переосмысление».

1. Месторождения смыслов

Знаменитый психолог и философ Виктор Франкл построил свою теорию на понятии смысла – логоса. В русскоязычной литературе принято переводит этот греческий термин как «слово», но трактовка Франкла тоже вполне адекватна. Не будем при этом забывать, что здесь участвует тот самый *логос*, который, по слову евангелиста Иоанна, был вначале, был у Бога и был Богом.

«Стремление найти смысл жизни является главной мотивирующей силой в человеке», – пишет Франкл. А чуть ниже добавляет: «Я не побоюсь сказать, что в мире не существует более действенной помощи для выживания даже в самых ужасных условиях, чем знание, что твоя жизнь имеет смысл» [1]. Упомянув об ужасных условиях, он точно знает, что говорит: будучи молодым, но уже известным психологом, в 1940 году он получил приглашение уехать в США. Но не захотел оставить родителей, австрийских евреев, и вместе с ними провел несколько лет в концлагерях Третьего рейха.

Логотерапия Франкла стала одной из самых влиятельных теорий не только в психологии, но и в философии повседневной жизни, особенно в последние десятилетия, когда экзистенциальные неврозы (потеря смысла жизни) и вызванные ими депрессии приобрели характер глобальной эпидемии. Не последнюю роль в этих зловещих процессах сыграли и некоторые современные тенденции в развитии зодчества. Проекты, единственным смыслом которых является меркантильный интерес, подталкивают горожан к разнообразным формам депрессии [2]. Да и сами архитекторы, утратив профессиональный логос, деградируют стремительно и необратимо. Привычные ссылки на трудные времена неубедительны: какой кризис сравнится с условиями жизни в лагере Аушвиц-Освенцим? Смысл необходим архитектуре в любых ее проявлениях.

Откуда берет свои смыслы архитектура (имеется в виду, конечно, настоящая архитектура, а не та, что превратилась в сферу обслуживания строительного бизнеса)?

В формировании образа архитектурного объекта, более или менее осмысленного, участвуют не менее трех действующих сил. Самая очевидная из них – это, разумеется, сам архитектор, его личные вкусовые предпочтения,

^ Обобщенная схема стилеобразующих признаков, соответствующих эстетике группы эмоций «совесть»

^ Питер Брайгель Младший. Весна

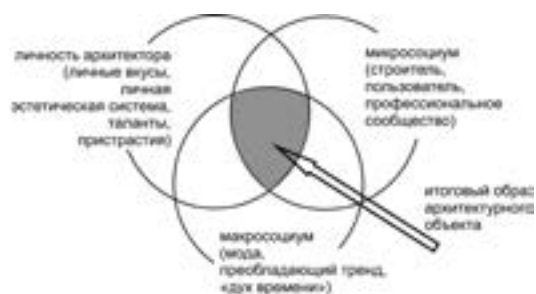
Logos Circulation

Conversion as a cyclic renewal of meanings

личная эстетическая система, смыслы и ценности его собственной жизни.

Заказчик проекта – вторая действующая сила. Вопрос, кого именно считать заказчиком, непросто и неоднозначен. Будущий житель или пользователь постройки имеет здесь такие же права, как и строитель с его экономическими и политическими интересами. Однако в условиях рыночной экономики продажи готовой постройки сильно зависят также от мнения будущего пользователя (покупателя), так что интересы тут оказываются сильно переплетены. Иногда в это переплетение включается также мнение коллег архитектора, влияние профессионального сообщества в целом, принятые в нем ценности и цели. Существенным фактором может оказаться политика кредитных и прочих финансовых структур и так далее. Зачастую бывает очень непросто разобраться, что именно и в какой степени определяет конечный результат. Поэтому будем считать эти «микросоциальные» влияния одной силой.

Третий вектор формирования архитектурного образа носит макросоциальный характер. Мода, тренд, дух времени, текущее понятие «современной архитектуры» – все эти характеристики относятся к одному понятию – к тому образу, который навязывается текущими тенденциями в развитии глобальной и/или макрорегиональной архитектуры.

Задача, таким образом, сводится к поискам смыслов, общих для всех участников процесса. Если учесть, что каждая из трех сил обладает обширным множеством смыслов и целей, то решение кажется очень простым и ясным: достаточно осознать смыслы и цели архитектора,

заказчика и окружающего их макросоциума и выбрать такие смыслы, которые присущи всем трем.

На практике, как обычно, все получается совсем не просто.

2. В поисках общего языка

Первая и основная проблема заключается в своеобразном «языковом барьере» между участниками процесса смыслообразования. Эстетические предпочтения архитектора по большей части располагаются в бессознательных глубинах его личности и выражаются смутным, полным намеков языком символов. Цели заказчика лишь выглядят простыми и ясными – «сделайте нам подешевле и повыше качеством». На самом деле любой практикующий архитектор знает, как часто заказчик выбирает невыгодные, недалновидные, зачастую просто нелепые варианты. Многочисленные примеры того, как заказчик действует себе в убыток, показывают, что и тут нет однозначности.

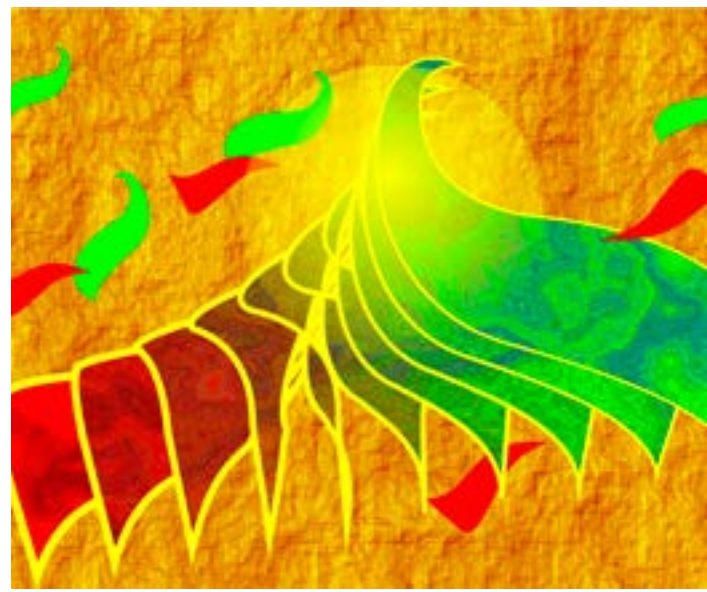
Смыслы и цели макросоциума выглядят еще более противоречивыми. Историки, философы, архитектуроведы время от времени способны договориться между собой по поводу смысла некоторых давно прошедших эпох (чем дальше от нашего времени, тем лучше). Но смысл и содержание настоящего момента каждый мыслитель понимает настолько по-своему, что в этой разногласии мнений можно обнаружить буквально все, что угодно.

Убедившись, что язык когнитивный мало пригоден для сопоставления смыслов, закономерно перейдем к языку эмоций. Тут мы не одиноки. А. Г. Раппапорт пишет: «... архитектура, как и другие виды искусства, обращается не столько к разуму, сколько к чувству. Она никак не может быть сведена к умозрительным калькуляциям культурных значений или абстрактным ценностям вроде совершенных пропорций» [3]. На тему эмоционально-смыслового восприятия архитектуры пишутся диссертации [4]. Наш журнал также неоднократно обращался к проблеме связи эмоций, зодчества и счастья горожан [5].

Наиболее явственно и наглядно смыслы архитектуры проявлены в эстетических критериальных системах, которые служат основой для определения понятия красоты. В предыдущих статьях мы уже рассматривали эмоции

^ Питер Брайгель Младший. Лето

^ Схема представлений о красоте, соответствующая группе эмоций «интерес»

в качестве характеристик информационных потоков, тесно связанных с параметрами города [6]. Четыре типа горожанства, соотнесенные с четырьмя базовыми группами эмоций, формируют основные типы определений красоты. Перечислим их.

1. Базовая группа эмоция «совесть, долг, честь, вина». Базовая ценность – порядок, закон. Стилеобразующие признаки: четкость, гармоничность, ритмичность, симметрия, устойчивость. В цветовых решениях – опора на классические цветовые аккорды, в композиции – вертикально-горизонтальные структуры, активные центры, монотонный ритм. В знаково-символических рядах – преобладание основных фигур (прямоугольники, круги и овалы, в меньшей степени треугольники и звезды). На рисунке показана предельно обобщенная, абстрактная схема перечисленных признаков.

2. Базовая группа эмоций «интерес, удивление, энтузиазм, возбуждение». Базовая ценность – новизна, творчество. Стилеобразующие признаки: яркость, спектральность, динамика, звонкость, развитие. В цветовых решениях – опора на локальные спектральные тона, в композиции – диагональные структуры с преобладанием восходящих диагоналей, активный оптический центр, сложные синкопированные ритмы. В знаково-символических рядах – преобладание плантоморфных и зооморфных элементов, волноты и кривые Безье высших порядков.

3. Базовая группа эмоций «страх, тревожность, азарт, риск». Базовая ценность – удача, везение. Стилеобразующие признаки: спонтанность, хаотичность, пестрота, судорожность, неустойчивость, противоречивость. В цветовых решениях – дисгармоничные раздражающие сочетания тонов; в композиции – неустойчивые разнонаправленные диагональные структуры, диссимметрия. В знаково-символических рядах – ломаные линии, неправильные углы, неравновесные объемы.

4. Базовая группа эмоций «печаль, задумчивость, уныние, тоска». Базовая ценность – стабильность, неизменность. Стилеобразующие признаки: нюансность, ахроматичность, статика. В цветовых решениях – опора на холодные ахроматические и земляные тона, в композиции – горизонтальные структуры с небольшим присутствием пологих нисходящих диагоналей, пустой

оптический центр. В знаково-символических рядах – преобладание переходных, перетекающих форм.

Легко заметить, что каждой базовой эстетической формуле можно подобрать прямые аналоги из числа исторических или современных стилей. Формуле «совесть» соответствует стиль классицизм, но с ней же соотносится и египетский стиль Древнего царства, северная готика, русский конструктивизм и все прочие формы функционализма. Формула «интерес» отражает стилистику ар-нуво, но ей же соответствуют и амарнский стиль, и капризы маньеристов, рококо и рокайль, позднее барокко и т.д. Эстетика группы эмоций «страх, азарт» соотносится со стилистикой экспрессионизма, эклектики и китча. Формула «печали» – с аскетическим минимализмом во всех его многочисленных реинкарнациях.

Разумеется, существует и множество стилей, переходных между базовыми. Так, между «совестью» и «интересом» находит свое место южная (франко-итальянская) готика, горделивый ампир, ар-деко, дворцовый китайский стиль «гугун». Между «интересом» и «страхом» оказывается дерзкий деконструктивизм и необрутализм. Отвратительно-притягательный панк (и «классический» панк семидесятых, и его позднейшие вариации – киберпанк и стим-панк) разместились между «страхом» и «печалью». Лофт, традиционный японский стиль сукия, органический стиль Райта, стилистика Тадао Андо и Эро Сааринена – между «печалью» и «совестью», и так далее.

3. Конверсия – движение в пространстве смыслов

Стилистические предпочтения трех основных участников формирования смысла архитектурного объекта в разной

> Примеры размещения исторических стилей в пространстве эмоций (пространство смыслов)

^ Эстетика тревожности и азарта

^ Питер Брайгель Младший. Осень

степени подвержены конверсии. Для профессионального архитектора считается доблестью и достоинством сохранять верность «личному стилю». Наибольшим уважением пользуются архитекторы, настолько последовательные и постоянные в своих эстетических представлениях, что их имена вошли в историю как названия стилей. Однако прижизненной известности дождался в основном те, кто совпал с текущими эстетическими представлениями макросоциума. Архитектор, который не попадает в резонанс с обществом, зачастую превращается в «непонятого гения».

Предпочтения заказчиков еще сильнее зависят от моды, духа времени и гения места. Мало кому из них хватает энергии и решимости отстоять собственные вкусовые предпочтения – разве что в интерьере, внутри своего личного пространства.

Наиболее мощным и влиятельным образом стилистическая конверсия протекает на уровне макросоциума. мода меняется непрерывно, стилистические предпочтения сменяют друг друга без конца и, кажется, без какого-либо порядка. Иногда это движение выглядит внезапно и нелогично («зигзаги моды»), а зачастую возникает впечатление движения по кругу; мода циклично возвращается к старым образцам, выписывает петли в пространстве смыслов, притормаживает, делает неожиданные скачки и так далее.

Однако, отвлекаясь от локальных колебаний, можно заметить некую закономерность макросоциальной конверсии. Она подчиняется законам развития потоков, которые в самом общем виде выражены в системе уравнений Навье-Стокса, касающейся той области, которая расположена на границе физики, математики и философии. Полное решение уравнений относится к семи «задачам тысячелетия», за которые полагается премия в миллион долларов, но своего Перельмана эта задача пока не дождалась. У нас есть лишь нестрогое, качественное понимание этих закономерностей.

Характер потока формируется двумя противоположными силами. Градиентные силы возникают в результате неоднородности распределения некоторого потенциала и являются причиной возникновения потока. Диссипативные силы рассеивают энергию потока и этим его тормозят.

Например, рассмотрим общество, в котором период

стабильности и застоя сменяется ростом демократии. Различные по укладу жизни части социума (страты) утрачивают изолированность и входят в соприкосновение друг с другом. Возникают и быстро увеличиваются градиентные силы: потоки информации внутри социума растут, общество становится более проницаемым, интенсивнее работают социальные лифты, растет гласность, но порядок пока еще преобладает над хаосом. Общество движется в верхней части пространства смыслов слева направо, от «печали» к «совести» и далее – к «интересу». Происходит восходящая конверсия.

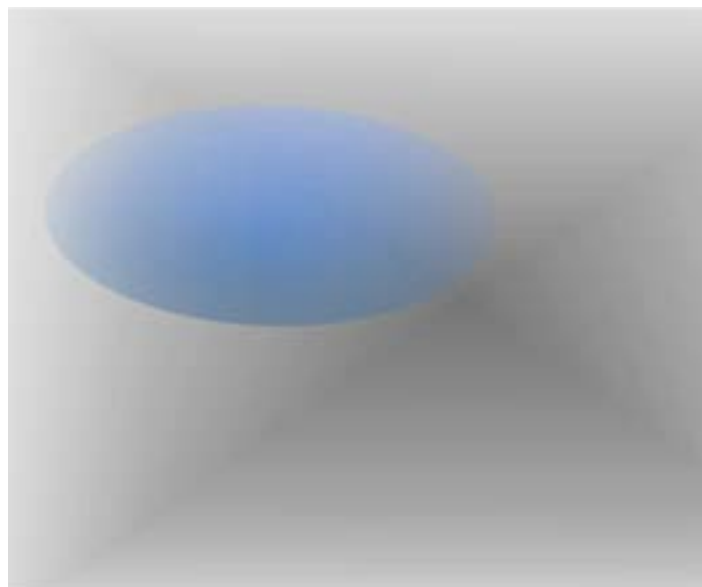
Рост интенсивности потока, однако же, не может продолжаться бесконечно. Раньше или позже поток теряет упорядоченность и переходит в хаотический, турбулентный режим (переход от «интереса» к «страху»). Диссипативные силы резко возрастают, порядок исчезает в хаосе беззакония. Социальные потоки начинают терять больше энергии, чем получают от перепадов стратного потенциала. Общество «разогревается» и «перегревается», ведет себя все более расточительно. Когда же заканчиваются ресурсы – оно поневоле начинает «остывать». Происходит нисходящая конверсия от состояний «интереса» к «страху» и, далее, к «печали». Социум погружается в депрессию, стагнацию и застой и начинает готовиться к следующему циклу.

Отражая состояние социума, меняется и преобладающая стилистика. Унылый минимализм застойных годов сменяет очередная реинкарнация классицизма, затем происходит творческий взрыв и открытия новых, революционных эстетических принципов. На самом пике творческого подъема поток срывается в хаос, в китч и эклектику, которая затем постепенно «остывает» и переходит в очередной виток аскетического минимализма. В застойном обществе страты замыкаются, стремясь сохранить свои льготы и привилегии, социум расслаивается, и градиенты растут до тех пор, пока барьеры опять не рухнут и цикл не начнется снова. Вот так и получается, что макросоциальный логос, несмотря на своенравные зигзаги, каждые 70–90 лет возвращается на круги своя.

На эту, самую общую схему, разумеется, накладываются особенности каждой эпохи и каждого региона. Скажем, сейчас отечественная архитектура робко пробует выбраться из нищенского минимализма стандартной застройки. Появляются отдельные образцы, опирающиеся

^ Питер Брайгель Младший. Зима

^ Эстетика печали

на эстетику порядка (например, проект «Дом Булгаков», о котором недавно писал наш журнал [7]). Но в тот же момент в проектах Алехандро Аравена происходит переход от «совести» к «интересу»; на наших глазах начинается новый творческий подъем, и Южная Америка неожиданно становится площадкой новаторских экспериментов.

Заключение

Примеры как восходящей, так и нисходящей конверсии появляются перед нашими глазами каждый день. Вот, казалось бы, не успели немного утихнуть споры вокруг признанного успешным иркутского Сто тридцатого квартала [7], смысл которого в области «радость» – «интерес» полностью осознан. Но нет, конверсия продолжается. И вот уже хозяева ресторана «Love Story» городят нелепую веранду, перекрывая вид на нарядный резной фасад, да еще зашивают ее дешевой, трескающейся фанерой. Плюс немые несколько месяцев стекла – и эмоциональный смысл объекта сдвигается в область между «печалью» и «отвращением» (там как раз размещаются такие эмоциональные состояния, как «жалость» и «скудость»). Чуть дальше расположился рестораник «Дракон» с такой же самодельной верандой. Над верандой повис дешевый дракон из бумаги дико ярких цветов. Таких драконов китайцы носят по улицам во время Нового года, и он уместен тут, как пьяный хулиган на симфоническом концерте. Подобные трансформации, возможно, выглядели бы уместно лет двадцать пять назад, в середине девяностых, но сейчас такая конверсия смотрится нелепым и отвратительным анахронизмом.

Конверсия неизбежна и закономерна. Честь и слава тем, кто движется на переднем крае ее фронта, прокладывая путь естественному процессу. Горькое, печальное уважение тем, кто потратил жизнь и талант на поиски смыслов, востребованных следующими поколениями, тем, кого «через десять лет забудут, через двести – вспомнят» (Марина Цветаева). Снисходительное сочувствие эпигонам, догоняющим уже ушедшие, ставшие банальностями смыслы. Презрительное недоумение – безнадежно отставшим, продолжающим исповедовать смыслы тридцатилетней давности, уже устаревшие, но еще не обретшие новую форму и новое дыхание в циклическом процессе конверсии.

Литература

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 109
2. Лидин К. Я, город // Проект Байкал / Project Baikal, 2014. – № 42. – С. 50–55
3. Забельшанский Г. Б., Минервин Г. Б., Раппапорт А. Г., Сомов Г. Ю. Архитектура и эмоциональный мир человека // ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М.: Стройиздат, 1985. – С. 38
4. Вырва А. Ю. Восприятие архитектурных объектов городскими жителями: субъективно-семантический анализ. Дисс. на соискание ученой степени кандидата психол. наук. – М.: МГУ, 2017
5. Лидин К. Кварталы: Пять слоев счастья // Проект Байкал / Project Baikal, 2015. – № 46. – С. 58–62
6. Лидин К. Горожанство: В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал / Project Baikal, 2015. – № 45. – С. 84–89
7. Лидин К. Новая элита предпочитает качество // Проект Байкал / Project Baikal, 2016. – № 47–48. – С. 164–165
8. Меерович М. (2016) Комплексная регенерация квартала средней исторической застройки в Иркутске. // Academia. Архитектура и строительство. 1, 72–78. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 19.02.2018)

References

- Frankl, V. (2006). *Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy*. Beacon Press, Boston, MA.
- Lidin, K. (2014). Me, the City. *project baikal*, 11(42), 50-55. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.42.787>
- Lidin, K. (2015a). Quarters, Five Layers of Happiness: Can urbanship make people happier?. *project baikal*, 12(46), 58-62. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.46.945>
- Lidin, K. (2015b). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. *project baikal*, 12(45), 84-89. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Lidin, K. (2016). The New Elite Prefers Quality. *project baikal*, 13(47-48), 164-165. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.47-48.1017>
- Meerovich, M. (2016). *Kompleksnaya regeneratsiya kvartala sredovoi istoricheskoi zastroiki v Irkutsk* [Complex regeneration of the Quarter of the Environmental Historical Buildings in Irkutsk]. Academia. Architecture and Building, 1, 72-78. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/>
- Virva, A. (2017). *Vospriyatie arkhitekturnykh objektovgorodskimi zhityelnyami: subjektivno-semanticheskii analiz* [Perception of architectural objects by city's inhabitants: subjective-semantic analysis]. PhD diploma. Moscow, MGU.
- Zabelshanskiy, G. et al. (1985). *Arkhitektura i emotsionalnyi mir cheloveks* [Architecture and human emotions]. Moscow, Stroyizdat.

Обсуждаются вопросы, касающиеся процессов конверсии в динамике жизни города. Рассматриваются проблемы конверсии иркутских промышленных предприятий, их случайный или закономерный характер. Высказываются обоснованные мнения об изменениях в городской топонимике. Анализируются случаи захвата территорий на берегах Ангары и Байкала.

Ключевые слова: конверсия; реконструкция, Иркутск; Байкал; промзоны; Международный Байкальский Зимний градостроительный университет; городская топонимика; культура. /

The discussion touches upon conversion processes in the dynamics of city life. The participants consider the problems of conversion of Irkutsk's industrial enterprises, their random or natural character. They give reasons for their opinions on the changes in the city toponymics. They also study the cases of annexation of waterfront territories at the Angara River and Lake Baikal.

Keywords: conversion; reconstruction; Irkutsk; Baikal; industrial zones; International Baikal Winter University of Urban Planning Design; city toponymics; culture.

Дискуссионный клуб «Конверсия» / Discussion Club "Conversion"

Елена Григорьева Как всегда, оказалось, что выбранный термин «Конверсия» весьма широк по смыслу: это всякое преобразование, изменение, переформатирование, перезагрузка. Конечно, мы поговорим и о традиционной трактовке темы – конверсии промышленных предприятий. Случайно или нет, но иркутская конверсия двигалась особым образом: сразу несколько промышленных предприятий переформатировались в торговые и расположились на одной торговой оси, что тоже стало потенциальной идентичностью Иркутска. Прошлое влияет на настоящее: в Иркутске, некогда купеческом, «большепром» возвращается исключительно в торговлю.

Странно, что никак не реализуется модное и в Москве, и на западе направление: перевоплощение промышленных зданий в художественные галереи, музеи современного искусства. Утрачена подобная возможность на Цесовской набережной – собственники, некогда говорившие о возможности превратить памятник промышленной архитектуры в музей современного искусства, в прошлом году лишили его статуса памятника. Лондонская галерея Тейт в похожей ситуации поступила иначе.

Тема совпадает и с 19-й сессией Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета «Браунфилд – новые перспективы для полуострова Затон». Конверсия территории полуострова началась стихийно, без проекта планировки и прочих «излишеств» – с появления там крупнейшего торгового объекта Леруа Мерлен.

Интересным образом конверсионные процессы отражаются в городской топонимике. Удачный иркутский пример: кондитерская фабрика, расположенная на торговой оси, превратилась в торговый центр с именем «Карамель». В Амстердаме молочная фабрика стала культурным и арт-центром с названием «Млечный путь».

В нашем номере собирается блок «конверсия профессии»: как и многие другие профессии, профессия архитектора меняется на глазах, в том числе под влиянием новых технологий, нового образа жизни, связанного с работой в удаленном доступе, с интернет-технологиями, под влиянием новых подходов к городскому пространству и соучаствующему проектированию. Это отдельная глубокая тема, как и то, что наш образ жизни в корне

15 февраля 2018 года для разговора на тему «Конверсия» в иркутском Доме архитектора встретились участники ставшего традиционным дискуссионного клуба ПБ.

В обсуждении принимали участие: начальник Управления культуры и туризма администрации г. Иркутска Виталий Барышников; издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор ИГУ Александр Гимельштейн; архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; архитектор, обладатель Гран-при фестиваля «Зодчество Восточной Сибири–2017» Николай Жуковский, кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин; Заслуженный архитектор Российской Федерации Владимир Стегайло; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, научный руководитель научно-исследовательской лаборатории архитектурного наследия ИРНТУ доцент Алексей Чертилов.

меняется вопреки нашим желаниям: благодаря IT-технологиям исчезает ощущение приватности; информация о каждом гражданине, его передвижениях, платежах, его переписка перестают быть тайной. Жизнь подвергается коренному изменению.

Николай Жуковский Все промышленные объекты города, по генеральному плану, подлежали выносу за пределы города, на что требовались огромные территории и затраты. В перестройку произошло чудо – почти все они исчезли или перепрофилировались, и на это не затрачено ни копейки народных средств. Очень интересный механизм, требующий изучения и внедрения...

ЕГ Копейки народных средств вообще-то перешли в частный карман... Но мы не об этом... Прецедентов превращения промышленных предприятий в рекреационные зоны у нас вообще нет. А на самом деле это прогрессивный путь: город может быть дополнен дефицитными рекреационными пространствами. В Барселоне мы видим: руины промышленного предприятия, его аркады стали инсталляцией в парке, а этот великолепный парк расположен в самом центре города.

НЖ Передел собственности 90-х из-за коммерческой целесообразности сделал почти невозможным превращение промзон в озелененные участки, а административная «воля», выраженная в деньгах, отсутствовала.

Константин Лидин На улице Красноказачьей есть здание, принадлежащее Министерству обороны, которое заброшено уже лет 15. Оно прекрасно освоено в качестве рекреационной зоны: там проходят квесты, которые устраивают несколько компаний за небольшие деньги; сталкеры бродят. И правительство ни при чем. Конверсия часто происходит самопроизвольно и незаметно для глаз, сама собой. Таких примеров самопроизвольной конверсии гораздо больше, чем планомерной.

Алексей Чертилов В Америке жилье стало превращаться в мастерские художников тоже стихийно. Они там стали тусоваться, а потом это превратилось в народное движение.

КЛ Можно предложить классификацию на конверсию восходящую, когда объект возрастает в ценности, и нисходящую, когда он теряет ценность.

АЧ Как недвижимость оно точно теряет в ценности, пока годами стоит и разрушается.

ЕГ С другой стороны, земля в центре города все эти годы дорожает.

Виталий Барышников У нас завод радиоприемников конверсировался в учебный комплекс частной школы и университета (САПЭУ).

Александр Гимельштейн Уже возник и следующий этап деградации – деградировал и САПЭУ: в нем были значительно занижены стандарты образования, поэтому он должен был пасть жертвой государственной регуляции.

ВБ Тем не менее пример очень любопытный: пере-профилирование не в торговый центр (что произошло с остальной частью радиозавода), а в учебное заведение. Там институт культуры возник, именно в том корпусе; некоторые иркутские галеристы успели даже образование получить. Один из хороших залов вмещал почти 350 человек, таких в Иркутске совсем немного.

АЧ До недавнего времени мы пользовались двумя словами, которые полностью закрывали слово «конверсия»: модернизация и реконструкция. Модернизация – изменение пути, изменение жизни, а реконструкция – изменение объектов недвижимости. Все вместе получается конверсия...

КЛ Конверсия – это смена смысла. Она отличается еще и тем, что поменявший смысл объект начинает менять и смысл среды вокруг себя. Промышленные объекты превращаются в торговые – и меняется смысл всего района. Мне хотелось бы задать вопрос архитекторам: поддается ли планированию эта смена смысла в масштабах больших, чем один объект? Можем ли мы спланировать, как это отзовется вокруг него?

АЧ Это делают менеджеры: например, «Фортуна» смогла заниматься модернизацией и спровоцировала изменение производства на торговлю. Сама ситуация подтолкнула к тому, что надо менять направление деятельности; поначалу было даже не очень понятно, какова будет специализация.

Владимир Стегайло Я все-таки остаюсь сторонником государственного регулирования данных процессов.

Да, многое шло самотеком. Не буду хвастаться, но кое-то удалось подправить в этом произвольном и хаотичном движении. Таких территорий в городе много и кроме «Фортуны»: ИВВАИУ – тоже такой же объект конверсии, 120 га в самом сердце Иркутска. Релейный завод – это мобильные фрагменты, но территория в город совершенно не интегрирована. На территории «Фортуны» (50 га) мы пытались объединить интересы трех собственников, но соединить их не удалось. Только одному из них что-то удалось сделать с пробивкой пешеходных направлений, с выдавливанием транспорта. Мы предлагали мэру: надо объединить территорию под флагом города, пробить улицы, выйти на реку Ушаковку и продлить структуру кварталов города, интегрировать территорию в 45 га, найти масштаб уличных пространств. Но ничего не получилось... Завод живет собственной жизнью, хотя сейчас что-то происходит и там. Меня волнует территория ИВВАИУ, то, что происходило с Красными Казармами. Проект планировки делал «Иркутскгражданпроект», но там совершенно не связанное с городом пространство, стихия полная. Бесполезно полагаться на эффективность саморазвития: собственники с узким пониманием своих целей ничего не смогут сделать. Если бы власть проявила интерес, не нарушая интересов каждого, возможно было бы многое сделать.

АЧ Все правильно. Есть и другие, не советские технологии, которые учитывают интересы: и собственников, и жильцов, и общегородские. Все может быть по-другому, чем сейчас.

КЛ А мы можем предсказать развитие целого района на несколько лет вперед?

АЧ Санкт-Петербург сегодня пошел по пути регулирования: город включает в себя бизнес, а не бизнес диктует, что он хочет.

ЕГ Мне кажется, архитекторы осмысливают уже произошедшее. Владимира Борисовича Стегайло позвали, когда возникла необходимость урегулировать хаос на огромной территории бывшего завода. Архитектор сделал свое дело: создал пешеходную ось, вывел ее на набережную надземным переходом. В этом его организующее начало.

То, что все объекты трансгородской торговой оси

выстроились по одной линии – это тоже было осмыслено постфактум. На перераспределение собственности и перепрофилирование архитекторы не влияют, эти процессы шли стихийно.

ВС Как я понимаю, собственнику мало интересно наше пристрастие к кирпичным трубам и т. д. Как я действовал, открывая пространства цехов в стиле хай-тек? Иезуитским путем. Привлекли пожарных, нашлись нормы, запрещающие перекрывать павильоны. Если сейчас зайти – все металлоконструкции покрашены, восстановлен хай-тек 30-х годов в очень оригинальной конструкции пространства цехов. Сейчас, к сожалению, многие архитекторы полагаются на самотек. Но нужна творческая воля, чтобы изловчиться создать или сохранить что-то, несмотря на требования заказчиков. К сожалению, в Иркутске только отдельные примеры: Доренберг пытается сделать что-то на своей территории. Мне кажется ошибкой то решение, которое приняли по Цесовской набережной. Можно было использовать и оригинальную наклонную конструкцию для подачи угля; и сохранить трубу, устроить там панорамный лифт с устройством самой высокой в России смотровой площадки. Ничего не привлекло инвестора, все пойдет под снос. На нефтяной базе в Москве из круглых кирпичных емкостей из-под нефти сделали шикарные круглые поверхности, прорезав окна.

КЛ Давайте поговорим о том, что происходит в реальном мире. В 130-м квартале уже понастроили верандочек, никакие пожарники этому помешать не смогли.

ВС Коррупционная схема работает....

КЛ Хотелось бы обсудить вопрос, как меняется смысл города в связи с переименованием улиц? В Иркутске с этим довольно оригинальная ситуация. Из восьмисот названий примерно половина – географического происхождения, по именам ближних и дальних мест. Из оставшихся половина – деятели культуры, другая – деятели революции и войн. Причем деятели войны и революции – какие-то ползабытые персонажи, известные только посвященным профессионалам, а деятели культуры гораздо крупнее масштабом. И что с этим происходит – какая идет конверсия?

АГУ У нас были эксперименты. Первый вариант конверсии – переименование улицы Ф. Листа в улицу Н. Ф. Салацкого, произведенное мэром Якубовским. Инициатива была моя и редакции «Восточно-Сибирской правды». Это не привело тогда ни к какой общественной дискуссии. Второй случай – это свершенный, а другой стороны – остановившийся с точки зрения политической реакции процесс – возвращение дореволюционного топонима «Ул. Чудотворская» и замещение революционного топонима «Ул. Бограда». Третий случай – разделение сквера Кирова, площади графа Сперанского и Тихвинского сквера с возвращением двух ценнейших топонимов. И когда в итоге зданию Правительства области будет присвоен адрес: «Площадь графа Сперанского, дом № 1», я напишу внизу: «удовлетворен». Так получилось, целенаправленно или естественно, что на протяжении многих лет городская комиссия по топонимике, меняясь в своем составе, в большинстве является сторонником топонимической реставрации. Я бы свел основные наши аргументы на сегодня к главному – восстановление иркутской личности. Какими бы ни были дореволюционные топонимические названия города Иркутска, в любом случае для каждого города, в том числе и для нашего, они все равно создают топонимическую уникальность. И мы склонны смотреть на топонимику как на историческую ценность, которую следует охранять не меньше, чем архитектурные и культурные памятники. Если мы получим политическую волю, если будет единство подходов у городской администрации и областного правительства, наша позиция достаточно легко трансформируется в региональный закон. Человеческая реакция жителей Чудотворской в итоге не несет и оттенка недовольства. Я думаю, что это самый дешевый способ корректировки искажений исторической памяти, произведенный сносами, реконструкциями. Снос Красных Казарм, на мой взгляд, вообще огромная дыра в культурном пространстве города Иркутска. Вырван его кусок, а то, чем он закрыт, опохабливание всего и всея. И если бы мы сегодня смогли восстановить 20–25 исторических топонимов центра города и чуть-чуть Глазково, это было бы сильным возвращением того, что собрали наши предки.

ЕГ Сейчас заканчивается проект благоустройства улиц Подгорная и Горная, которые сохранили исторические

названия. Их пересекают крутые улицы Грязнова, Борцов Революции, Киевская, ведущие на улицу Коммунаров, – нужно ли им возвращать названия?

АГ Мы ведь не против того оригинального советского, которое забывает унылое дореволюционное. Солдатские 1-я, 2-я, 3-я – это неинтересно, надо одну только Солдатскую вернуть – первую либо главную.

НЖ Я недавно столкнулся с равнодушием и легким невежеством при переименовании улиц 1-го поселка ГЭС, являющегося частью исторического комплекса – «Первенец Ангарского каскада гидроэлектростанций – Иркутская ГЭС». Исчезли улица Приморская и проспект Огни Коммунизма, отражающие и место, и дух времени целой эпохи – строительства коммунизма! Куда смотрела комиссия по топонимике? Куда делся целый исторический период, закрепленный в топонимике целого поселка?

ЕГ ...особенного поселка – сталинская архитектура, сталинская градостроительная сетка улиц...

АГ Подозреваю, что это энергетики у себя решили, возможно, ко дню Юбилея... Хотя сейчас без комиссии по топонимике это даже технологически произойти не может.

ВБ Если мы говорим об историческом центре, то принцип комиссии – возвращение исторических названий. Но у нас город развивается, и появляются новые микрорайоны, улицы и проезды. В любом случае это самый дешевый элемент влияния на живущих людей. Другое дело, что улица иногда представляет хаотическую застройку и требует реконструкции. Тогда следует более пристально отнестись и к названиям.

АГ И мы столкнемся с проблемой, которую уже сейчас ощущаем: с дефицитом смыслов. С одной стороны, сколько можно именами исторических деятелей называть улицы? С другой стороны, естественно, мы никогда не пройдем в городе Иркутске по «Виноградской» и не свернем на «Абрикосовую»: это приемлемо для садово-огородных товариществ. Какова может быть новая топонимика? Это тема для диалогов.

ВБ Или отдельной мировоззренческой дискуссии. Возможно, из-за нашего исторического образования

и исторического взгляда мы обращаемся к прошлому. А может, надо из сегодняшнего дня?

ЕГ Мне кажется, в первую очередь надо восстанавливать историческую топонимику. Кузьмихинская улица у нас есть, а вот Глазково, Титово, Кучумовский лог – эти названия не закреплены. Малые речки стали безымянными.

ВС А что делать с целыми районами, которые прирастают к Иркутску: Хрустальный и др.?

АГ Это Иркутский район, а там делают, что хотят.

ВС Мы бьемся за названия улиц города, а полгорода людей живут за городом, и что там творится – непонятно.

ВБ Однажды Людмила Михайловна Берлина, будучи спикером, собрала руководителей. Она обратила внимание вновь выбранных председателей Думы, что в отсутствие совета по топонимике вопрос о новых наименованиях должен регулироваться на уровне решения Думы и требует областного закона.

АЧ Я могу рассказать, как это происходило в соответствии с федеральным нормативом картографической службы. Картографы, приезжая на территорию, по инструкции обязаны были пользоваться тем, что уже названо, перепроверять, уточнять. Там, где было непонятно или не названо – они шли к местным жителям, охотникам. После шли в исполком, и если председатель совета был местным и знал ситуацию, то названия оставляли, а если нет, и председателю что-то не нравится – называли по-всякому.

АГ У нас есть печальный пример превращения Лиственничной в Листвянку в 70-х годах.

КЛ Байкальский луч начинает сейчас продвигаться: Чертугеевский полуостров распланирован и др. Каков смысл этой конверсии? Ведь это все сельские территории, цепь деревень до самого Байкала, включая Патроны. И они сейчас будут превращаться в городские по образу жизни. Какие названия будут там появляться? Есть ли какой-то общий смысл у этого огромного движения – развития Иркутска до Байкала включительно?

АЧ Разговор с местными жителями сейчас не работает.

КЛ Но сейчас вопрос уже не про топонимику; вопрос комплексный: как застраивать? Исходя из каких концепций?

ВБ Мне кажется, что город поглощает деревни, советская индустриализация продолжает жить.

КЛ А каковы качества этого города, который поглощает деревни?

ВБ Идея есть. Байкальский луч как направление развития города – не способ застройки деревень, а продолжение Байкальской улицы, которая пронизывала все полуострова, концентрируя вокруг себя плотную застройку. Береговая линия должна оставаться общественной. Сейчас там низкая застройка, люди, живущие в коттеджах, не могут пройти к береговой линии. Что лучше? Концентрированная застройка вдоль луча, но при этом цветущие поля и возможность подойти к берегу, или сплошное поле застройки без разрывов? Я – сторонник сгустков, нанизанных на Байкальский луч, который заканчивался примерно на 17-м км.

ЕГ И водоохранная зона – естественная защита берега.

ВБ При этом необходимо соблюсти самый жесткий закон по воде. Но у нас закон не работает, и все дома стоят вплотную к воде. Приезжая туда, я не могу попасть на берег, так как стоят автоматчики и шлагбаумы.

КЛ Иркутск – это и деревянные дома, и пятиэтажные панельки, и пятнадцатизэтажные свечки. Вы говорите, что город Иркутск будет развиваться. Который из них будет развиваться? Или это мешанина, которая будет развиваться?

ЕГ Да, это многообразие. Но то, что город будет развиваться линейно в направлении Байкала, поняли еще шестидесятники.

ВБ Когда Листвянка перестала быть частью Иркутска? И когда стала?

НЖ Это чисто управленческая идея, чтобы штат не раздувать и не создавать свой сельсовет.

АЧ Областной центр гостей встречает и получает доступ без ограничений и согласования с администрацией какого-то там района сразу на Байкал...

ВБ Выйти на набережную Байкала в городе Иркутске – это красивая история.

НЖ У многих туристов, между прочим, представление, что город Иркутск стоит на берегу Байкала.

КЛ Правильно ли я понял, что мы не можем управлять конверсией по Байкальскому лучу, потому что мы не понимаем, чего хотим? Ведь если у нас нет цели, то и управлять мы не можем.

НЖ Административный путь регулирования конверсии, реализация крупных проектов требует политической воли, сил, средств и времени на реализацию. Сочетание и наличие этих факторов – очень редкая вещь, почти нереальная. Чаще он представляет свободный, исторически обусловленный процесс формирования города, сложенный из мелких управляемых кусочков. Вот из таких понятных кусочков и складывается «хаос» Байкальского луча. В глобальном смысле это неуправляемый, но я считаю – естественный процесс.

ЕГ Тем не менее, хозяйственными механизмами, прокладкой сетей, совершенствованием дорог сейчас вдыхают жизнь и дают импульс к развитию. Так что это вполне регулируемо, это в руках муниципалитетов и субъекта.

ВБ Для меня конверсия – слово из следующего ряда терминов: перестройка, ускорение, гласность, конверсия. Причем это был четкий государственный импульс. Государство понимало, что население испытывает дефицит потребительских товаров и надо было все то, что шло на оборону, конвертировать в народ. После 30 лет такой конверсии у нас сегодня одноразовая жизнь.

Технология изменила нас очень сильно, и мы даже не замечаем все эти гаджеты. Сейчас в городе мы создаем новые общественные пространства, пытаемся вытаскивать из людей какую-то историю места, напитать историей стандартные коробки-дворы. В то же время мы понимаем, что городское пространство изменилось изнутри. А у большинства горожан та же крестьянская психология: им нужен дворик, садик, огородик. Есть и другая, но я не могу ее назвать конверсией: когда я ездил с дедом на колхозные поля, там пшеница росла, а сейчас там большемерные елки. Скорее всего, это деградация.

АГ Это не обязательно деградация: может, там пшеница плохо росла?

АЧ И природа берет свое.

ВБ Конверсия – это все-таки управляемый процесс; его либо декларирует собственник, ограниченный своим интересом, либо государство как собственник всей территории трансформирует политику. У государства или у его носителей в лице региональной и муниципальной властей вообще нет понимания долгосрочной перспективы развития. Как мы будем жить через 20 лет? Дискуссии публичной нет. А поскольку ее нет, соответственно, и понимания движения нет, и возникает вопрос политической воли: я так вижу, я так действую. Но моя политическая воля заканчивается с переизбранием.

АГ По поводу дискуссии относительно того, должно ли быть государство и где должно быть государство? На мой взгляд, формируя законодательство и норморегулирование, государство и муниципалитет в остальном должны действовать как сервисные служба. Если они будут и ощущать, и воспринимать себя так, тогда это в интересах общества: они правила игры принципиально сложили, реализовали свою политическую волю в виде законодательства и норморегулирования, а в том формате, который уже создан, осуществляют это влияние в виде сервиса ко всеобщему удовольствию.

АЧ В конверсии всегда должно быть три глобальных участника: инициатива общественности, бизнеса и власти. В идеале это должны быть три управленца: власть на своих возможностях работает, на одну цель – преобразование общественных территорий. Бизнес приходит со своими целями, задачами и возможностями. И обязательно участвует горожанин либо конкретной территории, либо всего города. Пока не встретятся три мудрых участника этого процесса и не сладят вместе одно дело, у нас все будет по-старому: власть сильная, продавливающая свои интересы, или бизнес, или жители, которые стараются добиться у первых двух того, чего хотели.

АГ Тут три фантастических допущения. Мы на мудрого монарха рассчитываем очень редко, а уж одновременно мудрый монарх, мудрый торговец и мудрый народ – тако-го даже фантасты не придумают.

ВБ В любом случае три разновекторные силы так или иначе куда-то приведут.

АГ Конечно, в любом общегородском деле есть элементы манипуляции. Но то, что сейчас в городе происходит с публичным обсуждением общественных пространств, я считаю – это гигантский прорыв. Понятно, что там участвует только небольшое количество граждан. Но ведь социум и формирует небольшое количество заинтересованных лиц; вот они и пришли.

ВБ Это правда, я такого раньше никогда не видел. Люди включаются в дискуссию, понимая, что их позвали не для того, чтобы прослушать доклады и одобрить их молчаливым согласием. Я не видел там скучающих людей: это либо люди, которые хотят высказаться, либо те, которые высказались и ждут экспертной оценки. Мне очень понравилось обсуждение темы Иерусалимского кладбища. Мы много лет дискутировали с представителями всех конфессий, убеждая их, что не все готовы официально называть это место кладбищем. Да, это кладбище, и памятник называется «кладбище», но топонимически мы называли его «Комплекс Иерусалимская гора». Впервые публично, резко, но без драк, достаточно интеллигентно были озвучены точки зрения за и против. Столкнулись две позиции горожан. Но я считаю, что наш компромиссный выбор названия самый лучший.

АГ Понятно, что на Иерусалимской горе танцев и плясок больше не будет, потому что там остался «живой» погост. Но это и не мемориальное кладбище. Название

должно ориентировать на создание места тихого отдыха.

ВБ В повестке очередного заседания комиссии по топонимике есть вопрос о территории ИВВАИУ. Есть предложение общественное пространство назвать «сквер». Но большинство названий не имеет отношения к истории места.

АГ В итоге будет «Курсантский сквер».

НЖ Выше прозвучала фраза «мы обращаемся к правительству». Так кто же должен принимать решение? Я считаю, администрация – хозяйственный орган, обеспечивающий условия жизнедеятельности. Зачем каждый раз спрашивать администрацию? Различные общественные организации или профессиональные сообщества должны выдвигать предложения и принимать решения. Кто должен выдвигать инициативу? Видимо, тот, кому это интересно или кого это беспокоит. Инициатива ниоткуда не появляется...

АГ Вот проблема, на которую никто еще ответа не придумал. Наши оппоненты по топонимической реставрации говорят о референдумах на улице, общегородских по каждому вопросу. Референдумов по этим вопросам быть не должно: непонятно, почему должен проводиться общегородской референдум по каждой улице? Кроме того, зачем мы выбираем муниципалитет? Городская Дума в принципе никогда хозяйственником не была. И мэр, по законодательству, не хозяйственник. У него достаточно полномочий, связанных с политическими решениями и законодательством.

ВБ Тенденция на соучастующее проектирование, такая пафосность меня очень настораживают. Да, обсуждение с людьми должно быть, нужно слушать каждого и вникать. Как сейчас разворачивается ситуация в соучастующем проектировании – это перекладывание ответственности на народ, заигрывание. Решения должны приниматься профессионалами. Когда я слышу, что специалистам и профессионалам участники соучастующего проектирования начинают рассказывать о ширине улицы и рекомендуют, как надо планировать части города, я опасаясь, что с этим можно доиграться. Я не уверен, что народ на данном этапе прав; необходимо мнение специалистов.

ЕГ Вы не одиноки в этом суждении. Но и абсолютно отгораживаться от мнения горожан, как это было раньше, нельзя.

ВБ В нашем городе данное соучастное проектирование доходит до конкретных указаний со стороны народа.

АГ Вопросы о названиях должны решать тоже профессионалы.

КЛ Профессионалы в какой области?

АГ В области топонимики. Здесь не должно быть «нравится–не нравится». Если специалисты не сумели убедить большинство – это проблема специалистов; значит, уходите. И чем хороши муниципалитеты европейские и американские? На уровне муниципалитетов не существует никаких законодательных ограничений нахождения в должности главы города. Они сидят там по 30 лет, занимаясь муниципальной политикой – развитием города. Разумно решается вопрос о преемственности решений. А у нас каждый новый чиновник отвергает решения предыдущего.

АЧ Чем мы отличаемся от этого мира в проектировании и регулировании городов? Там соучастие заложено в нормативы при разработке нового генерального плана, тем более – при реконструкции существующего поселения. Учитывая, что команды состоят из планировщиков, юристов, философов, художников, поэтов – это гуманитарная, социальная, культурная сфера города. Поэтому вырабатываются подходящие для всего города решения.

У нас есть крутые профессионалы, которые закончили градостроительные институты и делают на данный момент генеральный план, который не осуществляется даже на 5%. Я говорю о том, что сегодня в команде профессионалов не хватает и других профессионалов.

ЕГ Разные есть позиции. Американские архитекторы и планировщики с завистью слушали мой рассказ про то, что у нас школа положена регламентированному радиусу обслуживания и определенному количеству жителей. Это у нас конституционно существует с советского периода – «право на образование», поэтому у нас регламентировано количество школ на количество жителей. А у них, чтобы построить школу, все должны проголосовать и сдать деньги.

К теме просвещенного монарха добавляю один новый для меня факт. В 1874 г. на международной конференции в Брюсселе с участием императора Александра II обсуждался вопрос о сохранении исторических зданий и мест, находящихся в зоне вооруженных конфликтов.

КЛ А не кажется ли вам, что мы ищем, на кого бы переложить свою ответственность? На народ, на просвещенного монарха? Пусть кто-нибудь примет решение и несет ответственность, а мы тут не причем.

ЕГ Нет, не кажется. Мы ввязываемся в драку, как только появляется шанс. Понимаем, что будем биты, что реализация исказит проект, но идем на риск (я говорю про 130-й квартал и Иркутские кварталы).

ВБ Константин Львович зацепил меня Чертугеевским полуостровом. На сегодняшний день там, условно говоря, нет жителей. Есть застройщик, который выиграл аукцион. С кем ему советоваться о топонимике? Есть коренные иркутяне в третьем, четвертом колене, но, строго говоря, в Сибири большинство людей приезжих. И с кем советоваться в этих пригородах – с людьми, которые там ночуют, а живут и работают в городе и, соответственно, влияют на жизнь города, а не своего коттеджного поселка? В поселке у них стены высокие, и их ничего больше не касается. Сколько дискуссий и каких дискуссий должно быть, чтобы выработывалась консолидированная позиция? Потому что у нас профессиональных консультативных органов при городской Думе нет. При администрации города есть: это и градостроительный совет, и комиссия по топонимике. Какие еще нужны механизмы? Может быть, и правда нужно Думу просвещать?

КЛ Есть психологический закон Миллера: выбор возможен не более, чем из семи вариантов; больше просто не помещается в поле зрения. Когда у вас 28 вариантов названия – возникает иллюзия выбора. А кто эти семь вариантов будет разрабатывать для Думы, чтобы ей было из чего выбрать?

АЧ Возвращаемся к триаде: горожане, которые могут быть инициаторами; эксперты, которые оценили и подали квалифицированную заявку власти; власть рассматривает. Или эксперты вместо горожан предлагают, что обсуждать, это обсуждается жителями и опять-таки подается властям.

КЛ Давайте вернемся к конкретному примеру. Концепция развития Байкальского луча. Как она может быть выработана?

ЕГ Вячеслав Воронежский провозгласил идею Байкальского луча в уникальный период начала 60-х годов, времена энтузиастов. Ее высоко ценят нынешние энтузиасты и пытаются донести до руководителей региона. При предыдущем губернаторе мелькнул импульс, мы выполнили предложение и презентацию для выступления на президиуме градостроительного совета. Произошла очередная смена власти – и наша инициатива комплексного благоустройства с учетом главного направления

перестала интересовать руководство. Сейчас на нее нет спроса.

ВБ Возможно, надо формировать группу экспертов, которым эта тема интересна, в режиме дискуссии выработать идеи и решения, формировать некую основу, а далее должен быть механизм донесения этого решения профессионалов, либо через сообщество до бизнеса и власти, либо через власть до сообщества и бизнеса. В любом случае мы упираемся в эту триаду.

НЖ Инициативной группой может быть и один человек, даже корыстный заказчик, который хочет все застроить.

ЕГ Реанимировать Байкальский луч в пределах города Иркутска мы пытались при предыдущих властях – областной и городской, когда пошла мода на общественные пространства и борьбу с рекламой. Предлагая делать это системно, одновременно с народными сквериками, мы с Николаем Жуковским сделали схемы, на которых выявили ресурсные территории вокруг Байкальского луча в пределах города, выявили объекты выдающейся архитектуры и исторические объекты, показали цепь рекреаций и площадей. Именно Байкальский луч, подобие парижской оси, должен стать линейным акцентом, стимулируя дальнейшее развитие ответвлений, запуская саморазвитие прилегающих кварталов. Задавая уровень качества среды, благоустройства, дорог и общественных пространств. 130-й квартал лежит на Байкальском луче. Дальше ул. Седова проваливается в проселочную. Мы предложили системный подход к городскому обустройству, к градостроительной политике. Но без политической воли никак.

НЖ Теперь Байкальский луч – это не та линия, которую запроектировали. Возможность упущена: происходит продажа земель, застройка территорий. Но это вкладывается в мою концепцию естественного, исторического развития: власть, деньги и обстоятельства строят жизнь, а не градостроители... Жизнь надо принимать такой, какая она есть и что-то улучшать.

АГ Но если луч заканчивается тупиком, кому нужен такой луч? Надо пробиваться.

ЕГ Тупик в виде Байкала – это хороший тупик.

ВБ Но границы города заканчиваются не на Байкале, это – тупик в административном смысле.

АГ В загадочном Иркутском районе очень немного сельхозпроизводства. Если говорить о движении города и развитии в том направлении, то нужно изъять эту часть из земель Иркутского района и сделать частью города. Только так.

ЕГ К этому были подвижки – три варианта концепции «Большой Иркутск», но потом тема закрылась из-за политических обстоятельств. Реально же все пригороды Иркутска живут на городской социалке, и с этим рано или поздно придется что-то делать.

ВБ Я помню, как мэр отстаивал увеличение расходов на город Иркутск, аргументируя тем, что жители пригородов ежедневно пользуются транспортной и социальной инфраструктурой города – больницами, школами и детскими садами, магазинами и т. п.

ЕГ Преобразование территорий, их конверсия должно принять более осмысленный характер. Мне как несправедливому оптимисту кажется, что важность всего, касающегося идентичности города, сохранения наследия, топонимики все больше осознается обществом. На это влияют и события международные, и вызванный ими всплеск патриотизма. Есть ощущение, что еще немного – и совсем не модно будет сносить памятники архитектуры, выводить их из списка и т. д. Мы постоянно живем в сложных условиях, но из каждого периода должны извлекать все, что только возможно.

В статье описывается история создания крепости и города Александрополь и реконструкции Черного форта. Рассматривается уникальность условий существования и реконструкции с элементами реставрации российской военной базы, гражданского города и традиций частно-муниципального партнерства. Используется понятие «вернакулярный город». Подчеркивается значение для формирования культурного центра межрегионального масштаба вновь возникшего многофункционального комплекса на месте военного объекта.

Ключевые слова: Александрополь, империя, военное наследие, вернакулярный город, частная инициатива, функциональная трансформация /

The article tells the story of construction of the fortress and the city of Alexanropol, and of reconstruction of the Black Fort. It features the uniqueness of the conditions of existence and reconstruction with the elements of restoration of the Russian military base, the civil city and the traditions of private-municipal partnership. The notion of vernacular city is used. It is pointed out that the new multifunctional complex, which appeared on the site of the military facilities, is of importance for formation of a cultural center on an interregional-scale.

Keywords: Alexandropol; Empire; military heritage; vernacular city; private initiative; functional transformation

Война и мир

Черный форт, Александрополь–Гюмри

текст

Андрей Иванов /
text
Andrei Ivanov

Немного истории

Говорят, что таблицу Менделеева первым во сне увидел Пушкин, только он в ней ничего не понял. Но вот насчет его снов о «Войне и мире» сведения более достоверные – один из них отражен на автопортрете, где поэт скачет на лошади в цилиндре и бурке с пикой наперевес – мимо селения Гюмри, уже включенного в пределы империи, в первый и последний раз за ее границу, во все еще турецкий Арзрум.

Рустам Рахматуллин назвал этот рисунок «тайным гербом России», отражающим ее великую имперскую миссию: «Это рисунок Пушкина – Пушкин, скачущий с пикой на освобождение армян. <...> Не с метафорической пикой, а с пикой физической, жертвуя собой, скачущий на освобождение дружественного плененного народа. Мне кажется, что этот тайный герб России выражает существо ее кода – это освобождающая империя высочайшей культуры» [1].

Известный краевед не учел только, что рисунок был сделан в шутку для дамского альбома и вполне себе оксюморонный: поэт не случайно совместил в нем грозную пикку и легкомысленный цилиндр – войну и мир¹.

v Пушкин А. С. Автопортрет в виде всадника на лошади, в бурке и круглой шляпе, с пикой. В альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829 г., конец сентября–начало октября

Но и присоединение к России Восточной Армении (хоть и без Эрзерума) по итогам русско-турецкой войны 1828-1829 гг. было своего рода парадоксальным явлением: колонизаторы выступали здесь и как защитники-освободители. И новые подданные, такие, как Хачатур Абовян, были им благодарны: «Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на армянскую светлую землю и развеяли проклятый злобный дух кизильбашей» [3].

Тем не менее, «...империя постоянно стремилась утвердить свою культурную гегемонию. Всегда озабоченная силовым доминированием, она тратила огромные средства и на то, чтобы показать миру вдохновенный и вдохновляющий облик, который вызывал бы верность у подданных, уважение у друзей и страх у врагов» [4]. И в первую очередь – строила крепости.

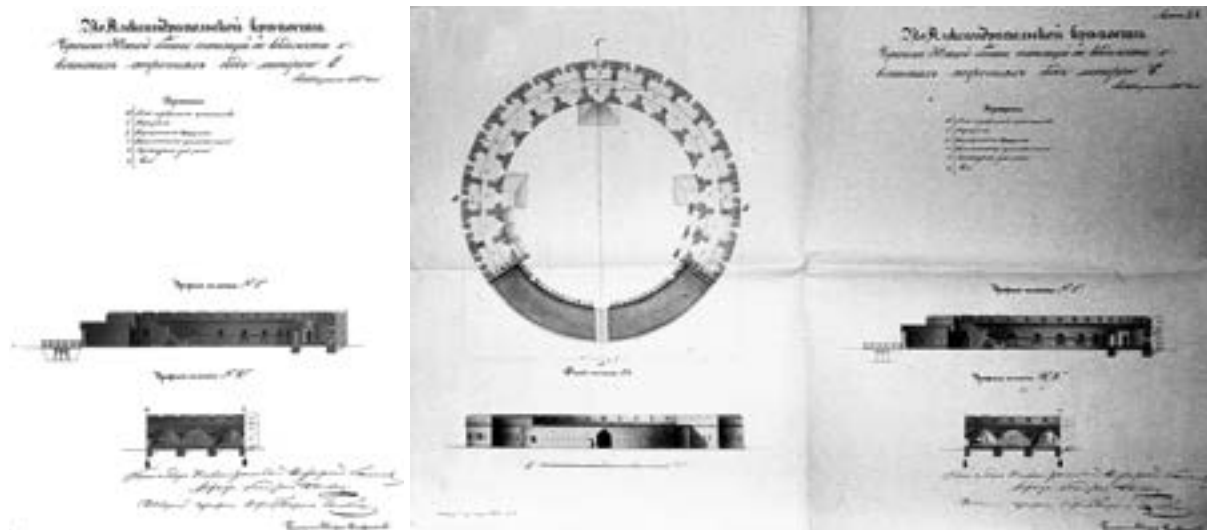
2 июня 1834 г. Николай I отдает приказ о проектировании крепости «вблизи турецкого укрепления Гюмры» [5], а при визите на место в начале октября 1837 г. отмечает явные успехи в строительстве² и дает ей имя «Александрополь» – в честь своей жены Александры Федоровны, но официально – во имя мученицы Александры царицы Римской.

> План крепости Александрополь и г. Александрополя. Чертеж не ранее конца 1830-х гг.

> Вид крепости Александрополя. (Иллюстрированная хроника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Т. 2: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/23005>)

< Черный форт.
Чертежи 1851 г.

War and Peace

The Black Fort, Alexandropol-Gyumri

v Состояние до реконструкции (2000-е гг.). Фото из экспозиции музея истории Александропольской крепости

И вот фокус: рядом с грозной крепостью, которая не только стала олицетворением имперской власти и главным символом нового края, но дала защиту и работу мастерам-каменщикам, съехавшимся туда из древних городов Западной Армении, как-то незаметно и быстро теми же мастерами был построен замечательный город, получивший то же имя и роль одного из – наряду с Тифлисом, Баку, Шуши – экономических и культурных центров Закавказья.

Он-то и изображен на гравюре конца 1870-х гг. с подписью «Вид крепости Александрополя». Очередная русско-турецкая война еще идет, а в этом городе мир уже победил, выразившись в становлении уникальной с социальной и архитектурной точек зрения вернакулярной среды. Но об этом – в других материалах, уже написанных и еще пишущихся [6].

Здесь же – об Александропольской крепости и, конкретно, о Черном форте, стоящих сегодня на государственной охране как памятники культуры республиканского значения. По официальной оценке Минкульта Армении, «возведенная местными мастерами крепость своим великолепным положением придает городу особое своеобразие, торжественность. Являясь проявлением нового слова в фортификационном строительстве, крепость “Александрополь” невозможно сравнить с другими подобными сооружением региона» [7]. А внутри нее – еще одно удивительное явление – до сих пор базируется российский военный гарнизон, преемственно продолжающий службу с царского времени – 102-я российская

^ Состояние до реконструкции. Археологические работы 2008 г. Фото Л. Манасаряна

^ Состояние до реконструкции. Стены (www.visitgyumri.com)

1. «В альбоме Ушаковой поэт набросал шуточный автопортрет: верхом на коне, в бурке и цилиндре, с длинной пикой в руке он мчится вперед. Штатская одежда Пушкина среди военных фуражек и мундиров действительно заключала в себе нечто странное, даже комическое. Но во всем остальном эпизод, им иронически зарисованный, носил совсем не шуточный характер <...> В действующих частях вместе с генералом Раевским Пушкин находился с самого своего прибытия к нему и до взятия Эрзерума (Арзрума); участвовал во всех переходах, боевых операциях, несколько раз подвергался вместе со всеми смертельной опасности» [2]

2. «...Меня поразили огромные работы, предпринятые по сооружению этой новой крепости... Местоположение крепости единственное, на отвесной скале, далеко господствующей над оттоманскими владениями. Каменная одежда уже вся окончена с тою тщательностью, какую мы привыкли видеть в лучших наших крепостях...» (Источник: экспозиция музея истории Александропольской крепости в Черном форте).

^ Вид Черного форта после реконструкции от часовни Архистратига Михаила на Холме Чести (мемориальное кладбище офицеров и солдат русской армии, павших в русско-турецких войнах), 2017. Фото А. Иванова

^ Внешний вид после реконструкции. На заднем плане – монумент «Мать-Армения» (скульпторы А. Саргсян, Е. Варданян, арх. Р. Егоян, 1975), 2017. Фото А. Иванова

военная база (численность личного состава около 4 тыс. человек, оснащение – ракеты С-300В и прочая грозная техника).

Южное укрепление крепости – Черный форт – возведен в период между концом 1830-х (он показан на карте, выпущенной не ранее 1837 г.) и началом 1850-х годов (исходя из сведений, приведенных в «Военной энциклопедии» начала прошлого века) [8].

«Чисто тесаными камнями черного туфа была возведена Южная башня, прозванная «Сев берд» («Черная крепость», гос. индекс 7.1.2), представляющая собой круглое в плане оборонительное сооружение. В нижней части имеются несколько входных проемов, над ними – регулярно расположенные амбразуры. В фортах по длине стен были установлены арсенал и подсобные пристройки» [9].

Ну а после 1878 г., когда в состав Российской империи вошла Карская область, а крепость Александрополь стала крепостью-складом и ремонтной базой для артиллерии, Черный форт сначала служил военной тюрьмой [10], а потом запустел.

В итоге он был передан российской стороной Министерству обороны Армении, а затем в 2005 г. продан в частные руки. В 2012 г. строение купила семья Баласанян, глава которой Самвел по стечению обстоятельств как раз тогда занял пост мэра Гюмри. На его средства и

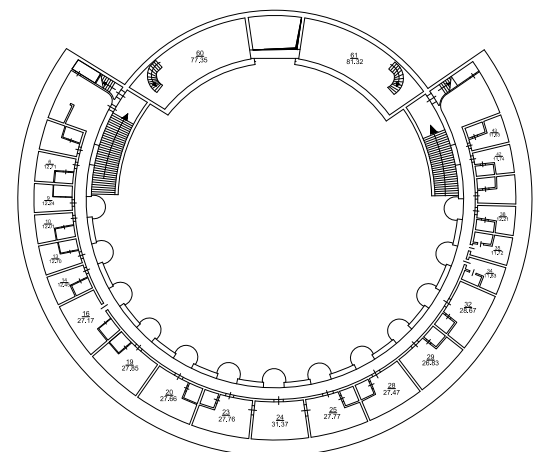
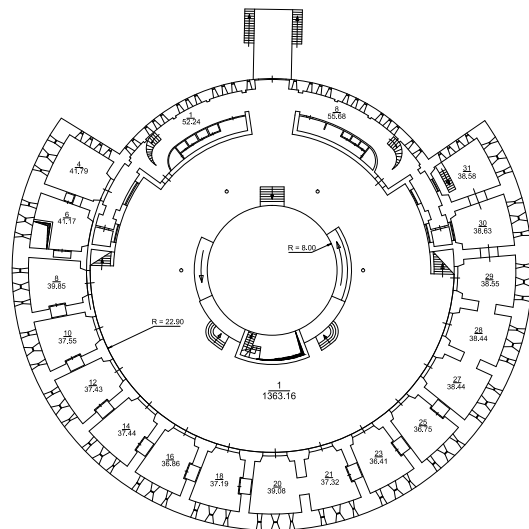
осуществлялась реконструкция форта с приспособлением под культурно-гостиничный комплекс.

Гюмрийский общественник Ваан Тумасян отмечал: «Черная крепость... десятилетиями была бесхозной. С годами она разрушалась все больше и больше, стала городской свалкой и местом встречи алкашей и наркоманов. Что плохого в том, что Самвел Баласанян решил отреставрировать ее?» [11].

Но не все видели тут позитив. Распространенное мнение выразил директор Ширакской службы по охране памятников и исторической среды при Минкульте РА Аветик Мелик-Саргсян: «Черная крепость является военно-историческим памятником, следовательно, она может стать только военно-историческим музеем». Общественное недовольство было вызвано и тем, что утверждение проекта реконструкции проходило без обсуждения горожанами. А когда таковое все же было устроено в формальном режиме, то стало, как говорят в Гюмри, «горчицей после обеда» [12]. Тем не менее проект, авторов которого установить было совсем не просто³, в итоге был согласован с самыми высшими инстанциями Армении.

Что получилось: архитектура и жизнь

«Мы спасли памятник, ничего плохого не произошло. Более того, город получит строение, в котором нуждает-

> Проектные чертежи 2010-х гг. Планы первого и второго уровней

^ Внешний вид после реконструкции со стороны входа, 2017.
Фото А. Иванова

v Внешний вид после реконструкции. Стена, 2017.
Фото А. Иванова

^ Интерьер после реконструкции, 2017. Фото А. Иванова

ся. А вопрос, нарушен ли архитектурный облик памятника, предстоит обсудить специалистам», – ответил на многочисленные упреки заведомо градостроительства и архитектуры городской мэрии Генрих Гаспарян [13].

Но это действительно вопрос. Облик форта существенно изменен. Из того же материала – черного туфа – но с существенно худшим качеством надстроен второй этаж, новая кладка визуально отлична от исторической (уж не следовали ли строители Венецианской хартии?). Перекрыт внутренний двор с устройством центричной сцены-подиума и ряда полукруглых балконов-лож на уровне второго этажа, явно не отвечающих строгому крепостному духу (предназначены для просмотра концертов VIP и людьми с ограниченными возможностями).

Но при этом силуэт форта в целом не искажен: при восприятии из города он кажется совершенно естественным. Не нарушен и ритм фасадных проемов; гостиничные номера на втором этаже вообще не имеют наружных окон. А главное же, на мой взгляд, в другом: крупный военный объект подготовлен к мирному и разнообразному общественному использованию.

В первый раз после реконструкции крепость открыла ворота для горожан 25 сентября 2016 г. Здесь, при участии легендарной гюмрийской фолк-рок-группы «Бамбир», нескольких известных команд из США, Ирлан-

дии, Грузии и Армении и около 2000 зрителей прошел международный фестиваль «Гюмри Рок Фест 2016». Продюсер фестиваля Тигран Вирабян отмечал: «концертный зал “Сев берд” – довольно интересное место. Когда мы посылаем фотографии продюсерам иностранных групп, они выражают свое восхищение и удивляются, что в нашей маленькой стране может быть такое замечательное архитектурное сооружение, которое является еще и концертным залом. Территория вдохновляет, здесь Гюмри находит свое отражение»⁴. Многие гюмрийцы поднимались к форту пешком, чтобы не только принять участие в рок-фестивале, но и полюбоваться новым обликом форта⁵.

На территории форта размещен памятный алтарь со столом, у которого папа римский Франциск отслужил мессу в Гюмри в 2016 г., в подвальном помещении действует музей, посвященный истории Александропольской крепости, в зале периодически проводятся концерты, творческие вечера, научные конференции. На апрель 2018 г. здесь запланировано проведение крупного X Международного конкурса-фестиваля молодых музыкантов-исполнителей «Возрождение». Так что обновленный Черный форт – не просто элитная гостиница с рестораном, чего боялись многие горожане, – он постепенно становится культурным фокусом города, если не всей Армении.

Мир больше войны

Остальные структуры крепости с российской 102-й базой по-прежнему жестко отделены от города. Да, работа многих местных жителей так или иначе связана с базой, и их зарплаты достаточно высоки по локальным меркам [14]. Но это и перманентная опасность для горожан. Страшный случай с убийством гюмрийской семьи российским военнослужащим Пермяковым в январе 2015 г. не забудется здесь никогда. И потому пример интеграции бывшего военного здания в мирную городскую жизнь представляется мне очень важным.

Ведь настоящая война, к сожалению, продолжается. Слава Богу, уже не в Гюмри – но так ли существенна разница между западной и восточной границами в стране, где между ними – всего порядка 120–140 км? Сообщения

> Внешний вид после реконструкции. Стена, 2017. Фото А. Иванова

< Фестиваль «Гюмри Рок Фест 2016». Фото Н. Алексаняна (www.hetq.am)

о вооруженных столкновениях, а то и смертях армянских солдат приходят и приходят с востока.

И если такие межрегиональные культурные центры, какой создается сегодня в Черном форте, помогут – хоть чуть-чуть – способствовать уменьшению насилия, его новые мирные функции будут оправданы вдвойне.

Уж не знаю, насколько поучителен для России этот любопытный случай «частно – муниципального» партнерства при конверсии памятника военного наследия. Но стоит помнить, к примеру, что ни один из знаменитых фортов Кронштадта так до сих пор не отреставрирован и не передан обществу.

Литература

1. Что делать? Что есть цивилизационный код России? [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура». – 28. 01. 2018. https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1632867/video_id/1774326/
2. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина, 1826–1830. – М.: Советский писатель, 1967
3. Абовян Х. Раны Армении / Пер. с арм. С. Шервинского. – Ереван: Советакан грох, 1977. – С. 103
4. Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 389
5. Александрополь [Электронный ресурс] // Военная энциклопедия. – СПб.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. Т. I. – С. 260. <http://www.runivers.ru/bookreader/book9605/#page/323/mode/1up>
6. Иванов А. Город семи ран [Электронный ресурс] // Голос Армении (Ереван). – 7 сентября 2016. <http://golosarmenii.am/article/44673/gorod-semi-ran;>
7. Иванов А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX – середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 9. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 159–192
8. Крепость Александрополь (г. Гюмри, гос. индекс 7.1.1) [Электронный ресурс] // Министерство культуры РА: Служба по охране исторической среды и историко-культурных музеев-заповедников. <http://hushardzan.am/ru/7436/>
9. Александрополь...
10. Крепость Александрополь...
11. [Электронный ресурс] <http://www.armenianheritage.org/ru/monument/Gyumri-II>
12. Арутюнян Ю. Мэр в Черной крепости [Электронный ресурс] // Голос Армении. – 23 июля 2014. <http://golosarmenii.am/article/24477/mer-v-chnoj-kreposti>

13. Там же

14. Мхоян А. Темная история «Черной крепости». [Электронный ресурс] // 13.08.2016. режим доступа <https://ru.armeniasputnik.am/culture/20160813/4644477.html>

15. Зарубин П. Гюмри благодарен российским военным. [Электронный ресурс] // 8 декабря 2013. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1164776>

References

- Abovyan, Kh. (1977). Rany Armenii [Armenia's wounds]. (S. Shervinsky, Trans.). Yerevan: Sovetakan grokh.
- Alexandropol. (1911). In The Military Encyclopedia. (Vol.1, p. 260). Saint Petersburg: Tip. T-va I. D. Sytina. Retrieved from <http://www.runivers.ru/bookreader/book9605/#page/323/mode/1up>
- Arutyunyan, Yu. (2014, July 23). Mer v Chernoi kreposti [The Mayor in the Black Fortress]. Golos Armenii. Retrieved from <http://golosarmenii.am/article/24477/mer-v-chnoj-kreposti>
- Blagoi, D. D. (1967). Tvorcheskii put' Pushkina, 1826–1830 [Pushkin's creative career, 1826–1830]. Moscow: Sovetskii pisatel.
- Chto delat? Chto est tsivilizatsionnyi kod Rossii? [What is to be done? What is the civilizational code of Russia?]. (2018, January 28). TV Channel Culture. Retrieved from https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1632867/video_id/1774326/
- Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskyi opyt Rossii [Internal colonization: Russia's imperial experience]. Moscow: Novoe literaturnoe
- Gyumri II. (n. d.). Armenian Heritage. Retrieved from <http://www.armenianheritage.org/ru/monument/Gyumri-II>
- Ivanov, A. (2016, September 7). Gorod semi stran [A City of seven countries]. Golos ASrmenii (Yerevan). Retrieved from <http://golosarmenii.am/article/44673/gorod-semi-ran>
- Ivanov, A. V. (2017). Reguljarnyi vernakulyar: svoboda vnutri reshetki (istoricheskiy tsentr Gyumri XIX – serediny XX v.) [A regular vernacular: freedom within the grid (the historical center of Gyumri of the 19th – mid-20th century)]. Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury, issue 9, 159-192. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Krepost' Alexandropol (g. Gyumri, gos. index 7.1.1). [Alexandropol Fortress (Gyumri, state index 7.1.1)]. (n. d.). Ministry of Culture of RA "Service for the protection of historical environment and cultural museum-reservations". Retrieved from <http://hushardzan.am/ru/7436/>
- Mkhoyan, A. (2016, August 13). Temnaya istoriya "Chernoi kreposti" [A shady story of the Black Fortress]. Retrieved from <https://ru.armeniasputnik.am/culture/20160813/4644477.html>
- Zarubin, P. (2013, December 8). Gyumri blagodaren rossiiskim voennym [Gyumri is thankful to Russian soldiers]. Vesti.ru. Retrieved from <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1164776>

3. Отметим, что и безымянность архитекторов (относительная в этом случае), и главенствующая роль в процессах строительства частной инициативы – исторические традиции Александрополя–Ленинкан–Гюмри как живого вернакулярного города.

4. Концертный зал крепости «Сев берд» в Гюмри ошеломил иностранных продюсеров (<http://www.aravot-ru.am/2016/06/13/212721/>)

5. Открылись двери Гюмрийской крепости «Сев берд», состоялся рок-фестиваль: видео, фото (<http://www.aravot-ru.am/2016/09/28/222488/?s>)

Автор благодарит Гарегина Егояна, Степана Тер-Маргаряна, Ашота Мирзояна, Арев Самуэлян за помощь в поиске информации и предоставленные материалы.

Авторы проекта реконструкции и приспособления: архитектор Вардан Шахулян (при участии Вачагана Ваданяна), конструктор Самвел Хачатрян

Процесс конверсии города Чаттануга (штат Теннесси) рассматривается в контексте процессов перестройки экономики развитых стран. Традиционная экономика стала причиной роста социального напряжения в обществе. Теория городского управления не могла сформулировать подходы к решению насущных городских проблем. Анализируются новые подходы и успехи оздоровления городской среды Чаттануги. Описываются стратегии и практические меры по конверсии города.

Ключевые слова: Чаттануга; река Теннесси; конверсия; постиндустриальное развитие; экология; туризм; Аквариум Теннесси. /

The process of conversion of Chattanooga, Tennessee is viewed in the context of restructuring of economies of the developed countries. The traditional economy has caused the growth of social tension. The city management could not formulate the approaches to solving the urgent urban problems. The author analyses new approaches and successful improvement of Chattanooga's urban realm. The strategies and practical measures for city conversion are presented. Keywords: Chattanooga; the Tennessee River; conversion; postindustrial development; ecology; tourism; Tennessee Aquarium.

Новый музей как начальный этап конверсии бывшего промышленного города /

текст
Андрей Ляпин /
text
Andrei Lyapin

К началу 1980-х годов значительная часть крупных и средних городов испытывала прессинг новых тенденций мировой экономики. В этот период экономика развитых стран стала перестраиваться на уровень информационных технологий и постиндустриального развития. Роль традиционных видов промышленности (металлургии и металлообработки, угольной отрасли, железных дорог, текстильной и добывающей промышленности) начала резко снижаться. Соответственно, теряло свое экономическое значение значительное число предприятий из этих отраслей.

Процесс перестройки приоритетов мировой экономики в первую очередь затронул страны, развитые в экономическом отношении – США и страны Западной Европы. Многие города в Соединенных Штатах, основу которых составляли угольная, металлургическая или химическая промышленность, оказались перед лицом серьезных проблем: сокращение производства, уменьшение налоговых поступлений, рост безработицы и социальное напряжение в обществе, большие площади заброшенных предприятий, сильное загрязнение отходами, а иногда просто угрожающая экологическая ситуация. Во многих городах США эти проблемы стали требовать срочного практического решения.

Теория городского управления и многие смежные научные дисциплины в то время практически не могли дать рекомендаций и сформулировать подходы к решению насущных городских проблем. Возникла потребность нового теоретического осмысления городского развития и необходимость разработки новых моделей городских процессов.

Среди американских городов, добившихся серьезных успехов в поиске путей выхода из кризиса и решении проблем перестройки городской экономики на постиндустриальные рельсы, к середине 1990-х годов стал выделяться город Чаттануга в штате Теннесси.

Относительно небольшой город с населением 150 тыс. жителей расположен на обоих берегах реки Теннесси в юго-восточной части штата. С середины XIX в. город был региональным центром металлургии и металлообработки. Наряду с железнодорожным транспортом здесь располагались металлургические заводы и лесоперерабатывающие предприятия, которые составляли основу экономики города. Металлургия города использовала дешевый уголь, доставляемый из района Аппалачей по железной дороге.

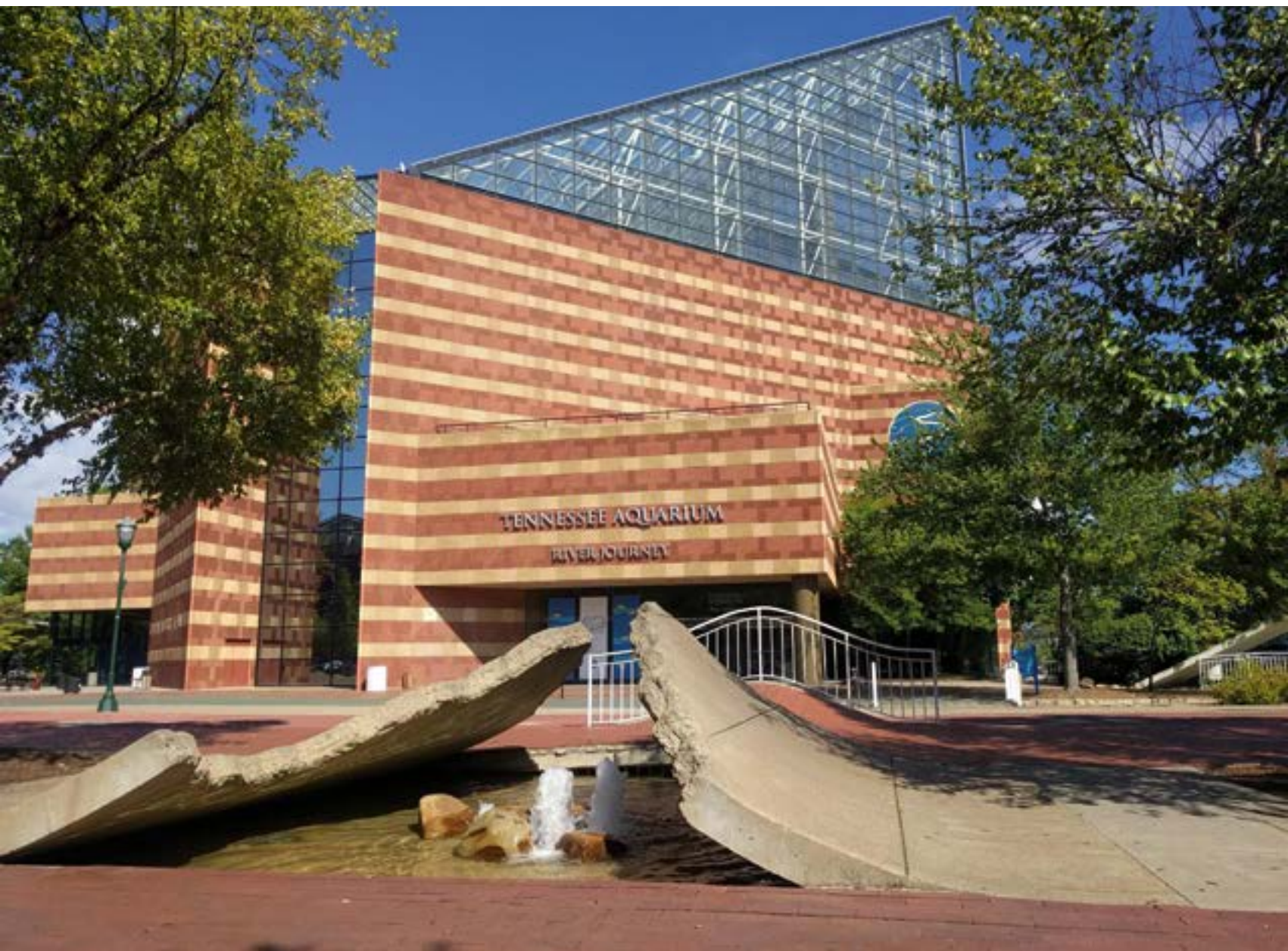
Большое значение для экономики и городского бюджета имела оптовая торговля. В городе разместилась Администрация по развитию долины реки Теннесси, учрежденная Конгрессом США в 1933 году. Рядом с городом был возведен каскад гидроэлектростанций, которые стали основой для предприятий алюминиевой промышленности, созданных неподалеку от Чаттануги.

В послевоенный период экономическое развитие города стало замедляться. С середины 1960-х годов город испытывает экономическую стагнацию, а с середины 1970-х Чаттануга находилась в серьезном кризисе. Предприятия металлургии и лесопереработки либо уже прекратили свое существование, либо находились на стадии закрытия. Железные дороги постоянно сокращали перевозки, испытывая серьезные трудности в конкуренции с автомобильным транспортом. Оптовая торговля сворачивала активность в городе и регионе. По уровню загрязнения г. Чаттануга входил в число самых неблагополучных городов страны. Экологическая ситуация была такова, что некоторые эксперты считали Чаттанугу самым грязным местом в США.

A New Museum as the Initial Stage of Conversion of a Former Industrial City

Закономерным следствием экономической стагнации была неблагоприятная социальная обстановка. Рост безработицы стал причиной роста уровня преступности; система образования испытывала глубокий кризис. Начался отток состоятельных слоев населения, которые перемещались в другие города, где была возможность найти более выгодную работу.

Необходимость радикальных изменений осознана в начале 1980-х; тогда же общественные объединения и муниципалитет инициировали программу по возрождению города. Программа развития Чаттануги и деятельности по возрождению города на основе этой программы оказались одним из самых успешных примеров возрождения экономики городов в стране.

Двадцать лет целенаправленных, продуманных и согласованных действий городских властей, общественных объединений и предпринимателей привели к радикальному улучшению социальной и экологической обстановки в городе. К концу 1990-х годов успехи г. Чаттануга по преобразованию экономики, восстановлению экологических параметров городской среды и улучшению качества жизни в городе признаны всеми специалистами по городскому развитию в США, политиками и самими горожанами.

В конце 1990-х город вошел в число десяти лучших городов США по качеству городской среды и удобству для жителей. Титул «Город, дружелюбный семье» Чаттануга получал несколько лет подряд.

Успехи Чаттануги на пути постиндустриального развития были впечатляющими: город стал центром притяжения новых жителей и капитала, центром современных методов образования и передовых технологий, одним из самых динамичных туристических центров на Юге США.

Эти впечатляющие достижения были результатом четко спланированной стратегической модели развития города, принятой в начале 1980-х годов. Разработанную стратегическую модель развития Чаттануги отличали следующие особенности.

Во-первых, инициатором создания стратегической модели развития города и городского движения за радикальное улучшение ситуации в городе выступили общественные объединения, основу которых составили предприниматели и бизнесмены.

Во-вторых, главные усилия по улучшению ситуации в городе были сосредоточены на экологической ситуации и восстановлении природной среды Чаттануги. Инициаторы программы очень точно почувствовали общественный интерес к экологии и сделали решение проблемы экологии ядром программы по возрождению города. Символом городской жизни на новом этапе было выбрано изображение реки Теннесси, а слово «Речной» стало одним из самых распространенных в отдельных проектах в рамках созданной модели развития.

В-третьих, инициаторы создания стратегической модели городского развития определили главный проект в процессе возрождения города, проект-лидер, который принципиально изменил образ города в регионе и стал ядром всей программы на 10 лет. Был разработан и реализован проект по строительству в городе большого туристического объекта. Таким объектом стал Аквариум Теннесси – самый большой пресноводный аквариум в США, который быстро стал весьма привлекательным туристическим местом. Здесь находится постоянно пополняемая огромная коллекция пресноводных животных и растений.

В-четвертых, важной особенностью разработанной модели был постоянный, детальный и очень внимательный мониторинг хода реализации разработанной модели развития и реальных результатов предпринятых действий. Общественные объединения, созданные в начале программы возрождения, не распались после первых успехов, а продолжали работу по разработке отдельных проектов и по контролю за реализацией модели развития.

Формально началом возрождения города считается 1984 год, когда объединение предпринимателей «Венчурный фонд Чаттануги» провело сессию общегородского семинара «Перспективное видение 2000» и опубликовало «Рабочую книгу возможностей и обязательств», которая фактически стала моделью развития города на 20 лет. Через год напряженной работы опубликован и выдвинут на обсуждение Генеральный план Речного парка Теннесси. Его особенностью было то, что экономическое развитие инициировалось на территориях, прилегающих к проектируемому парку, а сам парк стал

результатом большой работы по рекультивации загрязненных и заброшенных участков бывшей промышленной территории.

В мае 1992 г. был открыт Аквариум Теннесси, а уже к концу года Аквариум принял один миллион посетителей – весьма значительное число туристов для города с населением в 150 тыс. человек. Вслед за появлением большого числа туристов в даунтауне, исторической части Чаттануги, началось возрождение ресторанов, кафе, сувенирных лавок.

В 1993 г., через восемь лет после старта программы возрождения города, новый общегородской семинар «Перспективное видение 2000» проверил достигнутые результаты и выдвинул новые цели развития города. С этого же года туристические компании и крупный частный капитал начинают вкладывать деньги в строительство новых отелей в Чаттануге, поверив в жизнеспособность его будущего. Первым в серии новых гостиниц вступает в эксплуатацию «Riverset Apartments» («Отель на речной стороне»).

В течение 1990-х годов в Чаттануге строятся новые отели, открываются рестораны, принципиально обновляется система общественного транспорта. Со своей стороны, муниципальные власти и общественные объединения

поддерживают сложившийся туристический поток. Организуются фестивали и акции, привлекающие туристов в течение всего года: «Ежегодный фестиваль пивоваров», «Фестиваль вина над водой», «Концерты попмузыки на реке», Дни природы, Дни парков, Дни любителей мотоциклов «ХарлейДэвидсон», Девятидневный фестиваль музыки «Речная лента», привлекающий любителей со всей страны. Большую роль в возрождении города стала играть специально созданная для развития даунтауна компания «Речной город».

Моделирование будущего развития Чаттануги осуществлялось специалистами – учеными разных специальностей, которые действовали в единой команде с предпринимателями и общественными организациями. Географы, экологи, социологи в составе общественных групп и объединений участвовали в разработке стратегической модели развития и политики возрождения города. Другая часть специалистов – экологи, биологи, географы, архитекторы, экономисты – была привлечена в качестве нанятых специалистов. Они разрабатывали отдельные разделы в общей модели развития города. Однако следует отметить, что общая стратегия по реализации модели возрождения Чаттануги всегда оставалась в руках общественных объединений.

Статья посвящена семиологическим аспектам визуальной репрезентации города, ее историческим и актуальным культурно-смысловым детерминантам. На примере Москвы рассматривается феномен воспроизводства средневекового образа невидимого города в системе градостроительных, социальных и политико-символических практик.

Ключевые слова: город, визуальный дискурс, средневековье, пространство, радиально-кольцевая планировка, вертикаль, власть, репрезентация. /

The article touches upon semiological aspects of the city visual representation, its historical and current cultural and semantic determinants. Through the example of Moscow, it studies the phenomenon of reproduction of the medieval image of an invisible city in the system of town-planning, social and political-symbolic practices.

Keywords: city; visual discourse; Middle Ages; space; radial-circular plan; vertical; power; representation.

Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса / Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse

текст
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Нижеследующий текст – фрагмент более широкого семиологического исследования, посвященного автором теме города как визуального дискурса. В этом фрагменте речь пойдет о Москве, которая, вероятно, острее, чем многие другие города, сталкивается с проблемой сложности и многообразия архитектурно-урбанистических, социокультурных, политических, психологических, эстетических и прочих практик визуальной саморепрезентации, а потому представляет особый интерес в контексте разговора о городе – видимом и невидимом.

В современном мире мегаполисы, выступающие опорными элементами в структурах планетарного цивилизационного ландшафта, всеми силами стремятся сделать себя максимально видимыми, открытыми, визуализированными. Огромные материальные, технические, информационные и организационные ресурсы употребляются ими на то, чтобы сформировать зримый образ дружественного, безопасного, привлекательного города. В силу многих причин успехи городов в этом процессе различны. Но при всех различиях ценность открытости, оптической «прозрачности» уже стала универсальным критерием оценки качества городской среды и городской жизни.

Столица России, безусловно, тоже претендует на место в неформальном «почетном клубе» мировых городов. Однако Москва, как никакой другой российский город стремящаяся быть видимой, самым драматическим образом продолжает оставаться невидимой. Проблема невидимости Москвы заключается в глубочайшем анахронизме ее по сей день средневекового пространства. О средневековом характере Москвы писали многие исследователи. В данном случае интерес представляет то, как «средневековость» Москвы детерминирует ее сегодняшнюю невидимость. Разумеется, есть множество городов, сохранивших черты средневековой планировки. И дело вовсе не в том, что сама по себе унаследованная средневековая структура пространства мешает историческому городу быть видимым. Причина невидимости – в геополитической практике самопозиционирования города и в соответствующей символической актуализации доставшейся ему пространственной структуры. Москва фактически не имеет иного опыта пространственно-сим-

волического развития, кроме феодального. В то время как в городах Европы уже с XVI века происходят мощные градостроительные реконструкции, отвечающие интересам грядущего буржуазного урбанистического уклада, Москва из века в век воспроизводит средневековые формы и смыслы устройства городского пространства, опоясывая и замыкая себя все новыми и новыми валами и кольцами. Кольца Москвы – не просто инерция средневековой градостроительной структуры: это неизменно актуальные защитные стены, своего рода «подушки безопасности», оберегающие ее от всей остальной страны, от набегов лихоимцев-соотечественников всех времен, начиная с враждебных князей-соседей и кончая всеми видами современных «понаехавших».

На первый взгляд, мысль о сегодняшней невидимости Москвы может показаться натяжкой. Ведь в последние 15–20 лет все, казалось бы, свидетельствует об обратном: город прирастает населением и территориально приумножает свои и без того многочисленные столичные функции, переживает бум беспрецедентного по масштабам строительства, да к тому же круглосуточно презентует себя вовне с помощью всех возможных каналов трансляции визуальных образов. Однако дело в том, что для города, являющегося столицей страны (тем более такой огромной, как Россия), проблема видимости–невидимости разрешается не в локальном пространстве окружающей губернской территории. Для столицы важны не столько реальные видовые картины, открывающиеся в пределах ближнего зрительного восприятия, сколько символические визуальные образы города, видимые населению страны за тысячи километров от столичных административных границ.

Образ Москвы, видимый стране и миру – это, прежде всего, образ вечно круглящегося, замкнутого пространства, в котором сосредоточена функция власти над гигантской территорией России и львиная доля всего движимого богатства страны. Опоясывающие территорию Москвы кольца (от древних земляных валов до сегодняшних окружных транспортных магистралей) – трансвременной символ удержания власти и собственности, символ сокрытия их от любого внешнего взгляда и потенциально возможного посягательства. Историческое

^ Вавилонская башня в живописной версии Питера Брейгеля (1563) довольно приземиста. И хотя ее верх достигает облаков, общие пропорции уже построенной части сооружения говорят о том, что Бог вмешался в амбициозные планы строителей где-то на уровне седьмого этажа и прекратил вакханалию людского самомнения уже на довольно ранней стадии. [Электронный ресурс] <http://diletant.media/articles/30171786/>

^ Вавилонская башня в гравюрном изображении XVII века (иллюстрация из книги немецкого ученого иезуита Атанасиуса Кирхера) имеет ощутимо вертикальные пропорции. Следуя библейскому сюжету, она не достроена, но в сравнении с более ранней иконографией она все же явно «подросла». [Электронный ресурс] <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/kircher1679/0059>

^ Проект Дворца Советов, ощутимо наследующий иконографическую традицию, являет взору, вероятно, первый в истории образец полностью достроенной Вавилонской башни. В доказательство своего безоговорочного возвышения и обожествления земной вождь достигает до облаков. [Электронный ресурс] <https://stroj.mos.ru/unikalnaya-arhitektura/moskva/hram-hrista-spasitelya>

укрупнение колец отражает неизбежность территориального расплывания средневекового организма, для которого замкнутость и удержание веками остаются неизблемыми ценностями существования, подобно тому как хронически толстеющий от обжорства, страдающий запорами и задыхающийся от собственной массы человек вынужден обзаводиться одеждой все большего размера и проделывать в брючном ремне дырочку за дырочкой.

Сохраняющаяся по сей день направленность Москвы на самое себя – следствие ее глубинного средневеково-феодального генокода. Невзирая на внешне различные социально-политические состояния городского организма на разных этапах московской истории, русская столица и в наши дни продолжает следовать стратегии созерцаема в вассальных отношениях с окружающими феодами. При этом не должен вводить в заблуждение тот факт, что феоды (малые, большие и тем более крупные, чем далее от Москвы они находятся) именуются «субъектами федерации», а присягнувшие феодалы – губернаторами, пусть в каких-то случаях даже и выборными. Важно воспроизводство структурных особенностей городского организма под колоссальным влиянием генетической программы.

Понять сегодняшнюю проблему невидимости Москвы можно лишь, заглянув вглубь истории, в самое начало, в историческую точку происхождения города. С момента образования во второй половине XI века крошечного по нынешним меркам поселения на Боровицком холме – будущего Кремля – властители Москвы постоянно решали одну и ту же задачу: как наиболее эффективно оградиться от внешних угроз, то есть сделать город невидимым. В разное время угрозами ми этими становились то склочные соседи-князья, то монголо-татары, то чума, то французы, то шлоны голодных командировочных со всей страны, с золотоордынским размахом опустошавших прилавки продовольственных магазинов города-героя. В московском генокоде понятия «город» и «огород» идентичны и неразрывны исторически. И князь Юрий Долгорукий, который в 1156 году «заложил град Москву» (то есть слегка расширил ограду своей махонькой крепостицы), и Иван Калита, что два века спустя построил «град Москов дубов» (новый «огород» из аршинных в ди-

аметре дубовых бревен), и наш современник, приснопамятный мэтр Юрий Михайлович Лужков, реконструировавший дорожные кольца столицы, по сути, реализовывали общую, непрерывную генетическую программу оборонительного округления московского пространства при неизбежном экстенсивном росте территории. В сущности, это и есть классический вариант развития средневекового города: всегда сжатое охранительным периметром урбанистическое тело, лишенное возможности нормального метаболизма, ширится до необъятных размеров, тяжелеет и, в конце концов, мучительно деградирует под давлением собственных внутренних процессов.

Заметим, что сегодня, как и прежде, ни один из радиальных векторов Москвы не имеет того символического значения, какое имеют ее кольца. Московская кольцевая автодорога (МКАД), образующая современный «крепостной» периметр столицы, стала нынче главной линией ее девизуализации. Относительно Москвы остальная Россия – это слепое, фольклорное «Замкадье», суть которого весьма точно выражена в известном шуточном вопросе: «Есть ли жизнь за МКАДом?». Охраняемый приоритет колец по отношению к радиусам имеет принципиальное символическое значение. Радиусы – символы внешних, горизонтальных связей Москвы, а значит, символы не только притока, но и возможного оттока власти, собственности, энергии, человеческих и разных прочих ресурсов. Поэтому кольца как символы удержания всегда были для Москвы символически важнее.

В свое время идеолог советского архитектурного рационализма Николай Александрович Ладовский предложил концепцию развития Москвы (1932) на основе параболы, разрывающей кольцевую структуру столичного плана в тверском направлении (в сторону Ленинграда–Петербурга). Понимая, что возможности средневековой радиально-кольцевой структуры исчерпаны, Ладовский выдвинул идею динамического вектора, определяющего открытость и движение города в сторону прежней, северной столицы с перспективой соединения в крупнейшую российскую агломерацию. В проекте «параболы Ладовского» Москва представляла своеобразным урбанистическим порталом, открытым на запад. В таком контексте естественно возникал семиологический вопрос о прагматике

^ По проекту башня «Россия» должна была стать самым высоким зданием в Европе и через свое высотное доминирование обрести статус современной Axis mundi.
[Электронный ресурс] https://varlamov.ru/1603146.html?page=6&cut_expand=1

^ Знаменитый план Москвы, приведенный в книге «Описание путешествия Адама Олеария в Московию» интересен тем, что он зафиксировал образ города, сконструированный под влиянием не только более ранних планов, но и непосредственных визуальных впечатлений. Будучи придворным математиком герцога голштинского, Олеарий в 1633 году с чисто немецкой дотошностью запечатлевает все значимые, на взгляд путешественника, особенности устройства московского пространства. [Электронный ресурс] http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:1638_moscow_Oleariy.jpg

> На этом ночном виде башни «Россия» вертикаль ее твердого тела (высокого, но все же не вполне «достающего до неба») достроена бесплотными (но зрительно впечатляющими) столпами света прожекторов. Таким образом, мы видим, на какой высоте от земли архитектурно-строительные средства визуализации «вавилонского сценария» заменяются световой материей. [Электронный ресурс] <https://yandex.ru/collections>

видимости: если городу задается конкретный ракурс его видимости (как географический, так и политический), то кому именно Москва должна реально открыться, для кого она должна стать реально видимой? Ответ – «Ни для кого!» – последовал уже в ходе разработки и принятия в 1935 году сталинского плана реконструкции Москвы, который зафиксировал незыблемость радиально-кольцевой планировки, предложив «разгрузить» внутреннее пространство новыми улицами, напрямую связывающими между собой периферийные районы. Ладовскому, восемь десятилетий назад предчувствовавшему неизбежность того коллапса московского пространственного организма, который мы наблюдаем сегодня, не суждено было стать Ленотром при дворе Иосифа Сталина.

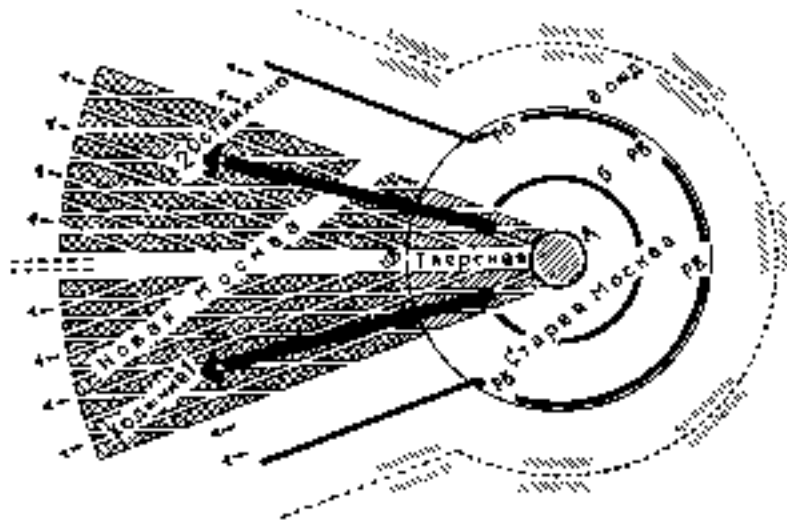
Всякий средневековый город, опоясанный кольцами защитных укреплений, имеет в центре своего внутреннего пространства развитые вертикали, обеспечивающие как сакральные функции отношений с высшим миром и символизм властного доминирования, так и оборонительные функции удержания контроля над окружающей территорией. Невидимый за стенами город сохраняет способность видеть внешний мир, осознаваемый как враждебный, полный угроз. Москва, разросшаяся в своей кольцевой замкнутости до невероятных размеров и вынужденная контролировать окружающую территорию от западных границ до берегов Тихого океана, стремится создать вертикаль, соразмерную циклопическому горизонтальному масштабу объекта властного контроля.

Надзор за шестой частью земной суши – задача нечеловеческого, поистине божественного размаха. Посему в попытках создания условий, необходимых для ее решения, со всей силой древней мифологической матрицы актуализуется архетип Вавилонского столпотворения. Речь уже не о завоевании наивысшей точки визуального контроля, а о достижении уровня богоравности, гарантирующей способность всеохватного, всепроникающего, перманентного сверхвидения.

Впервые этот архаический библейский сценарий был с удивительной точностью воспроизведен во второй половине тридцатых годов прошлого века в истории проектирования и строительства в Москве самого циклопического сооружения советской эпохи – Дворца Советов.

^ План Москвы 1825 года неизбежно сохраняет средневековую радиально-кольцевую структуру. [Электронный ресурс] <http://testan.narod.ru/moscow/maps/karty34.htm>

^ Проект развития Москвы, предложенный Ладовским. Его обреченность остаться проектом читается в совершенно неприемлемой для кремлевской власти устремленности московского урбанистического пространства навстречу прежней, дореволюционной (и на тот момент уже вполне опальной) столице. [Электронный ресурс] <http://tehne.com/event/arhivsyachina/arhitektura-sssr-1917-1932-gradostritelstvo>

Разработанный в русле сталинского плана реконструкции Москвы (1935 г.) и победивший в конкурсе проект архитектора Бориса Иофана предполагал строительство гигантской башни Дворца Советов на месте разрушенного Храма Христа Спасителя. Дворец должен был сделать Москву самым видимым городом на свете. По сути, это означало, что взамен сформулированной в начале XVI века монахом Филофеем концепции «Москва – третий Рим» бессознательно выдвигалась концепция «Москва – истинный Град Небесный». Разумеется, смысл проекта оформлялся в большевистской риторике, отрицающей ассоциации с библейскими архетипами, однако весь ход событий воспроизводил сценарий Вавилонского столпотворения. Сначала сталинская Москва отвергает Небесный Иерусалим в образе Храма Христа Спасителя путем его разрушения, то есть физической девизуализации. Затем создается образ нового храма, архитектура которого призвана зримо выразить идею всемирно-исторического возвышения земного царства большевиков. При этом в образе Дворца Советов обнаруживаются очевидные соответствия иконографической традиции изображения Вавилонской башни, с той лишь разницей, что, в отличие от ее прежних визуализаций, столп победившего сталинизма имеет завершение: он увенчан гигантской фигурой Ленина, главного идола режима.

История, однако же, распорядилась так, что в полном соответствии с библейским предначертанием Дворец Советов (эта Вавилонская башня XX века) так никогда и не был построен. Он не стал видимым, не обрел физического тела. Его образ сохранился лишь в слове и в изображении.

Уже в наши дни на пике лужковских преобразований архитектурного облика Москвы случилась очередная реанимация сюжета Вавилонского столпотворения, очевидно вторящая истории Дворца Советов. На этот раз британец Норман Фостер спроектировал для первопрестольной грандиозную башню «Россия». Ее 612-метровая вертикаль должна была проткнуть небо в районе комплекса Москва-сити. «Остолбеневшая» российская столица вновь визуализировалась в образе нового Вавилона. И вновь визуализация случилась лишь на картинках. В 2009 году было принято решение отказаться

от реализации непосильного мегапроекта. Как и Дворец Советов, башня «Россия» не обрела физического тела и не сделала Москву более видимым городом, лишний раз доказав, что в контексте визуальных практик современного российского мегаполиса «вавилонский» сценарий является абсолютно архаичным комплексом.

Как видно на примерах истории строительства Дворца Советов и башни «Россия», невозможность реализовать «вавилонский» сценарий, то есть построить наблюдательную каланчу, с высоты которой можно было бы физически дослать взором границы державы, вызывает к жизни виртуальный образ «Вертикали власти». Такая вертикаль рождена категорическим нежеланием развивать горизонталь, всегда чреватые возможностью реального перераспределения ресурсов в наземном пространстве и вызывающие своеобразный «страх кастрации» власти. От колокольни Ивана Великого до семи послевоенных сталинских высоток, а от них, в свою очередь, – до небоскребов Москва-сити тянется извечное желание показать миру из-за ограды огромную фаллическую (сакральную, экономическую, финансовую, властную) вертикаль. Без такой вертикали город средневековья не мог быть одновременно видимым и невидимым, как того требовали внешние условия его жизни. Для сегодняшней Москвы ее вертикали – тщеславные рудименты средневековья, не особенно влияющие на открытость столицы и не делающие ее более видимой. «Иван Великий» с окончания надстройки в 1600 году вплоть до начала XVIII века оставался самой высокой и, в масштабе тогдашней территории города, действительно самой значимой вертикалью московского пространства. В сравнении с ней сегодняшние высотные сооружения, соотнесенные с общей протяженностью реального городского тела, предстают не столько значимыми урбанистическими символами современного мегаполиса, сколько архитектурной ботвой на неизменно средневековом московском огороде.

Москва – единственный город Европы, в котором резиденция власти, как и восемь веков назад, сосредоточена в пространстве, отделенном от города и страны крепостной стеной. Кремль – единственная на территории Старого Света средневековая крепость, сохранившаяся в своей изначальной функции (быть защищенной от посто-

< Московские митинги оппозиции, проходившие на Болотной площади и на Проспекте Сахарова в конце 2011 – начале 2012 года были зафиксированы с высоты птичьего полета. Этот взгляд на происходившее, мгновенно распространенный через социальные сети, позволил увидеть всему миру традиционно невидимую Москву. [Электронный ресурс] <http://loveopium.ru/news/miting-na-bolotnoj-ploshhadi.html>

ронного глаза цитаделью власти). И если в визуальном дискурсе феодального прошлого кремлевская стена выступала символом противостояния Москвы внешним врагам, то сегодня она стала символом непрозрачности власти для избирающего ее населения страны. Продолжая оставаться невидимыми за крепостной стеной, обитатели Кремля (изначального огорода) символически противопоставляют себя абсолютно всем, кто снаружи. В масштабе страны это оформляется в виде картины отношений Москвы и «Замкадь». Выключенная из реального визуального ландшафта страны, Москва являет себя миру виртуально – через вертикаль власти, единственным каналом визуальной репрезентации которой является телевидение. В этом смысле воистину главной символической и функциональной вертикалью Москвы выступает Останкинская телебашня – этот гигантский инъекционный шприц столицы.

В мифопоэтической конструкции московского пространства жизнью города и лежащей за его пределами страны управляет властелин колец, точнее, самого малого кольца – Кремля, от которого, как от брошенного в воду камня, кругами расходятся в ландшафте и в истории все более и более крупные кольца. Горизонтальная непроницаемость окольцованного московского пространства (как в случае с обороняющимся средневековым городом) резко повышает ценность вида с высоты птичьего полета, ибо только вид сверху позволяет понять, что же происходит в городе и за его пределами на самом деле. Наличие в наши дни богатых технических возможностей обеспечения и фиксации такого всеохватного взгляда вызывает неодолимый соблазн его властной монополизации. И в этом актуализуется средневеково-феодалная природа Москвы. Мифологическая «Вертикаль власти» всеми силами стремится узурпировать право на взгляд сверху, не понимая, что в XXI веке вид города и мира, открывающийся с высоты небес – эта вожденная ценность средневековья – доступен любому из миллионов и миллионов горожан.

Сегодня особенно понятно, что на историческом повороте, когда изменившиеся в своем самоопределении города Европы начали энергично преодолевать тесноту прежних средневековых одежд, разрезая их новыми про-

странственными перспективами, а в России евроориентированный государь Петр Алексеевич разлиновывал на чухонских болотах новую столицу государства, Москва, невзирая ни на что, продолжила средневековый сценарий методичного «окукливания», результаты которого мы наблюдаем сегодня.

> Один из наиболее ярких образов невидимой Москвы – столичное метро. Схема развития Московского метрополитена до 2100 года представляет кольцо как вневременной идеал формы городского пространства. [Электронный ресурс] <http://mosday.ru/forum/viewtopic.php?t=860>

*Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.*

Н. Заболоцкий, «Метаморфозы» (1937)

Латинское слово «конверсия» близко по смыслу греческому «метаморфоза», но не совпадает с ним. Если метаморфоза – это смена формы, то конверсию следует понимать как смену смысла, идеи. Поэтому в конверсионных процессах всегда присутствует мотив ностальгической печали по утраченному смыслу. Иосиф Бродский писал:

*Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре
есть что-то безнадежное.*

«Остановка в пустыне» (1966)

Тем не менее, мы постарались собрать примеры оптимистичной, позитивной и жизнеутверждающей конверсии. Раздел включает аналитические материалы по проектам конверсии промышленных объектов в Иркутске, Улан-Удэ и Барнауле.

Константин Лидин

конверсия по-сибирски / siberian-style conversion

*How everything is changing!
What once was bird
Now lies a page of words;
Thought was once a simple bloom;
on bull's slow feet
A march did poems beat.
And what was me anew, perhaps,
has flourished,
And leaves the plant world nourished.*

N. Zabolotsky, Metamorphoses (Translated by Leo Shtutin)

The meaning of the Latin word 'conversion' is close to the Greek 'metamorphosis' but does not coincide with it. If metamorphosis is a change in the form, then conversion should be understood as a change in the meaning or idea. That is why conversion processes always have a tint of nostalgia for the lost ideas. Joseph Brodsky wrote:

*So few Greeks live in Leningrad today
that we have razed a Greek church,
to make space
for a new concert hall, built in today's
grim and unhappy style.*

A Halt in the Desert (1966)

However, we have tried to select some examples of optimistic, positive and life-affirming conversion. This section includes analytical materials on the conversion projects for industrial facilities in Irkutsk, Ulan-Ude and Barnaul.

Konstantin Lidin

Анализируется реконструкция промышленных объектов и модернизация заводских территорий. Представляются цели, задачи, методы, приемы и направления адаптации постиндустриальных территорий к современному городу. В качестве примера выбран проект реновации объектов бывшего ликеро-водочного завода города Улан-Удэ и ревитализация их в новом качестве – «Центра современного искусства».

Ключевые слова: Верхнеудинск; заводские территории; модернизация; промышленная архитектура; постиндустриализация; реновация промышленных объектов; ревитализация; Улан-Удэ. /

The article analyses reconstruction of industrial facilities and modernization of industrial sites. It presents the aims, goals, methods, techniques and directions of adaptation of the post-industrial territories to the present-day city. The article studies the case of renovation of the facilities of the former distillery in Ulan-Ude and their revitalization and transformation into the Center of Modern Art.

Keywords: Verkhneudinsk; industrial sites; modernization; industrial architecture; postindustrialization; renovation of industrial facilities; revitalization; Ulan-Ude.

Реновация как метод сохранения и усовершенствования архитектурной среды города (на примере территории бывшего ликеро-водочного завода города Улан-Удэ) /

текст
Светлана Макотина /
text
Svetlana Makotina

Сегодня многие города нуждаются не столько в крупных торговых комплексах, сколько в новых культурно-образовательных центрах. Однако выбор места для строительства общественного объекта наталкивается на отсутствие свободных, но в тоже время выгодных и удобных с географической и социальной точки зрения площадей. Альтернативу пустующим площадкам могут составить территории бывших заводов и фабрик, в постсоветское время оставшихся «не у дел».

В Улан-Удэ исторически сложившиеся объекты промышленной архитектуры располагаются в центре жилой застройки города; например, Советский район – промзоны судостроительного, приборостроительного, ликеро-водочного, стекольного заводов. В настоящее время они становятся нерентабельными, не функционируют в должном объеме. Рост городской застройки привел к перемешиванию селитебной и промышленной территорий. В итоге завод, обрастая по периметру жильем, стал преградой, мешая естественному развитию города и бесхозно занимая довольно большие полезные для общества территории.

Проблема «наслоений и наплыва» друг на друга разных функциональных зон в постперестроечное время стала решаться путем закрытия или полного вывода производства из центра города на окраины. Далее начинался процесс редевелопмента, то есть реконструкции оставшихся на месте промышленных объектов при одновременной смене их функционального назначения.

Между группами производственных предприятий можно выделить наиболее эстетически и стилистически привлекательные объекты промышленной архитектуры. К ним относятся исторически ценные здания заводов с высоким уровнем архитектурно-художественных качеств. В большинстве случаев это здания с тщательно проработанными фасадами, точно выверенные по стилистике и пропорциям, с уже сложившимся взаимосвязанным и качественным окружением, сомасштабным человеку. Такие объекты всегда оказываются положительными для визуального восприятия и украшают город.

Примером постиндустриальной реконструкции может служить дипломный проект В. Н. Хорхоткиной «Центр современного искусства на территории бывшего лике-

ро-водочного завода г. Улан-Удэ». Перед дипломницей стояла задача разработать концепцию композиционно-планировочного решения генплана нового объекта на площадке бывшего ликеро-водочного завода и выполнить модернизацию его территории, перепрофилировав в центр современного искусства (Рис. 1).

Район расположения завода является историческим началом города Улан-Удэ (бывшего Верхнеудинска). Согласно старым картам здесь, в нагорной части местности Батарейка, стоял Удинский острог; Батарейная площадь размещалась у подножия горы, на полуострове, образованном рекой Удой (Рис. 2). В 1899 году купец А. К. Кобылкин взял в аренду участок земли на Батарейной площади и построил винокурный завод, затем неподалеку – стеклоделательный завод для производства посуды. Комплекс промышленных зданий размером 200×130 метров расположен в южной части Батарейки, восточной стороной завод выходит на берег реки Уды.

Рис. 2. Удинское зимовье. Реконструкция Л. К. Минерт [4]

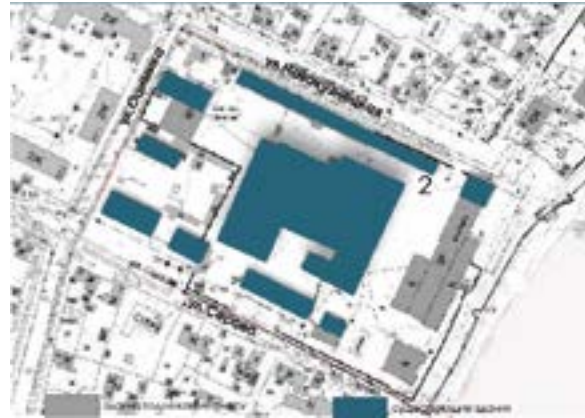
Основные здания и другие постройки выдержаны в едином «кирпичном» стиле, характерном для промышленной архитектуры конца XIX–начала XX века. Архитектура фасадов очень нарядна благодаря насыщенной кирпичной декорации [1, 72]. С севера квартал заводской территории образуют складские каменные одноэтажные строения под высокой крышей с частыми слуховыми окнами. На территорию ведут два оформленных входа: центральный – для рабочих и товарный – для грузов. С западной стороны сохранились жилые двухэтажные дома кирпичной кладки, напоминающие военные дореволюционные казармы. Даже в настоящее время с северной стороны завод имеет довольно большое незастроенное пространство, с южной находится территория средней школы.

^ Рис. 1. Город Улан-Удэ; отмечен район местности Батарейка (фрагмент работы В. Н. Хорхоткиной)

в Рис. 3. Схема пешеходной доступности промышленной территории относительно центра города (автор В. Н. Хорхоткина)

в Рис. 5. Существующая схема застройки (автор В. Н. Хорхоткина)

в Рис. 4. Вид на главный корпус ликеро-водочного завода. 2015 г.
Фото С. А. Макоотиной

Renovation as a Method of Preservation and Improvement of the Architectural Space in the City: a Case Study of the Territory of the Former Distillery in Ulan-Ude

^ Рис. 6. Исторический квартал Ротермани, Таллинн. Реновация производственных территорий: галерея модных магазинов и кафе. Фото С. А. Макотиной

^ Рис. 7. Существующая схема функционального зонирования (автор В. Н. Хорхоткина)

Бывшая промзона находится в пешеходной доступности от центра исторической части города, городского сада и продуктового рынка, остановок общественного транспорта, средних школ и детских учреждений (Рис. 3).

Рабочее предместье Батарейка формировалось постепенно и хаотично; оно сложилось из ряда заводов, административных зданий и жилых домов для работников производства, частных деревянных домов. Строения разнообразны по этажности, времени постройки и техническому состоянию. Старый промышленный квартал ликеро-водочного завода является памятником промышленной архитектуры Республики Бурятия (Рис. 4).

Территория завода лежит в границах улиц Оцимика, Новокузнецкой и Серова на берегу живописной реки Уды. Участок застройки имеет общую площадь 3,8 гектара. Красивый вид на реку, северные отроги Цаган-Дабана и новостройки Октябрьского района города делают этот участок привлекательным для жителей города и туристов. Старая местность «Батарейка» имеет хорошие перспективы для сохранения и развития жилой застройки, а реновация промышленных территорий может послужить началом для современного развития всего района. По генеральному плану города на этом участке должна располагаться общественно-деловая зона, однако до настоящего времени значительную часть территории занимают частная жилая застройка и малоэтажные деревянные дома (Рис. 5).

Автором проекта были рассмотрены разные методы, используемые при разработке концепции реконструкции промышленных территорий.

1) «Метод интеграции» представляет собой врезку дополнительных элементов и структур в существующие конструкции здания. Этот метод позволяет создать на основе старого здания совершенно иную объемно-пространственную композицию благодаря появлению новых или усилению нынешних доминант, а также пристройке современной входной группы или новых лестниц (например, эвакуационных) и др. Для этого же используются разного рода выносные конструкции, которые позволяют усилить композицию фасада и связать его с окружением.

Отличным примером такого подхода является истори-

ческий квартал Ротермани в городе Таллинн. Здесь на бывших производственных территориях (лесопильное производство, водочный завод, фабрики по производству шерсти, льна, фарфора и т.д.) с помощью специалистов по сохранению исторического наследия, меценатов, архитекторов и дизайнеров возник самый популярный в Прибалтике культурно-деловой квартал. В этом районе есть место для работы, шопинга, еды и отдыха. Здесь происходят интересные мероприятия, в которых могут принять участие все желающие. Старый промышленный квартал полноценно используется благодаря творческому подходу его создателей и арендаторов. Современная архитектура гармонично входит в это пространство, добавляя новые функции и оригинальный облик (Рис. 6).

2) «Редизайн» – метод, позволяющий создавать своего рода композиции из отдельных вставок или накладок, изменяя плоскостную пластику фасадов. Такие накладные элементы могут быть самыми разнообразными по материалам, цвету, фактуре. В этом случае они же должны появиться и на окружающих зданиях, связывая их с заводом и повышая уровень архитектурно-художественных качеств [2].

Исходя из этого можно утверждать, что выбранный при проектировании метод реконструкции фасадов завода может оказать значительное влияние как на внешний облик самого здания завода, так и на его окружение. Следовательно, уже на этапе эскиза необходимо рассматривать каждый из перечисленных методов реконструкции для большего охвата возможных вариантов решений фасадов. Но нельзя забывать, что особенности промышленной архитектуры и ее узнаваемость являются неоспоримым плюсом, который разнообразит и оживляет архитектуру города.

В ходе проделанной аналитической работы были выявлены основные подходы к ревитализации постиндустриальных объектов. Задача процесса реновации не подразумевает консервативного подхода в отношении памятников архитектуры. Был выбран более гибкий метод, ведущий к интеграции бывших индустриальных территорий с постоянно развивающейся архитектурной средой, показаны новые возможности старой формы зданий посредством расширения функций архитектурных

^ Рис. 8. Проектная схема функционального зонирования (автор В. Н. Хорхоткина)

^ Рис. 9. Транспортно-пешеходная схема (автор В. Н. Хорхоткина)

объектов, добавления востребованных современных видов деятельности.

При проектировании Центра использовались все преимущества составляющих городской район элементов для получения нового качественного пространства, где будет создана среда, повышающая интерес жителей к выбранной для проекта местности и развивающая территорию Батарейной площади (Рис. 7).

Для достижения заданной цели были выполнены следующие задачи проектирования:

- 1) Архитектурно-планировочное обоснование структуры территории центра, его прибрежных зон, особенностей функционального зонирования (Рис. 8).
- 2) Создана сетка пешеходных путей, которая будет пронизывать всю проектируемую территорию (Рис. 9).
- 3) Определена тематическая направленность для всей территории центра, для размещения открытых и закрытых площадок, объектов общественного назначения.
- 4) Обеспечена доступность проектируемой территории для разных категорий граждан, включая маломобильные группы.

Основная концепция проекта заключается в следующем: разработанная новая планировочная структура «Центра современного искусства» обеспечит многофункциональное использование территории в его непосредственной близости к административно-культурному центру города Улан-Удэ. Таким образом, территория станет полиструктурой, состоящей из равноправных элементов различных функций: выставочных залов и площадок, досуга, культуры, образования, мест культурно-массовых мероприятий и отдыха.

В основе проекта лежит создание комфортной, максимально доступной, светлой и информационно наполненной среды для человека. Проектирование включает в себя организацию выставочных пространств на открытом воздухе, благоустройства набережной, зоны массовых мероприятий, велосипедных дорожек, пешеходной зоны, систем освещения и мест разнообразного отдыха. Для сохранения истории и «духа места» существующее композиционное ядро объекта остается максимально открытым для восприятия со стороны реки и холма горы Батарейная.

v Рис.10 Вход в цокольный этаж торгового здания в районе Ротерманны. Эксплуатируемая крыша используется как пешеходная зона и площадка для отдыха

^ Рис.11. Ограждение уличного кафе в центре пешеходной части квартала

^ Рис.12. Пешеходная улица в районе Ротермани. В результате реновации мучного склада, крупной мельницы, столярной мастерской строения получили новую жизнь, а старые конструкции заводских цехов служат декором улиц и фасадов зданий

v Рис.13. Здание торгово-офисного центра. В проекте редевелопмента принимали участие архитектурные бюро Kosmos (Михкель Тьюр, Виллем Томисте, Отть Кадарик), KOKO Arhitektid (Андрус Кырсаар, Райво Котов), Alver Arhitektid (Андрес Альвер, Индрек Рюнкла), Teigar Sova Arhitektid (Вахур Сова), HG Arhitektuur (Ханно Гроссмиidt, Томоми Хаяши) и Emil Urbeli Arhitektuuribüroo.

Новое место притяжения жителей и гостей города будет обеспечено многофункциональной структурой Центра. Разнообразная культурно-образовательная, коммерческая и жилая составляющие памятника архитектуры не только явятся важным вкладом в формирование благоприятного социального и культурного климата в городе, но и позволят интегрировать здания и территорию ликеро-водочного завода в существующий контекст, выявляя новые возможности старой формы. Этому значению соответствует предполагаемое использование бывших заводских территорий согласно плану развития города Улан-Удэ.

Включение новой благоустроенной набережной в проект реконструкции промышленных территорий добавит столице Республики Бурятия новые общественные пространства. По проектному плану Набережная Уды должна быть удобна и безопасна для всех категорий населения, снабжена велосипедными и пешеходными дорожками, лестницами и пандусами. В строительстве предполагается использовать экологически чистые материалы, не наносящие вреда окружающей среде и обладающие высокими эксплуатационными характеристиками (Рис. 9).

Расчетная площадь Центра современного искусства на территории ликеро-водочного завода в г. Улан-Удэ составляет 3,514 гектара. Площадь выставочного павильона 1153 м². Площадь дополнительного выставочного павильона 110 м².

Благодаря проекту реновации промышленной территории появится возможность раскрыть функциональный и рентабельный потенциал участка. Создание образовательных площадок, мест для проведения культурно-массовых мероприятий и концертов, мастерских декоративно-прикладного искусства, выставочных пространств позволит перейти на новый уровень культурного развития города, привлечь туристов, улучшить качество жизни жителей г. Улан-Удэ. Бывшие заброшенные территории, находясь под контролем, перестанут быть депрессивными и потенциальными источниками роста преступности; ведь «упорядоченная и чистая окружающая среда посылает сигнал, что она является местом, которое контролируется, люди здесь соответствуют общим нормам поведения» [3]. Реконструкция промышленных зданий и сооружений

№ п/п	Наименование показателей Значения (после реставрации)	Значения (до реставрации)	
1	Общая площадь территории	3,514 га	3,514 га
2	Объекты культуры (реставрация зданий)	0	12980 м ²
3	Административные здания (реставрация зданий)	1840 м ²	3870 м ²
4	Жилые здания	1020 м ²	1020 м ²
5	Промышленные объекты	11827 м ²	0
6	Складские помещения	2040 м ²	470 м ²
7	Покрытие тротуарной плиткой	0	7052 м ²
8	Покрытие асфальтобетонное	12100 м ²	2968 м ²
9	Покрытие из щебня	2103 м ²	0
10	Озеленение	4210 м ²	6780 м ²
11	Малые архитектурные формы	46 м ²	310 м ²
	Инженерные сети		
12	Сети энергоснабжения	0,1	0,2
13	Сети водоснабжения	0,1	0,2
14	Сети водоотведения	0,1	0,2
15	Сети теплоснабжения	0,1	0,2
16	Общая стоимость строительства (в т. ч. строительно-монтажные работ	64668,16 тыс. руб.	

< Приложение А.
Технико-экономические
показатели
Таблица 1.
Технико-экономические
показатели

дает возможность эффективно контролировать развитие пространственной среды, препятствует накоплению и росту необратимых, хаотичных процессов внутри самой системы города.

Главные цели предложенного проекта – использовать промышленную территорию для экономического, социального и культурного развития, включить объект в урбанистическую ткань, создать другую идеологию пространства, чтобы место воспринималось, как функциональная часть города. Особенностью промышленных сооружений является их многофункциональность, а использование пустующих помещений под мастерские, офисы, выставочные площадки для культурных мероприятий и социальных проектов не только открывают двери пустых зданий, но и участвуют в демократизации городского планирования. Промзоны перестают быть препятствием, а связность городской ткани повышает качество городской жизни.

Литература

1. Гурьянов В. К., Гурьянов М. В. Верхнеудинск XVII–XX века: Улицы, городские усадьбы и их обитатели. – Улан-Удэ, 2012. – 224 с. : ил.
2. Ушкин Д. И., Конева Е. В. (научный руководитель). Принципы реконструкции промышленной застройки второй половины XX века в сложившейся городской среде г. Екатеринбурга // Архитектон: известия вузов. – 2005. – № 10 (июль)
3. James Q. Wilson, George L. Kelling. / Джеймс К. Вильсон, Джордж Л. Келлинг. Broken windows. // The Atlantic Monthly. – 1982. – March
4. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1983. – 248 с.

References

- Guryanov, V. K., & Guryanov, M. V. (2012). Verkhneudinsk XVII-XX veka: Ulitsy, gorodskie usad'by i ikh obitateli [Verkhneudinsk of the XVII-XX centuries: Streets, town mansions and their residents]. Ulan-Ude.
- James Q. Wilson, & George L. Kelling. (March 1982). Broken windows. The Atlantic Monthly.
- Minert, L. K. (1983). Arkhitektura Ulan-Ude [Architecture of Ulan-Ude]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Ushkin, D. I., & Koneva, E. V. (scientific supervisor). (2005). Printsipy rekonstruktsii promyshlennoy zastroyki vtoroi poloviny XX veka v slozhivsheysya gorodskoi srede g. Ekaterinburga [The principles of reconstruction of the industrial area of the second half of the XX century in the existing urban environment in Yekaterinburg]. Arkhitekton: izvestiya vuzov, 10.

в Рис.14. Многофункциональное здание в «кирпичном стиле» с торговыми площадями, подземной парковкой и атриумом на центральной площади Ротерманни

Презентируется проект реновации территории бывшего сереброплавильного завода (спичечной фабрики) в Барнауле. Описывается история завода. Предлагается концепция организации музейно-выставочного комплекса как органической части туристско-рекреационного кластера.

Ключевые слова: Барнаул; реновация; сереброплавильный завод; фестиваль «ФАБРИКАЗАВОД»; музеефикация; развитие территории; дизайн-код; история. /

The article presents a renovation project for the territory of the former silver smelting works (match factory) in Barnaul. The history of the works is given together with the proposed concept of the museum and exhibition complex as an integral part of the tourist-recreational cluster.

Keywords: Barnaul; renovation; silver smelting works; FABRIKAZAVOD Festival; museumification; development of the territory; design code; history. /

ФАБРИКАЗАВОД

Концепция реновации территории бывшего барнаульского сереброплавильного завода /

текст

Александр Деринг
Иван Быков /
text
Alexander Dering
Ivan Bykov

Предисловие

Мы начали разрабатывать концепцию реновации территории бывшего барнаульского сереброплавильного завода в 2016 году. Основой для этого послужил первый фестиваль ФАБРИКАЗАВОД, который мы организовали на его территории. Этому предшествовал год работы волонтерского движения «Субботники на Спичке» по сохранению этого уникального памятника русской промышленной архитектуры XVIII–XIX веков. Субботники продолжаются по сей день. Проект реновации получил премии на сибирских архитектурных фестивалях – «Золотая Капитель» (диплом экспертов) и «Зодчество Восточной Сибири» в Красноярске (Серебряный диплом). Они дали импульс второму фестивалю ФАБРИКАЗАВОД в 2017 году. В июне 2016 года проект был представлен на культурном форуме в г. Байройт (Германия) и вызвал там неподдельный интерес, так как история этого завода тесно связана с работой там многих немецких специалистов из Саксонии.

Барнаульский сереброплавильный завод. От XVIII века до наших дней

Нам в наследство досталось самое ценное, что есть в Барнауле – территория, откуда начинался город. Когда

мы начали заниматься этим местом, изучать его историю, перед нами стала проплывать бесконечная череда людей, пришедших сюда из Тобольска, Германии, окрестных деревень, с Урала. Это рудознаты, горные инженеры, крепостные рабочие, архитекторы и строители.

Город-завод, город-фабрика

Все началось с плотины. Она была грандиозной – 500 м в длину и 26 м по верхнему уступу. Часть плотины сохранилась до наших дней. Застройка всего комплекса заводских сооружений велась в соответствии с разработанными генеральным планом технологическими требованиями.

Комплекс фабрики-завода является частью большого пространственного ансамбля, объединяющего Демидовскую площадь, сам завод и... кладбище (ныне – парк). Визуально все они были связаны с вертикальными акцентами колоколен главных церквей города. Уникальность территории в том, что на ней сохранились основные объекты ансамбля.

После закрытия в 1993 году спичечной фабрики территория находится в запущенном состоянии. Памятник культурного наследия приходит в упадок. Целью нашей

авторский коллектив

А. Ф. Деринг
(руководитель),
И. А. Быков

экспликация

1. 1-я Плавильная фабрика
2. 2-я Плавильная фабрика
3. Важня
4. Обжигательная фабрика
5. Кузница
6. Плотина

Постройки, подлежащие сносу

Воссоздаваемые памятники культурного наследия и вновь возводимые

Wir erbt ein Wertvollste, was in Barnaul. Das Gebiet, wo die Stadt begann. Wenn wir diesen Ort, begannen seine Geschichte zu lernen, vor uns begannen endlose Reihe von Menschen zu schwimmen, die vom Ural hierher kamen, Tobolsk, Deutschland, aus den umliegenden Dörfern.

Es rudoznatstsy, Bergbauingenieure, Stadtarbeiter, Architekten und Bauherren.

Stadt Pflanze, die Stadt-Fabrik.

Es begann alles mit dem Damm. Sie war ehrgeizig - 500 m lang und 26 m auf der oberen Leiste.

Ein Teil des Staudamms bis heute erhalten. Der Bau des gesamten Komplexes Fabrikgebäude wurde in Übereinstimmung mit dem Masterplan von den technologischen Anforderungen konzipiert durchgeführt.

Komplex-Anlage Fabrik ist Teil eines größeren räumlichen Ensembles seinen Demidov Bereich kombiniert, die Pflanze selbst, und ... Friedhof (jetzt Park). Optisch waren sie alle mit vertikalen Akzenten der wichtigsten Kirchen der Stadt Glocke verbunden

Die Einzigartigkeit des Gebietes, die auf ihre Hauptaufgaben des Ensembles blieb.

Das Ziel unserer Arbeit ist die Erstellung von Projektkonzeption Entwicklung des Gebiets, seine Aufnahme in der aktiven Phase des Lebens der Stadt. Nach 1993 Schließung Spiel Fabrikgelände ist in einem Zustand der Verwahrlosung des kulturellen Erbes Denkmals im Niedergang begriffen ist.

Die Grundidee des Konzepts.

1. Erstellung des Territoriums der Pflanze Fabrik kreativen Raum, der den

Zweck der Erhaltung des kulturellen Erbes, Restaurierung und Rekonstruktion des Ensembles und die Bildung auf ihrer Grundlage ein attraktives Kultur- und Entertainment-Komplex vereint.

Nach Ansicht der Autoren wird das Erscheinungsbild dieses Raumes einen echten Punkt des Wachstums des gesamten historischen Zentrums sein, die Entwicklung der laufenden in der letzten Kreis zu fördern.

2. Unser Projekt steht nicht im Widerspruch mit einem zuvor entwickelten Projekt von Tourist-Freizeit-Cluster „Barnaul - die Bergbaustadt“, und es ist die Entwicklung und Verfeinerung der erfolgreichen in der wirtschaftlichen Komponente.

Erde.

Das gesamte Gebiet der Anlage über dem historische Fabrikmarke auf der Zeit des späten neunzehnten Jahrhunderts. bei 1,2-1,5 m. Dies führte zu der Tatsache, dass die Gebäude mit Erde bedeckt werden, werden ihre Proportionen verzerrt, ist die Zerstörung des Kellers Teil der Außenwände. Wir bieten den unteren Boden der historischen Marke.

Building.

Alle Gebäude auf dem Territorium aufgeteilt auf das kulturelle Erbe und Replika. Das Projekt umfasst den Abriss aller Remakes, die zu einer Verzerrung der „richtige Wahrnehmung“ ensemble geführt haben. Ein Teil des kulturellen Erbes müssen neu erstellt werden.

Sicherheitszone.

Es ist notwendig, das Projekt der Schutzzonen des Komplexes durchzuführen. Dadurch werden die Regeln des Gebäudes, einschließlich

FABRIKAZAVOD

The Renovation Concept for the Territory of the Former Silver Smelting Works in Barnaul

работы является создание проекта-концепции развития всей территории, включение ее в активную жизнь города.

Основные идеи концепции

1. Создание на территории фабрики-завода креативного пространства, объединяющего цели сохранения культурного наследия (реставрацию и воссоздание ансамбля) и формирование на его основе привлекательного культурно-развлекательного комплекса.

По замыслу авторов, появление такого пространства будет являться настоящей точкой роста всего исторического центра, способствовать развитию этого запущенного в последнее время района города.

2. Наш проект не противоречит разработанному ранее проекту туристско-рекреационного кластера «Барнаул – горнозаводской город», а является его развитием и уточнением в отношении более успешной экономической составляющей.

Земля

Вся территория фабрики-завода находится выше исторической отметки конца XIX в. на 1,2–1,5 м. Это привело к тому, что здания засыпаны землей, искажены их пропорции, происходит разрушение цокольной части наружных

стен. Мы предлагаем понизить уровень земли до исторической отметки.

Здания

На территории находятся как памятники культурного наследия, так и новоделы. В проекте предполагается снос всех новоделов, приведших к искажению «правильного восприятия» ансамбля. Часть памятников культуры необходимо воссоздать.

Охранная зона

Необходимо выполнить проект зон охраны всего комплекса. Это создаст регламент застройки (в том числе новой), покажет наиболее выгодные точки восприятия.

Новая застройка и приспособление памятника культурного наследия

Новая застройка необходима для успешной эксплуатации комплекса. Ее архитектура не должна копировать подлинные памятники культурного наследия, а деликатно вступать с ними в диалог. Новая застройка должна по масштабу соответствовать предложенному в регламенте охранных зон и иметь удобный, дискретный характер. Предлагается вынести новую коммерческую застройку за пределы зоны охраны и сформировать ее в виде улицы,

einer neuen schaffen, zeigen die vorteilhaftesten Punkt der Wahrnehmung. Neue Entwicklung und Anpassung eines Denkmals des kulturellen Erbes. Das neue Gebäude ist für den erfolgreichen Betrieb der Anlage benötigt. seine Architektur sollten die ursprünglichen Denkmäler des kulturellen Erbes nicht „kopieren“, und sich sanft in den Dialog mit ihnen. Die Skala der neuen Gebäude müssen mit den vorgeschlagenen Regelungen in geschützten Bereichen entsprechen und komfortabel, diskreten Charakter tragen. Es wird vorgeschlagen, eine neue kommerzielle Entwicklung außerhalb der Schutzzone zu machen und es in Form von Straßen zu schaffen, erinnert an das existierte einmal auf dem Gelände seiner Konstruktion.

Dam und hölzerne Festung. Der erhaltene Teil des Damms und seine Stärkung im Jahr 1793 ist notwendig und muzeefitsirovat zu stärken. Wir schlagen vor, ein Vordach, sie zu schützen.

Wir möchten, dass die Erinnerung an den ersten Holzbauten der Pflanze erhalten. Zu diesem Zweck schlagen wir ähnlich zwei befestigte Türme neu zu erstellen. Diese einzigartigen Kunstobjekte, bequem für touristische Zwecke, unverwechselbare Markierungen im Navigationssystem.

Informationszentren und Ausstellung Altai Mineralien aus der Sammlung des Museums für Stein.

Das Projekt schlägt den Bau von zwei Informationszentren. Die erste - „infobox“, am Eingang in das Gebiet, nicht weit von der ersten Schmelzfabrik. Gemäß der Hauptachse des Komplexes. Diese kurze Bautechnologie erfüllt den Zweck Informationen über die Geschichte des Projektes, den Kauf von

Souvenirs und Druckprodukten zu erhalten. Das Hauptinformationszentrum wird in einem renovierten Gebäude befindet, ist wichtig. Entlang der Hauptweg Altai einzigartige Proben von Mineralien entfernt und Erzen. In einem der Gebäude der Ausstellung des Museums of Stone.

Phasen des Projekts.

Sollte ein Phasing des Projektkonzepts, wirtschaftliche Entwicklungsmodell entwickeln.

Entwickeln und das Projekt in der Pufferzone genehmigen.

Entwicklung und das Sanierungsprojekt genehmigen, das Konzept des Territoriums BSPZ.

Entwicklung und Einführung eines Arbeitsentwurf der Wiederherstellung der wichtigsten Objekte des kulturellen Erbes zu genehmigen.

OKN Projekt Werkzeuge für neue Zwecke in Übereinstimmung mit dem Design-Konzept zu entwickeln.

Wichtig.

Die wichtigen Gebäude werden vorgeschlagen für den Tourismus der Region Altai das Hauptinformationszentrum zu platzieren.

Schmieden.

Hotel mit 10 Zimmern im Stil von 18-19 Jahrhunderten mit dem aktuellen Schmortopf.

Die zweite Schmelz Fabrik.

Fortsetzung des Museums, die Galerie der Bergbaubeamten, Geschichte gen Zündholzfabrik. Exposure Uniformen Bergbau Offiziere. Souvenir Zone - Freizeit Bergbeamte. Kunstgalerie von Barnaul und Zeichnungen Ausstellung.

напоминающей когда-то существовавшую на ее месте застройку.

Плотина и деревянная крепость

Сохранившаяся часть плотины и ее укрепление 1793 года необходимо музеефицировать и укрепить. Мы предлагаем защитить ее навесом.

Хотелось бы сохранить память о первых деревянных сооружениях завода. Для этого мы предлагаем воссоздать две крепостные башни по аналогии с утраченными. Это своеобразные арт-объекты, удобные для туристических целей, своеобразные маркеры в системе навигации.

Информационные центры и экспозиции алтайских минералов из коллекции музея «Мир камня»

Проект предлагает строительство двух информационных центров. Первый – «инфобокс», расположенный при входе на территорию, недалеко от Первой плавильной фабрики и находящийся по основной оси комплекса. Это лаконичное сооружение технологически выполняет задачу получения информации об истории, реализации проекта, покупку сувенирной и печатной продукции. Основной информационный центр планируется разместить в отреставрированном сооружении Важни. Вдоль главной аллеи предполагается расположить уникальные

образцы алтайских минералов и руд, в одном из зданий разместить экспозицию музея «Мир камня».

Этапы реализации проекта (Дорожная карта)

Следует конкретизировать поэтапную реализацию проекта-концепции, экономическую модель развития.

– Разработать и утвердить Проект зоны охраны территории.

– Разработать и утвердить Проект-концепцию реновации территории БСПЗ.

– Разработать и утвердить рабочий проект реставрации основных объектов культурного наследия.

– Разработать проект приспособления ОКН для новых целей в соответствии с проектом-концепцией.

Важня

В здании Важни предлагается разместить главный информационный центр по туризму Алтайского края.

Кузница

Гостиница на 10 номеров в стиле XVIII–XIX веков с действующей голландской печкой.

Вторая плавильная фабрика

Продолжение музейной части: галерея горных офицеров, история спичечной фабрики. Экспозиция мундиров горных офицеров. Сувенирная зона – досуг горных офицеров. Картинная галерея Барнаула и экспозиция чертежей. Инсталляция сереброплавильной фабрики, букинистический магазин с кофейней, литературное кафе. На правобережной территории должны расположиться действующий макет мельницы, действующая экспозиция отмывки золота.

Обжигательная фабрика

Ремесленные мастерские: кузнечное дело, гончарное, литейное, столярки краснодеревщиков, ателье по пошиву старинных костюмов, реконструкторы, мастерские декоративно-прикладных искусств, мастерские художников, каллиграфия, мастерские по резьбе, ювелирные мастерские, ткачи, кожеделы, камнерезы, мастерская гербовых штампов и книжных переплетов. В центральной части – галерея для проведения мастер-классов и действующая ярмарка.

Die Installation der Silberfabrik, verwendet Buchhandlung mit einem Café, einem literarischen Café. Schmiedekunst, Keramik, Gießerei, Holzschrank, Unternehmen, so dass die alten Kostüme, Reenactor, Workshops, Kunsthandwerk, Künstlerwerkstätten, Kalligraphie-Workshops: Auf der rechten Uferbereiche sollte das aktuelle Layout der Mühle, eine Ausstellung von Wasch zolota. Obzhigatel'naya fabrika. Remeslennyye Werkstätten aufnehmen für Schnitzereien, Schmuckwerkstätten, Weber, kozhedely, Steinmetze, mastrskaya stempel und Bucheinbänden. Im zentralen Teil - der Galerie Meisterklassen und Handeln yarmarka. Kontora (Plant Management) .In dem Bürogebäude führen wird vorgeschlagen, ein Restaurant mit einer Inneneinrichtung im Stil der 18-19 Jahrhunderte zu platzieren. mit deutscher Küche und Brauerei. Die Küche des Restaurant hat in einem Café am Wasser zu arbeiten. Der Bau der ersten Schmelzfabrik. In der Lobby des zentralen Teils, im Atrium wird mit dem aktuellen Layout der Dampfmaschine, die Galerie der berühmt Leute Bücher, Souvenirbereich, Außenbereich des Museums sein, der die Fabrik besucht hat. Das Recht des Haupteingang des Museums und einen Konferenzraum. Left Food-Court und einen Kammersaal für Feste, Veranstaltung Veranstaltungen (Hochzeiten, den Registrar zu besuchen), n-p Demidov Ball. In der Nähe von Platz für eine Werkstatt auf dem Vintage-Kleid zu schaffen, ein Geschäft, Interior Design Studio „18“ und die Tanzhallen, die Ballettschule. Die Lobby soll Spielereignisse durchzuführen, Festivals und Konzerte, Messen, Flohmärkte, Flohmärkte, Kunstausstellungen. Hinter dem Gebäude befindet sich ein Spielplatz für den Sommer kinoteatra. Derevyannaya prepost.V die Anfang des 18. Jahrhunderts Fabrikgelände durch Wände

mit Holz Wachtürme eingezäunt wurde. Wir bieten neu teilweise die Wände mit Türmen und einen Stall mit einer Scheune. Sie können Museum der 18-19 Jahrhunderte befinden. Diese einzigartigen Kunstobjekte, bequem für touristische Zwecke, unverwechselbarer Marker im System navigatsii. Plotina. Sohranivshuyusya Teil des Dammes und seine Stärkung im Jahr 1793 sind notwendig, zu stärken und muzeeffitsirovat. Wir schlagen vor, ein Vordach, sie zu schützen. Baldachin Silhouette ähnelt dem Umriss von Schmelzöfen. Plattform am oberen und unteren Rand des Dammes verbessert und die notwendigen Informationen über das Design zur Verfügung gestellt. Es bietet Nacht osveschenie. TRK „Silver City“ .Vo neu errichteten Einkaufszentrum soll die Fachhandelsmarkenprodukte Altai-Hersteller platzieren, Hotel / Hostel, ein Café mit einer Mini-Bäckereien, Süßwaren, Kindern Süßigkeiten Geschäfte mit Produkten und Altai „Silver Wasser“. Juweliergeschäft „Club Silver Liebhaber Apotheke der organischen Pharmazeutika und Kosmetika (in der Geschichte der“ Mountain Apotheke „). Die Fläche der Silberfabrik hält die Erinnerung an den ersten Siedlern, Prospektoren und Damm Handwerker aus dem Ural, Hörigen, Bergbau Offizieren und, natürlich, über Ivan Zu und seine Dampfmaschine. Auf dem Gebiet gibt es mehr als 50 Arten von Pflanzen, von denen die meisten überall in der vstrechaetsya. Nasha Aufgabe Stadt - die Pflanzen zu halten und sie für die Landschaftsgestaltung verwendet werden. Um eine einzigartige Atmosphäre zu schaffen, wird vorgeschlagen, Elemente der Inszenierung Kostümbuchstaben zu verwenden. Neue Gebäude sollten eine besondere Design mit Abfallschlüssel basierend auf lokale Design und Farbmustern folgen.

Контора (Заводуправление)

В здании конторы предлагается разместить ресторан с интерьерами в стиле XVIII–XIX веков с немецкой кухней и пивоварней. Кухня ресторана должна обслуживать летние кафе на набережной.

Здание первой плавильной фабрики

В холле центральной части, в атриуме, будут книжные, сувенирные зоны, открытая площадка музейной части с действующим макетом паровой машины, галерея известных людей, побывавших на заводе. Вправо от центрального входа – музей и конференц-зал. Влево – фуд-корт и камерный зал для торжественных, событийных мероприятий (свадьбы, выездной ЗАГС, Демидовский бал). Рядом будут предусмотрены помещения для мастерской по старинному платью, фотоателье, интерьерной студии «18» и танцевальные залы балетной школы. В холле предполагается проводить ивенты, фестивали, концерты, ярмарки, гаражные распродажи, блошинные рынки, арт-выставки. За зданием будут расположены площадки для летнего кинотеатра.

Деревянная крепость

В начале XVIII века территория завода была огорожена деревянными крепостными стенами со сторожевыми башнями. Мы предлагаем частично воссоздать стены с башнями и конюшню с амбаром. В них может располагаться музей быта XVIII–XIX веков. Это будут своеобразные арт-объекты, удобные для туристических целей, своеобразные маркеры в системе навигации.

Плотина

Сохранившуюся часть плотины и ее укрепление 1793 года необходимо музеефицировать и укрепить. Предлагается защитить ее навесом. Силуэт навеса напоминает очертания плавильных печей. Площадки в верхней и нижней частях Плотины благоустраиваются и снабжаются необходимой информацией о ее конструкции. Предусматривается ночное освещение.

ТРК «Серебряный город»

Во вновь возводимом торгово-развлекательном комплексе предполагается разместить специализированную торговлю фирменной продукцией алтайских произво-

дителей, гостиницу/хостел, кафе с мини-пекарнями, кондитерские, продажу детских сладостей, магазины с алтайскими продуктами и «Серебряной водой», ювелирный магазин «Клуб любителей серебра», аптеку органических фармпрепаратов и косметики (из истории «Горной аптеки»).

Территория сереброплавильного завода хранит память о первых поселенцах, рудознатцах и плотинных дел мастерах с Урала, крепостных крестьянах, горных офицерах и, конечно, об Иване Ползунове и его паровой машине. На его территории произрастает более 50 видов растений, большая часть из которых нигде в городе не встречается.

Наша задача – сохранить эти растения и использовать их для ландшафтного дизайна. Для создания своеобразной атмосферы предлагается использовать элементы театраллизации с костюмированными персонажами. Новые строения должны следовать своеобразному дизайн-коду с отработанными на основе местных образцов паттернами и цветом.

Описывается история формирования индустриальных зон в планировочной структуре города от становления Иркутска до нашего времени. Рассматриваются основные факторы, определившие размещение предприятий на тех или иных городских территориях, а также процессы влияния производственной функции на развитие и трансформацию города.

Ключевые слова: промышленные предприятия; интеграция; градостроительная история Иркутска; генеральный план Иркутска; планировочная структура города. /

The article covers the history of formation of industrial areas in the urban fabric, from foundation of Irkutsk to the present time. It reviews the key factors that defined allocation of enterprises in certain areas, as well as the influence of the production function on the city development and transformation.

Keywords: industrial enterprises; integration; Irkutsk's town-planning history; masterplan of Irkutsk; urban fabric.

Из истории. Влияние промышленных территорий на структуру городской ткани /

Текст, графический материал
Валентина Казакова /
 text,
 graphics
 Valentina Kazakova

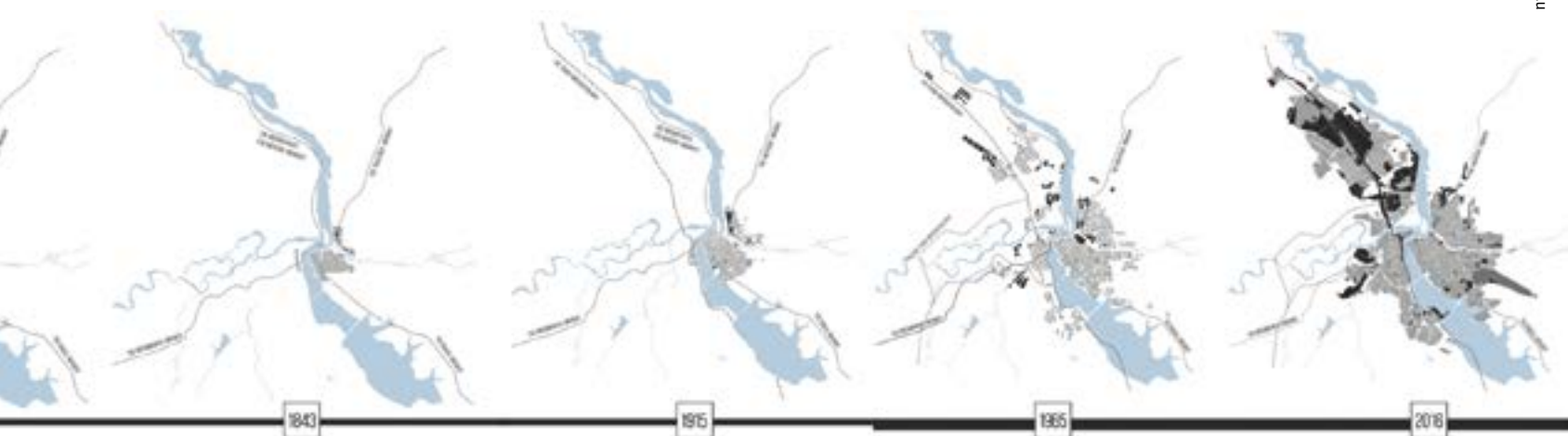
История развития производственной функции в Иркутске начинается в конце XVII века с формированием посада. Усиление административных функций в регионе и развитие новых видов деятельности требовали свободных незастроенных территорий и расширения города. Новая застройка вытягивалась в идинском направлении (Ида – ныне река Ушаковка), где береговая линия была менее подвержена затоплению, нежели прибрежные территории Ангары. Развитию этой части города содействовало и то, что здесь находилась переправа через Ангару, соединявшая город с Московским трактом, а также выход к берегу реки Иды, где «енисейский посадский человек Ивашка Ушаков построил мельницу» [1]. Здесь же стали появляться кустарные предприятия различного типа, склады и ремесленные мастерские. Кроме того, в конце XVIII века в целях санитарной и пожарной безопасности промышленные заведения, располагавшиеся ранее в центре города, были перенесены за Ушаковку и выстроились от Знаменского монастыря вверх по течению реки [3]. Формирование жилых зон вблизи производственных привело к появлению новых рабочих районов – Знаменского и Рабочего предместий. В соответствии с новым генеральным планом, в Знаменском предместье под промышленные предприятия отводились значительные по размерам кварталы неправильной формы площадью от 6 до 12 га. Территория же ремесленной слободы, сформированная как рабочий жилой район, делилась на небольшие кварталы в виде регулярного массива, вытянутого вдоль берега реки Ушаковки [2].

Крупные промышленники и ремесленники размещают свои предприятия и дома в наиболее благоприятных и удобных в градостроительном отношении кварталах, требующих минимальных затрат на благоустройство прилегающих улиц и общественных пространств. В результате застройка города приобретает деструктурированный характер. Тот период не отмечен созданием характерных для городских застроенных территорий архитектурных законченных ансамблей, гармоничных в пространственно-планировочном смысле.

В начале XIX века в связи с освоением Кругобайкальского пути застраивается левый берег Ангары – Глазковское предместье; начинает стремительно формироваться периферия города.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали стало переломным моментом в развитии экономики региона и города, что повлекло за собой появление железнодорожных депо, механических мастерских, оживление угледобывающей и лесной промышленности, а также производства строительных материалов. На полуострове Затон разместились ремонтные предприятия, сортировочные пути и склады железной дороги. Стоит отметить, что некоторые мастерские, склады и различные железнодорожные службы, располагавшиеся в непосредственной близости от железнодорожных путей, со временем перерастали в промышленные предприятия, что было связано с удобным транспортным сообщением и отсутствием дополнительных затрат на освоение новой территории.

Прокладка трактов и магистралей федерального значения формирует Иркутск как товарораспределительный и промышленный центр региона. Однако отсутствие представления о перспективном планировочном развитии города и зонировании его территории вызвало трудности в размещении новых производств. Недостаточный опыт в разработке комплексных планировочных схем для промышленных районов, слабая геологическая и микроклиматическая изученность районов освоения, сжатые сроки плана индустриализации и быстрота освоения промышленных площадок предопределили выборочное решение градостроительных задач. Сложившаяся градостроительная ситуация в Иркутске сопровождалась рядом проблем. В начале XX века осваивались наиболее благоприятные городские территории в границах ландшафтных образований за пределами правобережного компактного массива и на транспортных путях левобережной части. Пристанционные поселения, разделенные речными поймами, имели нерегулярные транспортные связи с остальными городскими территориями. Расчлененность пригодных для нового строительства и размещения производственных предприятий территорий и пространственная изоляция от акваторий Ангары, Иркуты, Ушаковки, с заболоченностью и подтопляемыми береговыми территориями, требовали значительных капитальных затрат на инженерную подготовку и транспортное оснащение города, что не могло быть реализовано за столь короткий восстановительный период [2]. Таким

^ Схемы эволюции развития города, размещения и формирования производственных территорий на основе исторических планов

Glimpses of History. Influence of Industrial Areas on the Urban Fabric

образом, размещение новых производств и жилой застройки в границах существующих освоенных территорий носило стихийный характер.

Следствием сложившейся градостроительной ситуации стало, например, размещение первенца иркутского машиностроения – завода им. В. В. Куйбышева в историческом центре Иркутска, на береговой террасе реки Ушаковки, на месте обозных мастерских и Интендантского сада – крупнейшего паркового комплекса города. Изоляция предприятия с большим грузооборотом от железнодорожных путей сделала необходимой прокладку узкоколейной ветки. Прочие крупные промышленные предприятия обосновались вдоль железной дороги, в левобережной части Иркутска. Вблизи железнодорожной станции Иннокентьевская из небольшого поселения, обслуживающего станцию, формируется новый рабочий район (ныне Ленинский район), уже на базе авиационного завода. Расположенное неподалеку монастырское село Жилкино (где ранее располагался Вознесенский монастырь), обжитое еще в XVIII веке и застроенное малоэтажными деревянными домами, с развитием индустрии в постреволюционный период разрастается. Благоприятные условия – акватория с одной стороны и железнодорожные пути с другой – служат формированию крупного промышленного района с предприятиями пищевой промышленности (мелькомбинат, мясокомбинат, комбикормовый), а также мыловаренным заводом и более мелкими производствами. В историческом промышленном узле, за рекой Ушаковкой, продолжают развиваться новые производства, а у начала Якутского тракта концентрируются складские объекты и автохозяйства, занимающиеся перевозкой грузов на север. Базу для развития Свердловского района у железнодорожной станции Иркутск–I на левом берегу Ангары составили железная дорога и связанные с ней предприятия, склады и службы, а также новые и реконструированные производственные предприятия [2].

В период Великой Отечественной войны производство на предприятиях увеличилось, что стало причиной строительства новых цехов и реконструкции существующих строений, расширения промышленных территорий. Эвакуация промышленных объектов из западных районов страны (Старокраматорский машиностроительный завод, Московский авиационный завод № 39, патронный завод и

абразивное производство, Смоленская швейная фабрика и иные предприятия легкой промышленности), как на освоенные территории, так и на новые, периферийные, способствовало формированию жилых массивов и развитию транспортных связей. С тех пор в пространственно-планировочной структуре города преобладает слоистость застройки: чередование селитебных и производственных территорий в направлении от исторического центра к городской периферии.

Приобретающий более расчлененную планировочную структуру город (что можно проследить по схемам анализа формирования города) не успевает решать социальные задачи, что приводит к отставанию культурно-бытовых функций в жилых районах, отсутствию благоустройства и озеленения, ликвидированного во время освоения территорий и строительных работ. Бессистемное размещение индустрии на береговых линиях Ангары и Ушаковки привело к вырубке лесных массивов и уничтожению парковых территорий, существовавших в XIX веке. В результате город лишился рекреационных территорий не только в периферийных районах, но и в историческом центре: «пробелами» в зеленом диаметре стали прибрежные территории Ангары (Чаеразвесочная фабрика, ТЭЦ-2) и Ушаковки (Завод им. В. В. Куйбышева, складские и авторемонтные объекты вверх по течению реки).

Волна реформ и крах Советского Союза привели к существенному снижению производственных темпов, закрытию предприятий и консервации значительных промышленных территорий одного из крупнейших в прошлом индустриальных центров РСФСР. В настоящее время остро стоит вопрос поиска эффективных организационно-экономических механизмов перемещения промышленных предприятий на периферию города из центральных заселенных районов; создания качественно нового уровня инфраструктурного обеспечения предприятий, повышения экологичности производства (развитие наукоемкого высокотехнологичного производства); разработки стратегии комплексного развития и интеграции бывших промышленных территорий в городскую среду. Кроме того, важно учесть исторические и технологические традиции производственных предприятий и стремиться сохранить уникальное наследие, дошедшее до наших времен.

Литература

1. Централизованная библиотечная система города Иркутска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbsirkutsk.ru>, свободный.
2. Оглы, Б.И. Иркутск: О планировке и архитектуре города / Б. И. Оглы. - Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. – 112 с.
3. Иркутск в панораме веков / Отв. ред. Л.М. Дамешек. - Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2002. – 510 с.

References

- Dameshek, L. M. (Ed.). (2002). *Irkutsk v panorame vekov [Irkutsk through the centuries]*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatelskaya kompaniya.
- Irkutsk Centralized Library System. (n. d.). Retrieved from <http://www.cbsirkutsk.ru>
- Ogly, B. I. (1982). *Irkutsk: o planirovke i arkhitekture goroda [Irkutsk: planning and architecture of the city]*. Irkutsk: Vost.-Sib. Kn. izd-vo.

Рассматриваются процессы реновации бывших промышленных предприятий на территории Иркутска. Описываются примеры конверсии промзон в разных городах Европы и в Москве. Приводятся примеры превращения бывших промышленных предприятий Иркутска в художественные центры. Излагается концепция генплана по превращению бывшей ТЭЦ-2 и чаеразвесочной фабрики в общественное культурное пространство.

Ключевые слова: реновация; конверсия; промышленные предприятия; Москва; Иркутск; трансформация индустриальных пространств; художественные центры и галереи; генплан Иркутска. / **The article features the processes of renovation of the former industrial facilities on the territory of Irkutsk. It provides the examples of conversion of industrial zones in different European cities and in Moscow, as well as the examples of transformation of former industrial facilities of Irkutsk into art centers. The article presents the concept of the master plan for transformation of the former Central Heating and Power Plant-2 and the Tea-Packing Factory into a public cultural space.**

Keywords: renovation; conversion; industrial facilities; Moscow; Irkutsk; transformation of industrial spaces; art centers and galleries; Irkutsk city master plan.

Конверсия промзоны / Conversion of the Industrial Area

текст
Полина Заславская /
text
Polina Zaslavskaya

Бывший завод, бывшая фабрика, территория, на которой когда-то... Что происходит там сейчас? Если посмотреть на спутниковые съемки бывших промзон Иркутска, можно разглядеть основные пешеходные и транспортные оси этих мест. Но проводя полевые исследования, наблюдаешь бесконечные заборы, лабиринты и тупики, не позволяющие пройти территорию насквозь. Территории остаются закрытыми, хотя предназначение их давно изменилось.

В городском генеральном плане 1987 года можно насчитать примерно 70 промышленных предприятий, из которых около 30 – крупные. В 1990-е годы эти предприятия свертывались или ликвидировались, а в сохранившихся после приватизации были нарушены производственные цепи и циклы. Все это время территории дробились, новые собственники обживали их на свой вкус и использовали в своих интересах. Промзоны, в советское время огороженные заборами и изолированные от случайных прохожих единой пропускной системой, постепенно стали включаться в городскую жизнь и приобретать новые смыслы. Но развитию среды мешает прежняя организация пространства и обилие сменяющих друг друга арендаторов, которые не торопятся вкладывать свои ресурсы в благоустройство территории. Ведь благоустройство – это долговременные вложения, нерентабельные в условиях аренды, поэтому проще использовать и слегка обновлять уже существующее. Например, «надевать» новые фасады на старые корпуса цехов.

В общемировой практике подобные площадки уходящего индустриального мира конвертируются в жилье, отели, музеи, рекреации (парки), выставочные площадки и творческие кластеры, офисные и торговые центры.

В современных городах уже существуют яркие образцы конверсии. Хафен-сити в Гамбурге – это жилой район; бывшая портовая зона Амстердама стала примером современной архитектуры Нидерландов; бывшая табачная фабрика в Дрездене Йенице используется как офисное здание с дискотекой в подвале и рестораном под куполом. Бывший пивоваренный завод «Московская Бавария» всем известен как Центр современного искусства Винзавод; на территории завода «Каучук» в Москве разместился жилой комплекс «Садовые квар-

талы»; крупнейшее приборостроительное предприятие Советского Союза завод «Манометр» стал торгово-выставочным центром «Artplay»; предприятие по производству парфюмерной посуды эволюционировало и превратилось в дизайн-завод «Флакон».

В Иркутске осуществляются три основных тенденции. Преобладающим способом конверсии является преобразование промышленных территорий в торговые комплексы. Далее следуют: превращение в бизнес-центры и консервирование на неопределенное время. Все эти варианты использовались как в бывших предприятиях, выстроенных вдоль Торговой оси центральной части города, так и за пределами центра.

ТЭЦ-2 и Иркутская чаеразвесочная фабрика, территория бывшей Иркутской кондитерской фабрики, бывший завод «Эталон», территория Иркутского завода карданных валов, часть территории завода им. В. В. Куйбышева, а также территория бывшего радиозавода – это лишь часть конвертируемых предприятий.

Индустриальные доминанты – заводы и фабрики – рухнули вместе с советской экономикой. Оставшиеся здания можно сравнить с китами, выброшенными на пустынный берег: так опустели их территории. Мы наблюдаем, как новая, неиндустриальная жизнь разъедает распадающуюся массу и сожалеет о кончине великанов. Но интересно понять, как трансформируются бывшие индустриальные пространства, как взаимодействуют с городом, насколько стандартные или оригинальные сценарии разворачиваются на этой закрытой сцене. Преобразуются ли они, станут ли открытыми для людей, впишутся ли в городскую среду? Задача архитекторов – помочь найти правильное решение.

В настоящее время гулять по лабиринтам среди заборов, поставленных новыми собственниками этих территорий, некомфортно; взаимодействие их с городом невнятно и точно. Возникающее поначалу впечатление открытости оказывается обманчивым, а общественные пространства, формируемые на территории или по соседству и призванные создавать камерность и уют, оказываются изолированными, вселяя ощущение оторванности от среды, напряжения: заброшенные территории, находящиеся рядом, могут стать источником угрозы. При этом

^ Дом Культуры

^ Иркутский завод тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева

индустриальная эстетика разрушается либо навсегда скрывается под новыми конструкциями. Памятники индустриального мира – ресурс архитектурного разнообразия города, создания индивидуальности новых, неиндустриальных зданий и пространств. Но эта возможность остается невостребованной: городская среда, созданная индустриальным миром, деградирует. При этом воспроизводятся худшие свойства бывшей околоиндустриальной среды – закрытость, отсутствие вечерней активности, человечности.

Но жизнь идет, и можно заметить некоторые сдвиги. Каждому, кто прогуливается по Нижней набережной, бросается в глаза колоритное здание ТЭЦ и 85-метровая труба – одна из визуальных доминант города. Площадь территории ТЭЦ-2 и бывшей чаеразвесочной фабрики меньше семи гектаров, но она – одна из самых заметных в Иркутске, находится в историческом центре и вплотную примыкает к центру административному. В 2016 году прошел открытый конкурс проектов по реновации ТЭЦ-2. В градостроительных концепциях предполагалось, что на этой территории появится концертный зал, жилой комплекс и сопутствующий сервис. Есть надежда, что «пешеходная пробка» в этом месте исчезнет, и набережные смогут соединиться.

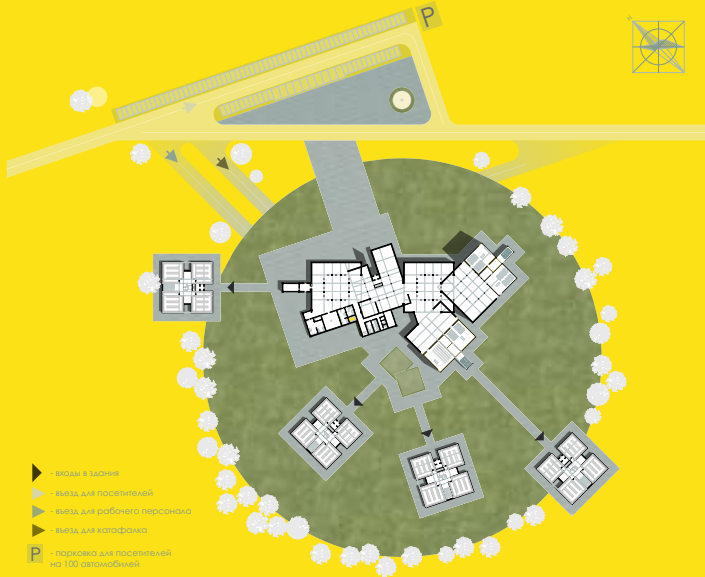
На территории, которую когда-то занимал завод имени Куйбышева, наследие индустриального мира и современная архитектура, как и в других местах, никак не взаимодействуют друг с другом. Но у территории есть шанс на развитие: в генплане запроектировано благоустройство набережной, размещение вдоль реки спортивных объектов и жилья, что может изменить ритм и качество этого квартала. В рамках приоритетной федеральной программы «Комфортная городская среда» планируется благоустройство набережной реки Ушаковка.

Территория бывшего радиозавода постоянно меняется, напоминая экспериментальную площадку, где сосуществуют и развиваются множество функций, сменяя друг друга и рождая надежду на возникновение нового качества среды.

Наконец, создаются творческие выставочные очаги: творческое пространство «Перцель», галерея «Революция», Галерея Виктора Бронштейна. Сегодня они существуют сами по себе, обособленно. Но благодаря появлению этих объектов происходит объединение творческих, равнодушных людей, которые со временем могут повлиять и на городское пространство.

v Радиозавод и ТЭЦ-2

Кремационный комплекс в с. Смоленщина Иркутской области /

дипломный проект
автор проекта
 Анна Кантакова, студентка
 Института архитектуры и
 строительства ИРНИТУ
руководитель проекта
 Р. А. Селиванов

На сегодняшний день в Иркутске и Иркутской области остро стоит вопрос отсутствия мест под захоронения людей. Под захоронения отводятся огромные территории, что приводит к истощению земельных запасов, а также к серьезной экологической проблеме. Решением данной проблемы является наличие кремационного комплекса.

Для проектирования комплекса был выбран земельный участок, находящийся на обособленной территории с Марковским и Смоленским кладбищами. При выборе территории учитывались роза ветров, транспортная доступность, функциональное зонирование Иркутска, особенности рельефа территории. Основная идея проекта – создание для каждой конфессии, где допускается кремация, отдельного траурного зала в целях сохранения обрядовых традиций.

Кремационный комплекс – совокупность ритуальных сооружений, предназначенных для кремации. В состав комплекса входят здание крематория с залами прощания, колумбарий открытого или закрытого типа и внутренний двор как моральная (защитная) зона для посетителей.

Комплекс состоит из сомасштабных блоков, расположенных в разных направлениях относительно друг друга. Направление задано ориентацией гроба каждой религиозной конфессии. Блоки имеют разные функциональные зоны и представляют собой квадраты 24 x 24 м с модульной сеткой 8 x 8 м. Через основные блоки (входной, траурной, выходной зоны) проходит главная ось, на которой размещены световые фонари 12 x 12 м.

Здание крематория по структуре делится на входную, административную, траурную, технологическую и выходную группы. Траурная зона включает в себя три блока, один из которых является распределяющим узлом между двумя другими. В свою очередь, каждый из двух блоков состоит из двух траурных залов площадью 120 кв. м.

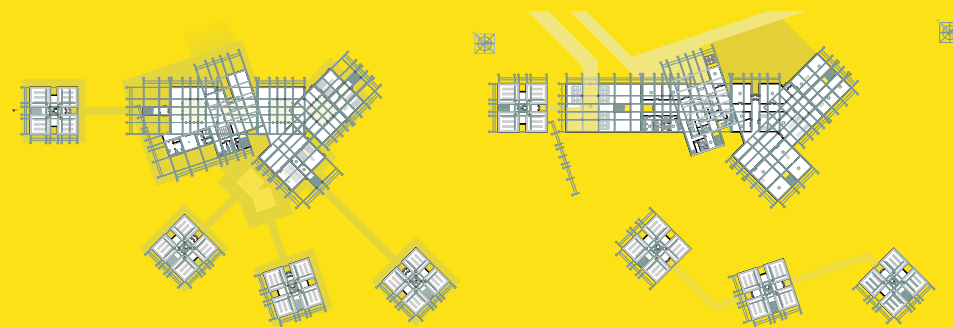
Первый и второй блоки включают в себя административные помещения, третий блок – распределительный узел между четвертым и пятым. В 4-м и 5-м блоках находятся траурные залы:

- православных (алтарь – на восток; ориентация гроба: головой на запад, ногами на восток);
- буддистов (ориентация гроба: головой на запад, ногами на восток);
- мусульман (ориентация гроба: головой на север, ногами на юг (направление Кибла);
- универсальный.

Количество траурных залов было определено исходя из анализа конфессий населения Иркутской области

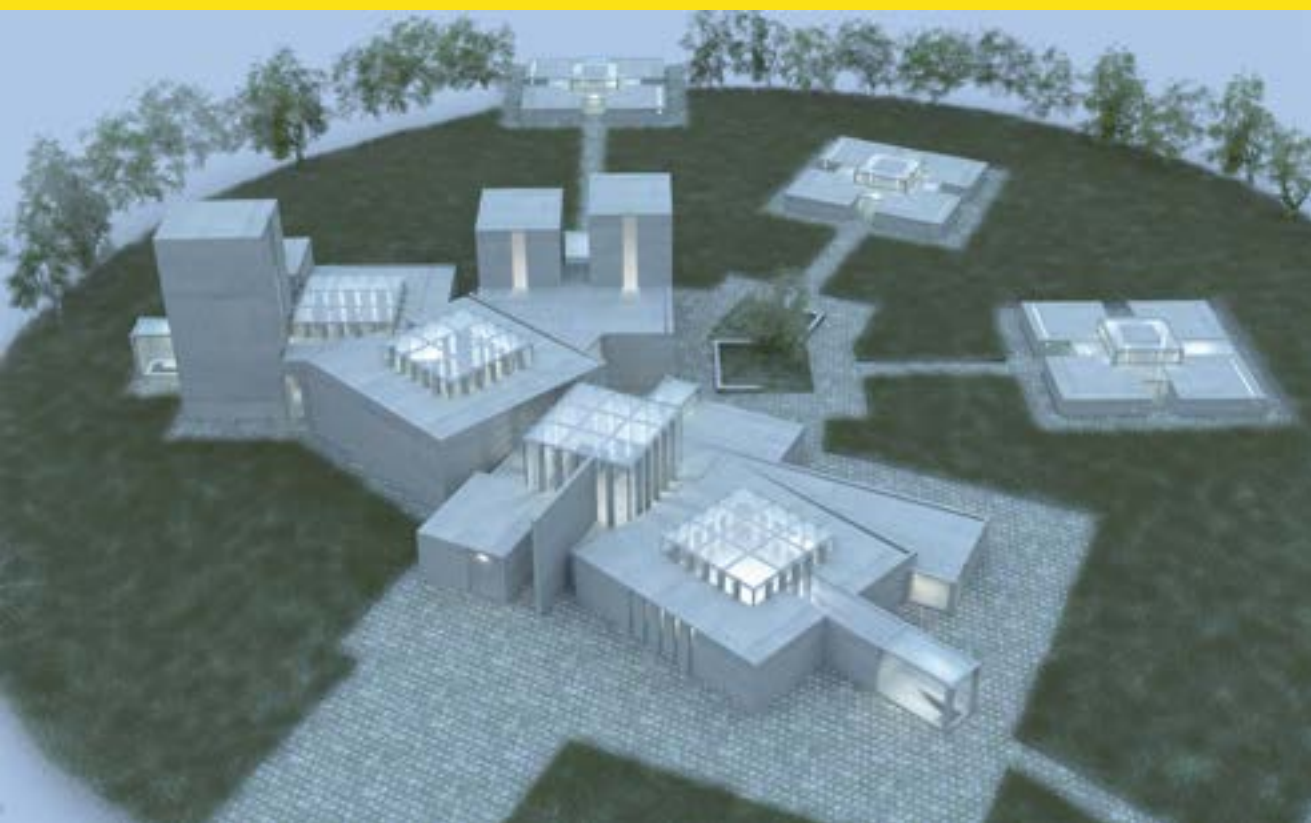
Для хранения урн с прахом спроектированы четыре блока колумбария. Колумбарий состоит из двух этажей. На каждом этаже по четыре зала. В центральной части расположено ядро коммуникаций. Пространство внутреннего двора соединяет здание крематория и комплекс колумбариев.

Анна Кантакова / Anna Kantakova

Cremation Complex in Smolenshchina Village, Irkutsk Region

браунфилд / brownfield

Темой сессии Байкальского Зимнего градостроительного университета стала конверсия Затона – района в центре Иркутска, за свою долгую историю неоднократно менявшего смыслы. Полуостров, на стыке XIX и XX веков фатально отрезанный от материка Транссибом, расположен у впадения Иркутта в Ангару. Затон остановился в своем развитии и совсем не похож на центральный район города, коим является по своему географическому положению. Застройщики предпочитают гринфилды, свободные территории, а тут – склады, лесопилки и верфи, но при этом нет ни сетей, ни дорог. Понятно, что, как только инфраструктура появится, земля станет золотой: центр и вода.

Идеям, предложенным международными командами участников Зимника, предшествовали студенческие проекты прошлых лет, представленные преподавателями архитектурного факультета ИРНИТУ.

Елена Григорьева

The theme of the session of Baikal Winter University of Town Planning Design was conversion of Zaton, a district in the center of Irkutsk, which has changed its meanings several times during its long history. Fatefully cut off from the mainland by Transsib at the turn of the 20th century, the peninsula is located where the Irkut meets the Angara. Zaton has ceased to develop and now does not look like a central part of the city, regardless its geographical location. Developers prefer greenfields, vacant areas, but not Zaton with its warehouses, sawmills and dockyards. At the same time it has neither networks nor roads. It is obvious that as soon as infrastructure appears the land will become precious because of its central location and the water.

International teams of the Winter University proposed their ideas, which were preceded by students' works of previous years presented by the teachers of the Institute of Architecture and Construction of Irkutsk National Research Technical University.

Elena Grigoryeva

Дается характеристика методологии Международного зимнего градостроительного университета, темы и команд-участников 19-й сессии. Описывается площадка для проектирования, техническое задание и последовательность работы команд-участниц. Подчеркивается значение заброшенных территорий как скрытых ресурсов для развития города.

Ключевые слова:

Международный Байкальский зимний градостроительный университет; браунфилд; трансформация; промышленные территории; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования. /

The article features the methodology of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design, the topics and the teams that participated in the 19th session. The article describes the site, the technical assignment and the work of the teams. It underlines the significance of abundant territories as hidden resources for urban development.

Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; brownfield; transformation; industrial territories; scenarios for urban development; quality of city environment; urban studies.

Зимник-2018

Браунфилд – новые перспективы для полуострова /

текст

**Валерия Нуянзина
Александра Кострубова**

фото

**Артем Моисеев /
text**

**Valeriia Nuianzina
Alexandra Kostrubova**
photo
Artem Moiseyev

Организаторы

Иркутский национальный исследовательский технический университет
МНИЛ «Изучение и проектирование городской среды»

Международные градостроительные мастерские города Сержи-Понтуаз (Франция) ИРО Союза архитекторов России
Правительство Иркутской области

Администрация города Иркутска

Оргкомитет

Марк Меерович / научный руководитель
Александра Кострубова / директор

Валерия Нуянзина / заместитель директора
Анастасия Косолапова / заместитель директора

Татьяна Данилова / координатор проекта

Валерия Ставицкая / менеджер проекта

Юлия Никифорова / графический дизайнер

Татьяна Копылова / ассистент экспертов

Презентациями финальных проектов команд в первый день весны завершилась 19-я предъюбилейная сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (МБЗГУ), тема которой – «Браунфилд – новые перспективы для полуострова Затон».

МБЗГУ – первое ежегодное международное проектно-образовательное мероприятие в области архитектуры и градостроительства в России. Оригинальная методология работы, апробированная в течение 36 лет в разных странах мира, разработана международными градостроительными мастерскими Les Ateliers (г. Сержи-Понтуаз, Франция), которые также являются со-основателями Зимнего Университета.

За 19 лет работы Зимнего Университета выработана уникальная методология, суть которой состоит в создании образовательных конкурсных программ, позволяющих искать подходы к решению самых актуальных проблем города и региона посредством работы междисциплинарных проектных команд, сформированных из молодых специалистов до 35-ти лет из разных стран мира с учетом местной градостроительной политики и существующей ситуации.

В этом году в составе международных команд 21 участник – студенты и молодые специалисты в области градостроительства, архитектуры, дизайна архитектурной среды, урбанистики, социологии из России, Германии, Франции, Бельгии, Испании, Австрии и – впервые – из

Марокко. Россия представлена участниками из Москвы, Тюмени и Иркутска. Участники были отобраны на конкурсной основе (учитывались представленные портфолио, мотивационные письма и личный профессиональный опыт в работе с промышленными территориями).

Впервые научным руководителем (пилотом сессии) выступила международный эксперт – Барбара Энгель, доктор технических наук, профессор, заведующая кафедрой международного городского планирования и проектирования факультета архитектуры, Технологического института г. Карлсруэ (Германия).

По словам Барбары Энгель, Иркутск владеет большим числом индустриальных территорий, которые являются либо заброшенными, либо используются неэффективно в ожидании смены функции. «Сегодня эти территории – скрытые ценные ресурсы для будущего развития. Все еще существует недостаток в концепциях скоординированного социально-экономического и экологического развития подобных территорий в долгосрочной перспективе. Существующие проекты чаще всего отражают разнородные по использованию зоны и фрагментарную структуру. Некоторые из существующих территорий являются экономически привлекательными за счет расположения у воды. К таким территориям относится и территория Затона, расположенная на полуострове при впадении реки Иркут в Ангару и имеющая площадь 46 гектаров».

Winter University 2018

Brownfield (Re)Development: New Perspectives for Zaton

Техническое задание сессии было подготовлено совместно пилотом и оргкомитетом сессии, а за дальнейшей научной работой команд следили ассистенты – помощники пилота: специалист в области градостроительства Николас Рогге (Карлсруэ, Германия), городской планировщик Марина Сапунова (Москва, Россия), ландшафтный архитектор Тания Эль Кхури (Бейрут, Ливан) и градостроитель из Иркутска Мария Демченко.

Сессия началась с представления участниками своих домашних заданий, где они демонстрировали опыт трансформации промышленных территорий своих стран. После этого их ждало распределение по командам, экскурсия на площадку проектирования, лекции локальных экспертов и, конечно, первая рабочая неделя и первая защита. В начале второй недели впервые прошли лекции и консультации международных экспертов Шпелы Веровшек (Любляны, Словения), Сабин Калке (Белфаст, Великобритания), Михаэля Кламера (Вена, Австрия).

Промежуточные презентации команд проходили при участии экспертов, консультантов и членов профессионального сообщества города Иркутска. Уже обычаем стало завершение сессии поездкой на Байкал, экскурсией в поселок Листвянка и музей «Тальцы».

В рамках сессии традиционно состоялись лекции международных экспертов – членов жюри: Наджи Шфеира (Бейрут, Ливан), Алексея Комова (Севастополь, Россия), Игоря Бахирева (Москва, Россия), Дениса Власова (Москва, Россия), а также членов ISOCARP – новой стратегической организации-партнера Зимнего Университета в лице Питера Лоренса (Гданьск, Польша) и Александра Антонова (Москва, Россия).

На финальной презентации команды продемонстрировали свои исследования, перспективные предложения на стадии «концепция» для перспективного развития полуострова Затон. Всем членам жюри был роздан Документ № 3, который включает в себя данные о составе команд, подробный дневник сессии и сами проекты участников. По завершении сессии Документ №3 будет расширен, и в него войдут комментарии членов жюри, оценка и рекомендации экспертов, подведения итогов сессии от пилота. Результаты работы сессии в дальнейшем будут переданы администрации города Иркутска для разработки ПЗЗ на территорию полуострова Затон.

Генеральные спонсоры
 ЗАО «УК «ВостСибСтрой»
 ГК «Истлэнд»
 АНО «Иркутские кварталы»
 ООО «Золотой дом»
Спонсоры:
 АО «Восток Центр Иркутск»
 СРО Байкал Регион проект
 ФСК «Новый город»
 ГК «Гранит-гранат»

Main idea

City level Irkutsk does not appreciate enough and capitalize on its wooden heritage and resources. The redevelopment of Zaton can be a mean to raise the city and citizens' awareness of this valuable resource and to emphasize a common identity, but also to create a new specific tourist attraction in Irkutsk besides its closeness to Baikal lake. Furthermore, Irkutsk needs high-qualitative green and open spaces in the inner city.

The project takes roots in the general concept and framework of learning cities. This people centered approach states that lifelong learning is the guiding principle for building more sustainable cities and aim at transforming global goals of sustainable development and discourse into local actions and implementations.

Concept

The concept is to develop Zaton's wooden identity and memory as a valuable resource for Future of Irkutsk. We want not only to develop these elements from the past of Zaton but also to integrate this heritage for a future vision. The main idea is to innovate and cross tradition and modernity: through the mix of the old wooden houses and new wooden building, the combination of educational

Команда А: «Деревянный полуостров» / TEAM A: "Wooden openinsula"

София Баканова / магистрант направления «Архитектура» / Германия
 Элеонор Булли / магистр направления «Градостроительство и социальная география» / Франция
 Винсент Ван Прает / магистрант направления «Урбанистика» / Бельгия
 Наталья Кичатинова / студентка-бакалавр направления «Ландшафтный дизайн» / Россия
 Ольга Тучина / магистрант направления «Архитектура» / Россия

Основная идея

В данный момент Иркутск недостаточно использует и ценит свои природные ресурсы, в частности – лес и деревянное наследие. Реконструкция Затона может стать катализатором для осознания ценности этих важных ресурсов городом и его жителями, а также поможет территории стать новой точкой туристического притяжения в Иркутске, помимо Байкала. Городу необходимо больше качественных и благоустроенных зеленых пространств.

Проект основывается на концепции структуры обучаемых городов. Этот подход, ориентированный на людей, гласит, что обучение на протяжении всей жизни является руководящим принципом для построения более устойчивых городов и направлен на преобразование глобальных целей устойчивого развития и дискурса в локальные преобразования и в реализацию.

Концепция

Идея команды заключается в развитии деревянной идентичности Затона как важного ресурса для будущего Иркутска. Мы не только хотели развить элементы из прошлого Затона, но и интегрировать это наследие в видении будущего. Основная идея заключается в сосуществовании существующей исторической застройки и современных деревянных зданий, комбинации и взаимодействия образовательной функции и мелкокалиберного производства, а также создания новых техник деревообработки и деревянного строительства. Цель – превратить Затон в территорию с хорошими условиями жизни, где жители и пользователи пространства смогут найти место для взаимодействия. Это будет достигнуто за счет укрепления связей и доступности между свободными пространствами и ключевыми точками территории и взаимодействия с деревянным наследием.

Проект

Для создания «Деревянного полуострова» на территории Затона формируется зеленое ядро с быстрорастущими деревьями. Этот лес будет способствовать очищению почвы, которая загрязнялась на протяжении долгих лет из-за работы различных индустрий. 20-гектарный лес связывает мастерские ремесленников с образователь-

function and small-scale production but also through the new woodcraft techniques that will be created by this catalyst project.

Project

To create this wooden peninsula, Zaton would develop a fast growing green heart. This forest would depollute the ground that has been intoxicated by years of unhealthy industry. This forest of 20 hectares links craftsmen ateliers with places of vocational education and to other functions and spread out all along the peninsula. It is at the same time the very linking area of all the wood related functions, and a peaceful promenade through the wooden peninsula for citizens and tourists. This promenade goes through the craftsmen's ateliers, the wooden market and end up at the museum of wooden architecture and craftsmanship. The forest is a space that establish a connection between production, creation, and learning, and between students, workers and visitors – being tourist or city-dwellers.

Into the green heart of Zaton, a botanical garden would be implemented. The glass house would be a beacon of light and activity inside the forest.

Continuing on the idea of a wooden peninsula, the embankments of Zaton could be developed through wooden furniture and recreation that would make the environment more attractive. With the development of the embankment at the city side, both of them would form a continuous promenade because of the connecting existing bridge.

In the perspective of connecting Zaton to the rest of Irkutsk, a bridge will cross the Angara river and connect Zaton to the Irkutsk's center riverbank. Besides its linking function, this bridge will also offer a viewpoint on Irkutsk's center and Zaton skylines and landscapes. Moreover, a water transport service will be implemented at the far end of the peninsula to create an alternative connection to the facing riverbank, both for tourists and Zaton's inhabitants.

The inhabitants and visitors will not only be able to enter Zaton from the city center, through bridges and transport boats, but also from the side of the railways. Because of the difference in height, a small platform above the railways will be implemented, and will give a panoramic view on the forest followed by a connection that brings you down in the middle of the trees.

ным центром и другими функциями, расположенными на полуострове. Это одновременно и объединяющая территория, и комфортное пространство для перемещения сквозь деревянный полуостров для жителей и туристов. Променад ведет посетителей сквозь мастерские ремесленников, деревянный рынок и приводит к музею деревянного зодчества и мастерства. Зеленое ядро становится пространством, соединяющим производство, ремесло, обучение и различные группы людей: студентов, рабочих и посетителей, как и туристов, так и жителей Иркутска. Внутри зеленого ядра появится филиал уже существующего в Иркутске ботанического сада. Оранжевая станет еще одной точкой притяжения.

Продолжая идею «Деревянного полуострова», набережные Затона могут быть развиты за счет установки деревянных МАФов и появления рекреационной функции, что сделало бы окружающую среду более привлекательной. С развитием набережной со стороны города, они бы образовали непрерывный ансамбль за счет соединяющей функции существующего моста.

В будущем для связи территории Затона с центром города будет построен мост, пересекающий реку Ангара. Помимо своей связующей функции, этот мост также сможет стать удобной точкой визуального восприятия как центра города, так и Затона с его деревянными высотками и панорамами.

Кроме того, на краю полуострова будет функционировать система водного транспорта, связывающая Затон с противоположным берегом Ангары и предоставляющая услуги речного прогулочного трамвайчика, которым смогут воспользоваться как туристы, так и местные жители.

Жители и гости города смогут попасть в Затон не только из центра города с помощью мостов и водного транспорта, но и со стороны студгородка. Из-за разницы в высоте вновь построенная небольшая платформа над железнодорожными путями обеспечит панорамный вид на лес с возможностью спуститься прямо в зеленое ядро Затона.

Main idea

Main idea is to create a collective and competitive Industrial Campus that collaborates with the new residential area and other uses, not only physically, but also socially and economically. Our proposal for Zaton talks about a more efficient use of this peninsula which is conscious of the identity and authenticity of the place by respecting and enhancing the existing. Having such a proposal 50 years ago would be a heresy. But in 2018, having houses next to industries and other uses is not about conflict, it is about synergy.

Concept

"Intrazaton" is a not-for-profit corporation that serves as the real estate developer and property manager of the Industrial Campus. The "organization" performs two important tasks: it provides the base and common services for tenants while it establishes the rules for their correct and efficient functioning.

That is to say, that it carries out the decontamination of the soil and develops the basic infrastructure (roads, supply, sanitation, etc.) and services (security, legal support, etc.) but at the same

Команда Б: «ИНТРАЗАТОН» / TEAM B: "INTRAZATON"

Лео Безу / магистрант направления «Архитектура» / Франция

Селия Фернандез Дуке / магистр направления «Устойчивый город и архитектура» / Испания

Зайнеп Топсу / магистрант направления «Урбанистика» / Бельгия

Екатерина Гладкова / магистрант направления «Градостроительство» / Россия

Анна Белинская / магистрант направления «Градостроительство» / Россия

Leo Bezu - Master student (Architecture) France
Celia Fernandez Duque - Master (Sustainable City and Architecture) Spain

Zeynep Topcu - Master (Urbanism) Belgium

Ekaterina Gladkova - Master student (Urban planning) Russia

Anna Belinskaya - Master student (Urban planning) Russia

Основная идея

Основная идея – создание конкурентоспособного промышленного кампуса, который взаимодействует (пространственно, физически, социально и экономически) с новым жилым районом. Соседство таких функций 50 лет назад казалось невозможным, но в 2018 году расположение жилой зоны рядом с промышленностью – это не конфликт, это синергия.

Концепция

«Интразатон» – это некоммерческая организация, которая выступает в качестве управляющей недвижимостью промышленного кампуса. «Организация» выполняет две важные задачи: с одной стороны, она предоставляет услуги для арендаторов, а с другой – устанавливает правила их грамотного и эффективного функционирования.

Организация осуществляет очищение почвы, обеспечивает инфраструктуру (дороги, снабжение, санитарии и т. д.) и услуги (безопасность, юридическое сопровождение и т. д.), но в то же время управляет процессом функционирования компаний путем создания правовой базы.

Проект

Проект индустриального кампуса на Затоне основан на интенсификации и уплотнении существующих функций с уважением к существующей уникальности места.

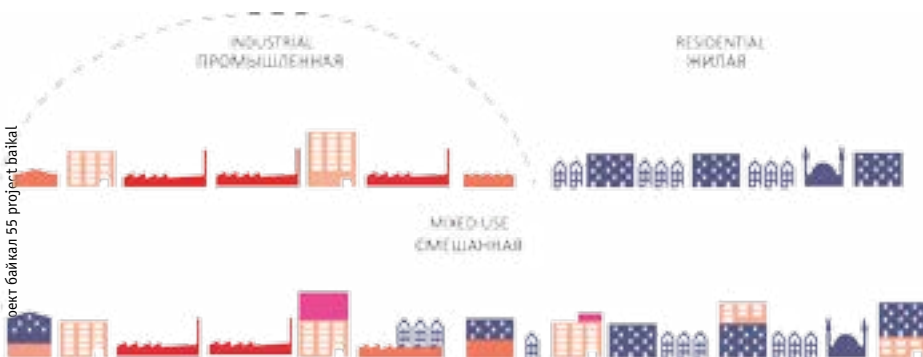
Общественные пространства

Прибрежные территории: вокруг береговой линии проектом предусматривается благоустройство зеленого общественного пространства, которое работает как рекреационная зона для всего полуострова.

Зеленые артерии: северные и южные береговые линии соединены зелеными артериями, обеспечивающими полуостров пешеходными связями, а также рекреационными пространствами.

Транспорт

Проект предполагает строительство нового моста через реку Иркут, который соединит улицы 2-я Железнодорожная и 3-я Горьковская. Мост сократит поток автомобилей по улицам Джамбула, Боткина и Маяковского, где в час пик в настоящее время наблюдается интенсивное движение.

time it manages the process of the companies functioning and the residents resettlement program, through the creation of a legal framework.

Project

The Industrial Campus project in Zaton is based on the intensification and densification of the activities that currently take place in the area respecting the existing and the uniqueness of the place.

Public Spaces.

-Shoreline areas: There is a public green space all along the shoreline, which works as a respects perimeter recreational area for the whole peninsula.

-Green arteries: The north and south shorelines are connected by big green arteries are meant for connectivity as well and for people gathering and recreation.

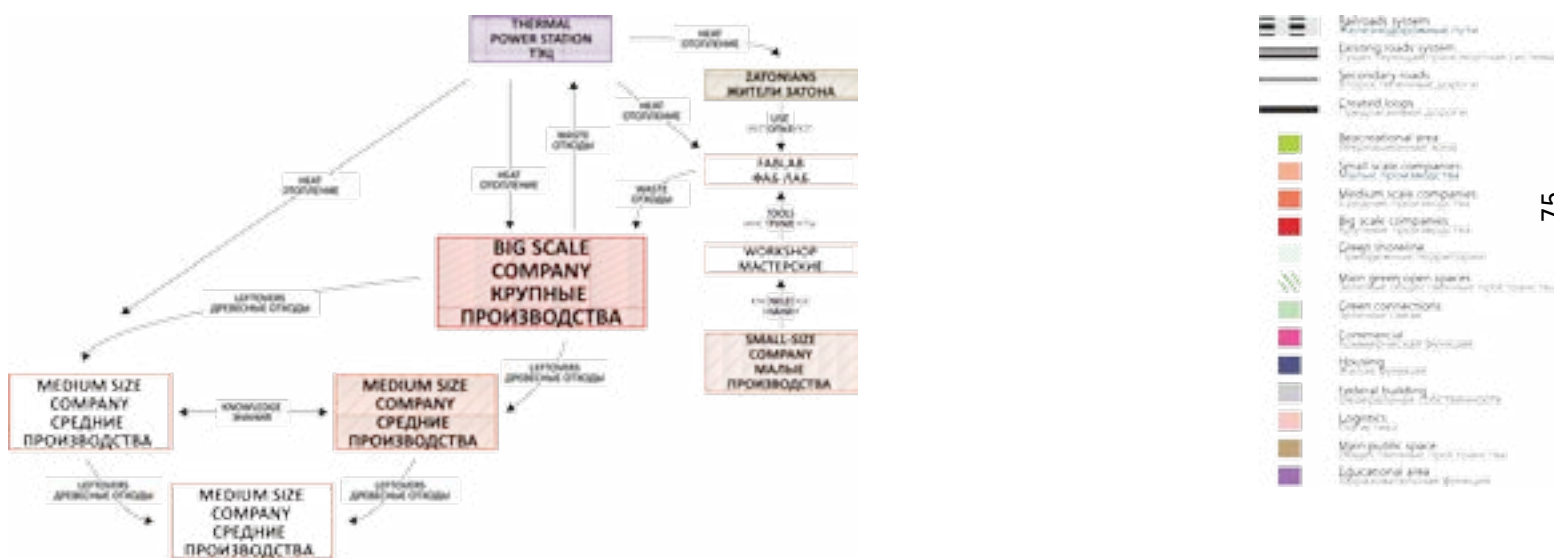
Transport.

-Our project also suggests the construction of a new bridge over the Irkut River, which will connect the streets of 2nd Zeleznodorognaya and 3rd Gorkovskaya. The bridge will reduce

the flow of cars through the streets of Dzhabula, Botkina and Mayakovskogo, where there is now a heavy traffic during rush hour. Residential.

-The residential program extends on more than twenty hectares and does not go beyond five-storey buildings. The mix on the residential program is about the mix of architectural typologies and the mix of social housing with private houses. Besides, the mix of uses also comes with the combination of some of the small-scale industrial and educational program. It is to notice, that the residential program also brings other secondary uses along, such as small commercial, small services and facilities, etc. that are needed for the correct and efficient functioning of the area.

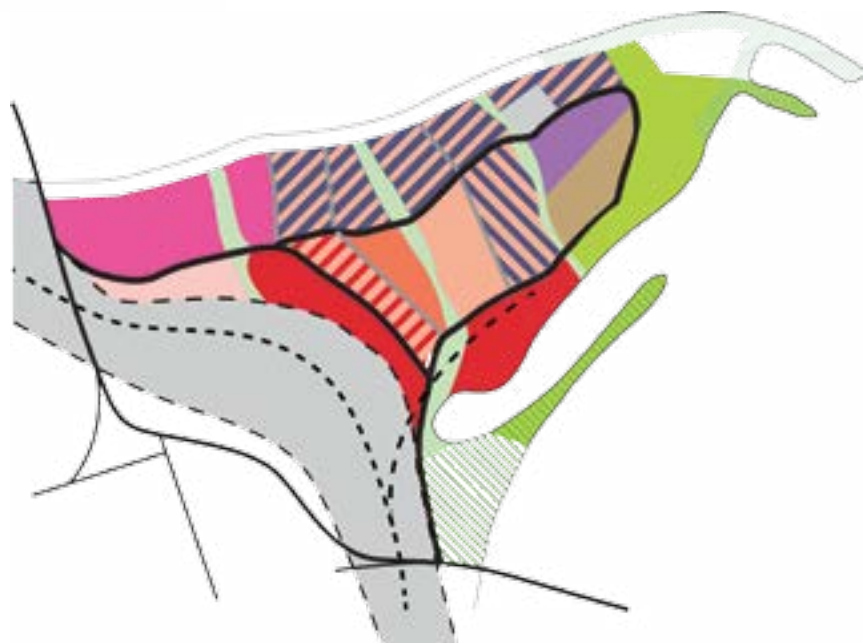
The residential program is meant to accommodate four thousand people (an increase of the population of around seven to eight times) at the end of the implementation process. These residences are not only for the existing inhabitants and workers of the Zaton peninsula, but it is also meant for new inhabitants, being workers for the new industries and companies to come, being campus users, being citizens from other parts of the city.

Жилье

Площадь жилого района Затона составит более чем 20 гектаров, высота жилых домов – не более 5 этажей. Разнообразие жилых единиц связано как с физическим разнообразием (использование разных архитектурных типологий), так и социальным (сочетание социального жилья и частного жилья). Кроме того, жилая функция соседствует с промышленной и образовательной (в одном здании или одном блоке) Следует отметить, что в жилой зоне также предлагается размещение других видов использования – таких небольших коммерческих объектов, которые необходимы для правильного и эффективного функционирования этого района.

Общая вместимость будущих жилых площадей составит 4000 человек (повышение численности населения Затона в 7-8 раз). Жилые единицы предназначены не только для сегодняшних жителей и работников полуострова Затон, но также и для новых жителей – людей, участвующих в программах расселения Иркутска, а также тех, кто заинтересован в проживании рядом с рабочим местом (индустриальным кампусом).

Main idea

Our purpose behind the creativity approach is the fostering of imagination or original ideas to create something that adds to the value of the city development of Irkutsk: inventiveness. Diversity and creativity are basic drivers of innovation, regional and national growth and the development of a center for creative people will bring innovation and investors to Zaton and its region to improve economic growth for the city.

The creative class fosters an open, dynamic, personal and professional urban environment. This environment, in turn, attracts more creative people, as well as businesses and capital. The concept addresses a wide range of the population that is concerned about their city's future development and the participation in it.

Concept

Concept of Creativity Responding to the results of the analysis, functional hubs will organize the future urban fabric of Zaton. Certain functions will concentrate in these hubs and will give each of the quarters their specific character and sense of belonging. Creative Podium and Creative Hot Spot Main catalysator for the

Команда С: «Затон: деревня творчества в самом центре Иркутска» / TEAM C: Village of Creativity

Рихаб Убайда / магистрант направления «Архитектура» / Марокко

Рафаэль Валет / магистр направления «Городское планирование, международная экспертиза в развивающихся странах» / Франция

Орели Базьер / магистр направления «Урбанистика» / Франция

Зинье Мари Кох / магистр направления «Городское и региональное планирование» / Германия

Андрей Таран / магистрант направления «Архитектура» / Россия

Анна Лекомцева / магистрант направления «Архитектура» / Россия

Rihab Oubaidah - Master (Architecture) Morocco

Raphael Valet - Master (Urban Planning, International Expertise in the developing countries) France

Aurelie Baziere - Master (Urbanism) France

Sinje Marie Koch - Master (Urban and regional planning) Germany

Andrey Taran - Master (Architecture) Russia

Anna Lekomtseva - Master (Architecture) Russia

Основная идея

В основе проекта команды лежит креативный подход, который заключается в развитии воображения или создания оригинальных идей и изобретений, которые будут полезны в развитии города Иркутска. Разнообразие и креативность являются основными двигателями инноваций, регионального и национального роста. Развитие центра для творческих людей принесет инновации и инвесторов в Затон и его район, что улучшит экономический рост города.

Творческий класс создает открытую, динамичную, личную и профессиональную городскую среду. Эта среда, в свою очередь, привлечет больше творческих людей, а также бизнес и капитал. Эта концепция затрагивает широкий круг населения, которое обеспокоено будущим развитием своего города и участием в нем.

Концепция

Опираясь на результаты анализа функциональных узлов, для Затона будет создан план застройки. Определенные функции, концентрирующиеся в этих узлах, придадут каждой из четвертей их специфический характер и чувство принадлежности. Главным катализатором развития на полуострове станет создание концертного зала. Он будет иметь значение не только для региона, но и для всей страны. В северной части полуострова будут организованы выставки под открытым небом, благодаря материалам и материальной помощи LeRoy Merlin. Местные архитекторы и художники будут сотрудничать с французской компанией для создания регулярных выставок. Соглашение между компанией и творческими людьми представляется очень удачным, так как это хорошая реклама и приносит доход для компании. Такой вид сотрудничества будет стимулировать другие компании принимать участие в выставках.

Проект

Промышленность

Деревянная индустрия и судоходство: уже существующие индустриальные постройки, занимающиеся деревом и судоходным ремонтом, будут сохранены. 40% индустрии, занимающейся деревом, будет продолжать работать в национальном масштабе, хранить и перераба-

development on the peninsula will be the establishment of a concert hall. It will spread out and reach a regional to national range.

Open air exhibitions will be organized in the northern part of the peninsula, supported by materials and monetary aid of Le Roy Merlin. Local architects and artists will collaborate with the French company to create upcoming exhibitions regularly. Later on, if this agreement between the company and the creative people will have shown its worth, that it is a good advertisement and makes more revenue for the company, it will encourage others to come.

Project. Industry.

Concerning the existing industries, we will keep both the wooden and the shipping industries. For the first one, 40% of the wooden industry will keep working in its traditional activities at a national scale, with the storage and the transformation of the wood. 30% of its space will be for the education and the wood technology: wood work carpentry, research in wood, it will have offices, industrial and social creativity and will work at a regional scale. As for the last 30%, it will be for sales and crafts, for the city and the region and for the tourism. Creative Housing Most

the buildings will provide more than one function by differing in size and purpose (private, semi-public and public). For instance, shops, grocery stores, social facilities on the ground floor mix with residential and co-working spaces on the upper floors. A flexible structure in height, surface and density will be possible and sustainable concerning future demands of the residents.

Regarding the access of the site, our final objective is to be car free in long-term vision. To do it so and in a spirit of innovation and originality, the implementation of a cable car will be in the center of project.

Residential.

Most the buildings will provide more than one function by differing in size and purpose (private, semi-public and public). For instance, shops, grocery stores, social facilities on the ground floor mix with residential and co-working spaces on the upper floors.

Transport.

Regarding the access of the site, our final objective is to be car free in our long-term vision. To do it so and in a spirit of innovation and originality, the implementation of a cable car will be in the center of our project.

...ть древесину. 30% площади Затона будет отведено под образование и технологии обработки древесины: деревообрабатывающие столярные работы, исследования в области дерева; к фабрике будут добавлены офисы, промышленное и социальное творчество. Фабрика будет работать в региональном масштабе. Что касается последних 30%, то это будут продажи и ремесла, работающие на туристов города и области.

Большинство зданий будет обеспечивать более чем одну функцию, различаясь по размеру и назначению (частные, полуобщественные и общественные). Например, магазины, продуктовые магазины, социальные объекты на первом этаже смешиваются с жилыми и коворкинг-местами на верхних этажах.

Жилье

Большинство зданий будет обеспечивать несколько функций, различающихся по размеру и назначению (частные, полуобщественные и общественные). Например, магазины, продуктовые магазины, социальные объекты на первом этаже смешиваются с жильем и коворкинг-местами на верхних этажах.

Транспорт

Конечная цель состоит в том, чтобы в долгосрочной перспективе освободить Затон от автомобилей. Сделать это в духе инноваций и оригинальности, например, реализовать канатную дорогу в центре полуострова.

Main idea

The main idea is to make ZATON an accessible place for everybody with a mix of all usages. We want to create an “city lab”, an ideal environment for students and professionals to exchange and create new ideas. A hub, where companies can settle themselves and get access to the knowledge of start-ups. All these in the inspiring atmosphere & environment of the old shipyard – a visible flourishing hotspot with its local identity, open for whole Irkutsk and the whole world. Reintegrated in new architecture, the shipyard will be the new, vital heart of the ZATON-area as well as an important extension of Irkutsk-leisure-areas.

Concept

The new land-use of ZATON will be based on mixed-functionalities. Offices, housing and therefore necessary education-institutions like a kindergarten or a primary school, as well as recreational areas like parks and promenades will be provided in the new ZATON area. New types of housing will be realized - affordable housing mixed with higher priced apartment-buildings.

Команда Д: «CityLabZATON: Иркутск как полицентричный город» / TEAM D: “CityLabZATON: Irkutsk as a polycentric city.”

Елена Мальцева / аспирант специальности «Архитектура» / Россия
 Фабиан Вилднер / студент-бакалавр направления «Пространственное планирование» / Австрия
 Аделин Форэ / магистр направления «Градостроительство» / Франция
 Сольвейг Паулус / студент-бакалавр направления «География» / Германия
 Людмила Янтранова / студент-бакалавр направления «Архитектура» / Россия

Elena Maltceva - Postgraduate Student (Architecture) Russia
 Fabian Wildner - Student (Spatial planning) Austria
 Adeline Faure - Master (Urban planner) France
 Solveigh Paulus - Student (Geography) Germany
 Liudmila Iantranova - Bachelor student (Architecture) Russia

Основная идея

Основная идея проекта – сделать район Затон доступным местом для всех посредством смешения различных функций на территории. Проектом предусматривается создание «городской лаборатории», идеальной среды для студентов и профессионалов с целью обмена и создания новых идей. Комплекс представляет собой место, где компании могут обосноваться и получать доступ к разработкам стартапов. Все это во вдохновляющей атмосфере и окружении старой верфи – видимой процветающей точки кипения с ее местной идентичностью, открытой для всего Иркутска и всего мира. Интегрированная в новую архитектуру, верфь станет новым, жизненно важным центром территории Затона, а также важным дополнением для районов Иркутска – местом проведения досуга.

Концепция

Новое землепользование полуострова будет основано на смешанных функциях. В новом районе будут представлены офисы, жилье и необходимые образовательные учреждения, такие как детский сад или начальная школа, а также зоны отдыха (парки, бульвары и променады). Будут реализованы следующие типы жилья: доступное жилье, смешанное (и?) более дорогостоящее жилье.

Проект

Зеленые и городские пространства

Зеленые пространства организованы таким образом, чтобы можно было пройти вокруг набережной, а также вокруг всей территории.

Зеленые дома / городское садоводство: зеленые дома, а также городское садоводство можно найти на юго-восточной набережной, а также между зданиями в жилом районе.

Для каждого жилого помещения будет отводиться 20–30% площади для зелени.

В жилом районе будут реализованы небольшие теплицы для городского садоводства

Жилье

Смешанное использование применяется также в жилом районе. Доступное жилье, а также более дорогое жилье

Организация движения внутреннего транспорта
 Organization of island transport traffic

Пешеходная доступность
 Pedestrian accessibility

Основные связи
 Main connections

Project

Green and urban spaces.

Green spaces can be found around the embankment and it is as well spread around the whole area.

Green-Houses/Urban Gardening: Green-houses as well as urban gardening can be found at the south-east embankment of the area and also between buildings in the residential area.

For each housing unit there will be 20-30% of the area used for greenery.

In the residential area, small greenhouses and urban gardening possibilities will be implemented. This can be realized whether as small gardens, vertical greenery or small green-houses.

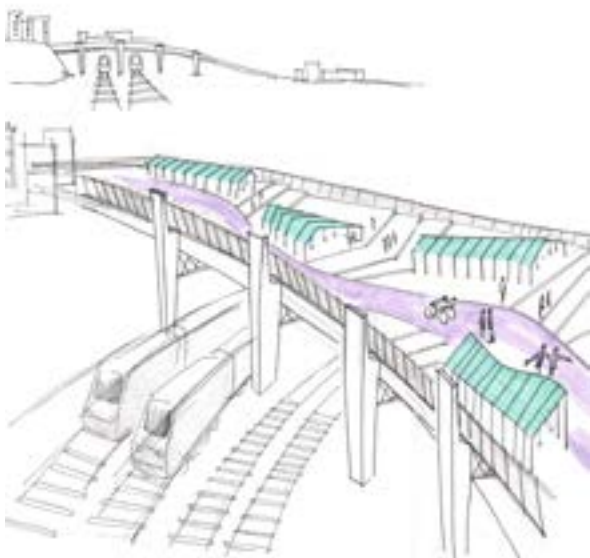
Housing & Offices.

Residential area Mixed use is also applied in the residential area. Affordable housing, as well as higher priced housing are spread over the whole residential area. Different blocks serve certain functions like social housing, housing for workers etc. Also green spaces are influenced by that. Some have playgrounds on it, some are designed more naturally to enjoy nature. This mixture will enhance social cohesion. To also provide this, small meeting points,

in terms of green spaces or asphalted areas with benches, will be created. Furthermore, some buildings close to the shipyard area are connected with open glass walls to provide these meeting points also during colder climate. In this area, small shops like cafes or bakeries will be opened in the ground floor.

Harbor.

Reusing of the harbor at the eastern part of the area for touristic enjoyment. Also in this area, fishing will be possible. That means this harbor will be reused for touristic and also private attraction

распределяются по всему жилому району. Это сочетание улучшит социальную сплоченность. Чтобы обеспечить это, будут созданы небольшие рекреационные зеленые зоны или асфальтированные площадки со скамейками. Кроме того, некоторые здания, расположенные рядом с верфью, будут иметь стеклянные стены, чтобы обеспечить места встречи во времена холодов. В этом районе на первом этаже будут открыты небольшие магазины, а также кафе и пекарни.

Порт

Повторное использование гавани в восточной части района для развлечений и туристических целей. Этот порт будет использоваться как для туристических кораблей, так и для частных лодок.

Развитие (реконструкция) старых промышленных территорий (браунфилдов) сейчас входит в число важнейших задач растущих городов, поскольку эти территории представляют собой ценный ресурс для их дальнейшего развития. Реконструкция полуострова Затон в Иркутске имеет огромное значение не только для устойчивого развития самой территории полуострова, но и города в целом. В статье говорится о задачах и вопросах, поднятых на 19-ой сессии Байкальского Зимнего градостроительного университета, а также о ее результатах.

Ключевые слова: Иркутск; наследие; дерево; промышленность; устойчивое развитие; браунфилд. /

(Re)development of Brownfields is nowadays a challenging task for growing cities since they represent valuable resources for their future development – such as in Irkutsk. Therefore the development of peninsula Zaton is a responsible issue not only concerning the sustainable development of the territory itself, but as well of the whole city. The article explains the tasks and problems of the 19th session of Baikal Winter University and reviews the results. Keywords: Irkutsk; heritage; wood; industry; sustainable; brownfield.

Браунфилд: новые перспективы для полуострова Затон /

текст
Барбара Энгель /
text
Barabara Engel

Конверсия бывших промышленных или военных территорий – одна из важнейших задач, стоящих перед градостроителями всего мира, в том числе и Иркутска. В эпоху урбанизма количество людей, переезжающих в города, стремительно растет; увеличивается и население городских агломераций. В городах возник вопрос поиска новых пространств, главным образом, для удовлетворения потребности в жилье, а также для обеспечения новых торговых площадей. В то же время, необходимо предотвратить дополнительное использование земель, то есть разрастание города. Бывшие промышленные территории обладают ценным культурным, экономическим и пространственным потенциалом для внутреннего развития таких городов. Во всем мире имеются примеры удачной трансформации бывших промышленных или военных территорий в динамичные районы смешанного использования, вмещающие в себя офисы, культурные объекты и места для отдыха.

Но пока плодородную землю все больше застраивают новыми домами, а бывшие промышленные территории в городах остаются неиспользованными. Землепользование и чрезмерное освоение природных ресурсов сегодня входят в число экологических проблем, требующих безот-

лагательного решения. Еще одно негативное последствие – рост цен для населения и потеря городского качества жизни. Реактивация земельных ресурсов внутри городов играет ключевую роль в решении этой проблемы. Растущее желание населения работать и жить в пределах городской черты также дает определенную надежду. В многочисленных городских кварталах наблюдается возобновление роста населения, а число жителей многих сельских районов уменьшается. Таким образом, городские браунфилды приобретают новые смыслы, отвечая на вопросы: как сделать кварталы более интересными, привлекательными для жизни и для новых концепций развития. Внутригородские территории считаются более подходящими для устойчивого строительства, нежели сельская местность, причем не только из-за демографической тенденции. Реактивации старых промышленных территорий способствует не только улучшение условий в целом, но и применение новейших технологий, которые помогают преодолеть препятствия на пути устойчивого развития.

По сравнению с застройкой новых земель на окраине города повторное развитие старых промышленных территорий имеет множество преимуществ, а именно: лучшие характеристики участка (центральное местоположение, общественный транспорт, городская среда, близость офисных зданий), меньший риск наличия пустующих помещений благодаря широкому спектру использования (особенно, когда применен принцип многофункциональности), более низкая себестоимость строительства благодаря доступной инфраструктуре, снижение расходов благодаря использованию социальной инфраструктуры, экономия за счет отчислений на природоохранные мероприятия, рыночное преимущество и более долгий срок службы зданий, обладающих особым стилем. Существуют, однако, недостатки и риски, например, загрязнение окружающей среды и борьба с ним, сложность привлечения участников процесса, рыночные трудности, связанные с образом «браунфилда», некоторые затратные и ограничительные требования (например, охрана существующих зданий-памятников).

Иркутск, город Восточной Сибири с населением около 623000 человек, расположенный в 69 километрах от

The conversion of former industrial or military territories is a challenging issue in urban planning worldwide - such as in Irkutsk. In the urban age, people are increasingly moving to the cities – the population in urban agglomerations is growing. Cities are urgently looking for space, particularly to satisfy the need for housing, but also to be able to offer commercial spaces. At the same time, they are trying to prevent additional land usage, i.e. outwards expansion of the city. Former industrial areas offer valuable cultural, economic, and spatial potential for inner development. Projects all over the world show the successful practice to convert areas of former industrial or military use into mixed districts and vital neighborhoods with the offer of various usages such as offices, cultural assets and leisure activities.

While fertile land has to make way for new buildings, more and more brownfields in the cities and communities remain unused. Land use and overdevelopment are one among the most pressing environmental problems at present. Other consequences are higher costs for the community and a loss of

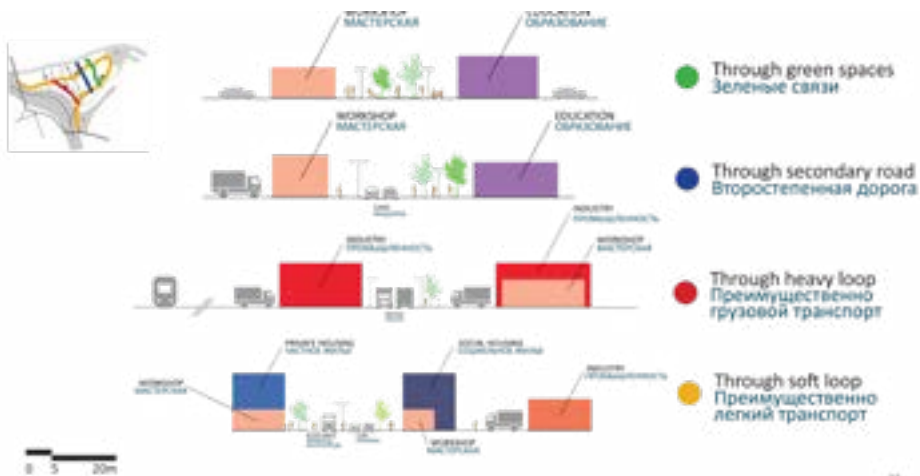
urban quality of living. The reactivation of land reserves in the inner cities plays a key role in this process. Growing interest of real estate users to work and live within urban locations also gives rise to hope. Meanwhile, numerous inner city quarters have been reporting population growths again and the number of residents in many rural areas has been declining. Urban brownfields meanwhile appear in a new light: as a chance of making the quarters more interesting, worth living and also more attractive for new redevelopment concepts. Inner city locations are more sustainable for construction of projects than projects on rural land, not only in terms of demographic trends. The reactivation of these brownfields is not only facilitated by overall improvement of conditions but also because by increasing know-how overcome development hindrances is available.

There are numerous advantages of brownfield redevelopment compared to building new areas on the edge of town, such as the better site quality (centrality, public transport, urban environment, closer location to business partners), lower risk

Brownfield (Re)Development: New Perspectives for Zaton

озера Байкал, является торговым и культурным центром региона, административным центром Иркутской области и одним из крупнейших городов Сибири. Иркутск – растущий научный и образовательный центр, где учится более ста тысяч студентов. По данным предварительного списка объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [1], Иркутск входит в число исторических городов и центров России. Иркутск находится на берегах реки Ангары, его часто называют «воротами Байкала». Иркутск, даже спустя 25 лет после распада СССР, все еще остается в переходной стадии, претерпевая значительные изменения в социально-экономической и политико-административной сфере, что влияет на пространственную структуру города. В центре города и на его окраинах можно наблюдать интенсивную строительную деятельность. В результате здания, построенные за последние десять лет в центре города, главным образом принадлежат сфере торговли, общественного питания и услуг. Множество зданий и даже целые кварталы в данный момент перестраиваются или меняют свой облик. Бывший советский город все еще функционирует недостаточным образом, и все еще сильно необходима необходимость улучшения его функциональных качеств. Растущая автомобилизация из-за транзитного транспорта и нехватки парковочных пространств преимущественно (но не исключительно) создает все возрастающую нагрузку на центр города. Шум и выброс выхлопных газов снижают качество жизни в центре, а доступ к зеленым дворам вокруг деревянных домов прегражден припаркованными машинами. Общественный транспорт (трамваи, троллейбусы, автобусы и маршрутные такси) не снижает нагрузку, он слишком неэффективен и неудобен.

Иркутск известен как место ссылки лидеров декабрьского восстания 1825 года, которые принесли в город Восточной Сибири элементы с европейской и, в особенности, французской культуры – язык, музыку, литературу, образ жизни. В обиходной речи Иркутск называют сибирским Парижем. Иркутск гордится множеством живописных деревянных домов XVIII и XIX веков, более 400 из которых внесены в список наследия [2]. Но у города есть еще и индустриальное прошлое. В середине XVIII века стали открываться небольшие мастерские и заводы, например, первый кирпичный завод. В XIX веке насчи-

of vacancy due to a broad utilization spectrum, especially when mixed use applied, lower construction cost thanks to available infrastructure, and lower allocated costs because of the utilization of public infrastructure, savings on ecological compensation measures, marketing advantage and longer life cycle of buildings with special flair. However, there are disadvantages and risks e.g. contamination and its handling, the difficulty of engaging different stakeholders, marketing troubles caused by “brownfield” image, sometimes costly or restrictive regulations, e.g. monument protection for existing buildings.

Irkutsk, a city in Eastern Siberia with a population of about 623,000, located 43 miles from Lake Baikal, is a commercial and cultural center of the region. Irkutsk is the administrative centre of Irkutsk Oblast and one of the largest cities in Siberia. Irkutsk is a growing, a scientific and educational city where more than one hundred thousand students study. Also Irkutsk ascribed to the Historical city of Russia and the historic center declared a provisional list of UNESCO World Heritage

(Welterbeliste der UNESCO, n.d.). Irkutsk is located on the watersides of the river Angara and so-called «the gate of Baikal».

After 25 years since dissolution of the Soviet system, Irkutsk is still a city in transition and therefore undergoing a period of significant changes in its socio-economic and political-administrative reorganization, which influences the spatial structure of the city. Bustling construction activities can be observed in the city center as well as on the outskirts. As a result, particularly shops, gastronomic, and service facilities have established themselves in the city center over the last ten years. Buildings as well as entire structures of quarters are currently being rebuilt or altered. The backlog of usage for the former Soviet city is enormous and it can be expected that the requirement for further functional enhancements will persist. The growing motorization primarily, but not exclusively, presents an increasing strain on the city center through transit traffic and greater parking pressure. Noise and exhaust emissions reduce the quality of living and stay, the green

MIXING TYPOLOGIES
СМЕШАННАЯ ЗАСТРОЙКА

Proposed mix typologies for the residential and industrial use
Предлагаемая смешанная застройка для индустриальной и жилой функций

тывалось уже около 30 небольших фабрик, все они были расположены вдоль реки Ушаковка. В начале XX века первый большой завод был построен на Транссибирской магистрали. С 1930-х возрастает строительство промышленных предприятий: завод тяжелого машиностроения, авиазавод, кирпичный и цементный заводы, чаеразвесочная фабрика, предприятия пищевой промышленности.

С распадом Советского Союза многие заводы и фабрики закрываются. В 1990-х приватизация оборвала производственный процесс в оставшихся предприятиях. В те времена промышленные участки все больше и больше распределялись среди новых владельцев, которые начали использовать их в своих целях. Заводы и фабрики закрывались, образовывались свободные пространства, которые нужно было использовать по-новому. Но во времена неясной экономической перспективы риск возможного загрязнения территории стал препятствием для обновленного развития этих пространств. В городе имеется множество бывших промышленных участков, которые либо находятся в заброшенном состоянии, либо используются неэффективно. Сегодня они представляют собой ценнейшие ресурсы для будущего развития. Однако все еще не хватает концепций для скоординированного социального, коммерческого и экологического развития этих территорий в долгосрочной перспективе. Зачастую их использование носит неоднородный характер, застройка на них фрагментарна. Некоторые из этих территорий имеют выгодное расположение, поскольку находятся возле воды. В число таких территорий входит полуостров Затон площадью около 75 гектаров, расположенный на берегах Иркутта и Ангары. Это территория порта и бывших промышленных и складских сооружений.

Поскольку городу нужен дальнейший рост, пришло время приступить к планированию и застройке этой территории. Благодаря своему выгодному расположению рядом с водой и недалеко от центра города, новый район может обладать разнообразными функциями, размещать на своей территории жилье, сферу услуг и отдыха, иметь особый колорит, который поможет городу повысить свой статус культурного и экономического центра и сделает его привлекательным для жизни. 19-я сессия Байкальского Зимнего университета касалась разработки пла-

INNOVATIVE TRANSPORT

6000 People per hour
40-60 rubles per ticket

courtyards around the wooden houses are blocked by parked cars. Public transportation, consisting of trams, trolley buses, buses, and minibuses, is too ineffective and uncomfortable to provide relief.

Irkutsk is known as the place of exile for leaders of the Decembrist revolt of 1825, which brought European, and particularly French culture – language, music, literature, lifestyle – to the Eastern Siberian city. In common parlance, the city is referred to as the Paris of Siberia. It boasts numerous decorative wooden houses from the 18th and 19th centuries, more than 400 of which are listed buildings (Lontschakowa & Chotulev, 2012). But the city also has an industrial past. In mid 18th century the first small craft producer and small factory, for example, the first brickyard were opened. In the 19th century around 30 small factories were in use, all located along the river Ushakovka. In the early 20th century the first large factory was built along the Trans-Siberian railway. Since the 1930s industrial construction of the city grew: Mechanical engineering plants, the air plant, brick and concrete plants, tea

нировочных стратегий и градостроительных концепций для данной территории. Какую роль может играть Затон в контексте города в целом? Как лучше пространственно и территориально связать его с окружающим городом? Расположение на воде дает возможность создавать привлекательные рекреационные комплексы и жилые кварталы около реки. Во время сессии были сформированы концепции и целостные стратегии, а также стратегии для отдельно взятых участков.

Сессия Зимнего университета 2018 года вновь собрала вместе молодых специалистов различных областей из

fabric, plants of food industry were built. In mid 20th century heavy engineering factories, aircraft factory and other large factories were established.

With the end of the Soviet Union, many production plants were closed. In the 1990s, privatization disrupted the industrial lines and cycles in the remaining facilities. All that time the sites were divided up more and more among new owners that started to use them for their own purposes. Industrial production facilities were closing, creating vacant areas waiting for reuse, but in times of uncertain economic prevision, the risk of possible ground pollution is a drawback for their redevelopment. The city owns many former industrial areas which now mainly lie dormant or are used inefficiently, waiting for reuse. Today, these harbor valuable resources for future developments. Concepts for a coordinated, social, commercial, and ecological development of the conversion areas in Irkutsk which also take long-term horizons into consideration are still lacking. They frequently display heterogenous usage areas and fragmented constructional structures. Several of these boast special location advantages, since they lie by the water. These

include the Zaton peninsula with an area of about 75 hectares, situated by the banks of the Irkut and Angara rivers. A territory with a port and former industrial and storage facilities.

Due to the pressure for growth, it is high time to tackle the planning and development of this area. With its prominent position on the water and near the city center, a new district could be created here in the future with diverse uses, living, service, and recreational facilities – a new address with a special flair that strengthens the profile of the city as a cultural and economic center and makes it attractive as a place of residence. The 19th Baikal Winter University wanted to develop planning strategies and urban concepts for this. Which role can Zaton take on regarding the context of the city as a whole? How can the area be better connected to the surroundings spatially and functionally? The location on the water opens up the possibility of creating attractive recreational facilities and living quarters by the river. As part of the workshop, visions and holistic strategies as well as suggestions for interventions for individually selected locations should be compiled.

разных стран. Итогом сессии стал серьезный вклад в обсуждение перспектив развития этого ценного полуострова. Во всех проектах особое внимание было уделено существующим объектам, «гению места». Все проекты представляют новые концепции мобильности, необходимые для территории. Все предложенные концепции нацелены не на монофункциональность, а на смешанное использование и динамичность кварталов. Во всех проектах делается акцент на идентичности территории, которая сегодня находится в заброшенном состоянии. В целом авторы проектов должным образом понимают, что городское планирование включает в себя не только разработку программ и размещение зданий на участке, но и стратегию интеграции различных участников процесса и реализации разнообразных идей путем создания сценария для долгосрочного планировочного процесса.

В то же время, все четыре проекта отличаются друг от друга интерпретацией участка и города Иркутска в целом, а также предложенными генпланами, что позволяет придать широкий потенциал будущему развитию территории.

Литература / References

1. Welterbeliste der UNESCO (n.d.). Retrieved October 7, 2013 from <http://www.unesco.de/welterbeliste.html>
2. Lontschakowa, Sh., & Chotulew, R. (2012). OAO Irkutsgiprodornii: Projekt planirovki zentralnoj tschasti goroda Irkutska. Irkutsk.

The session of Baikal Winter University in year 2018 brought once more young experts from different countries and various disciplines together. The outcomes are valuable contributions to the ongoing debate of perspectives of this precious peninsula. All projects are looking carefully at the existing structures, in order to enhance the genius loci. All projects are presenting new mobility concepts which are very much needed. All projects present such concepts that aimed not for monofunctional but mixed and vital districts. All projects present strong identities for the today neglected area. In common all authors very much understand that urban design is not only about defining programs and putting buildings on a site, but more over a strategy how to integrate different stakeholders and implement the manifold ideas by developing a „road map“ in order to guide a longlasting planning process.

However, the four projects differ – in interpretation of the site as well as of the whole city of Irkutsk as well in the proposed masterplans, and offer by that a wide range of potentials for future development.

Глазковская Стрелка (Затон): проблемы и перспективы развития /

текст
**Любовь Макогон,
Роман Селиванов**
подбор иллюстраций
**Любовь Макогон /
text**
**Lyubov Makogon,
Roman Selivanov**
illustrations selected by
Lyubov Makogon

Территория Глазковской Стрелки (Затона), безусловно, нуждается в освоении. В своей преподавательской деятельности мы вместе со студентами пытаемся воплотить и свои собственные амбициозные идеи, свое видение той или иной городской проблемы. Каждый проект всегда начинается с анализа контекста и пешеходно-транспортной ситуации, с выявления взаимосвязей с существующей застройкой и природным окружением.

Главная проблема города – транспортная, которая буквально парализует город в часы пик и неразрешима в нынешней ситуации. Оба въезда в центральную часть – и со стороны Иркутского моста, и со стороны Маратовского кольца – похожи на узкие бутылочные горлышки, где создаются огромные пробки. Эти мосты давно уже не справляются со своими задачами, а транспортная проблема требует кардинальных решений. Прежде чем застраивать перспективную во всех отношениях территорию, необходимо, во-первых, кардинально реконструировать улично-дорожную сеть. Во-вторых, вернуть водным и прибрежным территориям функции активной составляющей городской жизни, в том числе рекреационные, туристические, и коммерческие.

Мы со студентами уже несколько лет занимаемся территорией Глазковской Стрелки (Затона). В проектах ТПУ железнодорожного вокзала и «Обитаемого моста» через Ангару проанализированы все транспортные потоки, выявлены проблемы и предложены идеи и концептуальные подходы к их решению. Главная задача видится в поиске эффективного градостроительного предложения по реконструкции территории Затона. Вместе с ней мы предлагаем проекты объединения берегов Ангары и Иркутка так, чтобы пешеходные потоки «протекали» из Ботанического сада через Затон по мостам в центр города и набережную Ангары и далее к Ушаковке, где предполагается восстановить некогда уничтоженный Интендантский сад. Необходимо связать берега Иркутка, Ангары и островов в единый зеленый каркас города, наполнить их элементами благоустройства и ландшафтной архитектуры. Транспортная проблема для данного места не единственная: прилегающая территория имеет сложный рельеф с перепадом высоты 20 м от отметки полотна железной дороги вверх до ул. Джамбула и второй перепад высоты – еще

Представлены проекты разных лет студентов-архитекторов, выполненные под руководством архитекторов Макогон Любови Николаевны и Селиванова Романа Александровича, доцентов кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРНИТУ. Руководители рассказывают об их подходе к проектированию территории Затона, о проблематике, о путях решения архитектурно-градостроительных проблем и транспортной доступности, о требованиях и задачах, поставленных перед студентами.
Ключевые слова: концепция; Глазковская Стрелка; Затон; старый Иркутский мост; объект культурного наследия; связь времен; город для людей. /

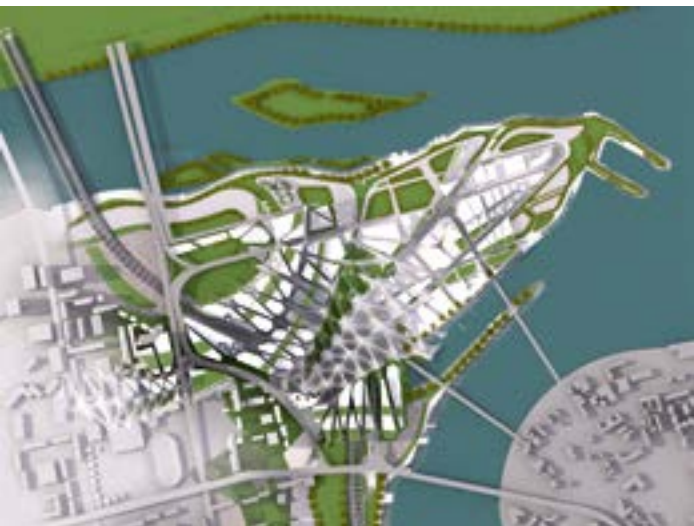
The article presents projects worked out in different years by architectural students under the supervision of the architects Lyubov Nikolaevna Makogon and Roman Alexandrovich Selivanov, assistant professors of the Department of Architectural Design of Institute of Architecture, Construction and Design of Irkutsk National Research Technical University. The supervisors speak about their approach to development of the Zaton territory, its problems, solutions of architectural and town-planning problems, transport accessibility, and the challenges facing the students.

Keywords: concept; Glazkovo Spit; Zaton; old Irkutsk bridge; cultural heritage site; link of times; city for people.

более 20 м – до уровня парка им. Парижской коммуны и застройки по ул. Маяковского. Чтобы связать эти части застройки, необходимо преодолеть и железную дорогу, и перепады высоты.

Во всех представленных проектах студентам было предложено использовать и реконструировать существующие дороги и продумать возможность строительства новых транспортных и пешеходных мостов, которые связали бы исторический центр с новым жилым районом. Например, новый мост через Иркут на месте разрушенного ранее и двустороннее движение по ул. 2-й Железнодорожной позволят убрать один поток транспорта из Студгородка и обратно в сторону Ново-Ленино и Ангарска с ул. Маяковского. Можно также перенаправить часть транспортных потоков из центра в Ново-Ленино через Затон. Второй – двухэтажный вантовый «Обитаемый мост» через Ангару вдоль старого Глазковского моста со стороны Затона. Реконструкция и расширение на ширину одной полосы (необходимый резерв территории есть) ул. Маяковского сделает ее на всем протяжении двусторонней и уведет с ул. Джамбула второй поток транспорта в Студгородок и в сторону Шелехова из центра и обратно. В проектировании третьего потока движения, проходящего сейчас по ул. Джамбула–Маяковского в сторону ж/д вокзала, возможны два варианта. 1). С Глазковского моста на Затон, далее – через существующий проезд под мостом и по набережной Ангары – возможно создание тупикового проезда к новой Речной пристани. Затем через воздушный переход, который мы предлагали в своих проектах ТПУ, можно будет пройти на площадь перед ж/д вокзалом. 2). Несколько сомнительным представляется вариант, предложенный в генплане: по ул. Маяковского до перекрестка с ул. Челнокова или по ул. Профсоюзной.

Прошедший I этап конкурса «Квартал XXI века» в качестве обязательного условия включал концертный зал. С точки зрения сложившейся архитектурно-градостроительной ситуации, особенностей климата и ландшафта расположение концертного зала на Затоне стало бы более выигрышным, чем в конкурсном проекте. Здесь можно создать более перспективное и функционально наполненное окружение. Так, например, большой открытый амфитеатр, комфортно расположенный на юго-вос-

^ Рис. 1. Проект реконструкции территории Затона. 2011 г.
Автор: Ануфриев Алексей

^ Рис. 2. Многофункциональный жилой комплекс. 2011 г. Автор: Ануфриев Алексей

Glazkovo Spit (Zaton): problems and future development

точном берегу Затона, будет надежно защищен высотной застройкой от неблагоприятных северо-западных ветров. Это создаст «открытое архитектурно обеспеченное пространство уличного театра, чтобы жить, развлекаться и отдыхать» (А. Г. Большаков). А пешеходный мост соединит пространство с историческим центром и сделает его доступным для всего города.

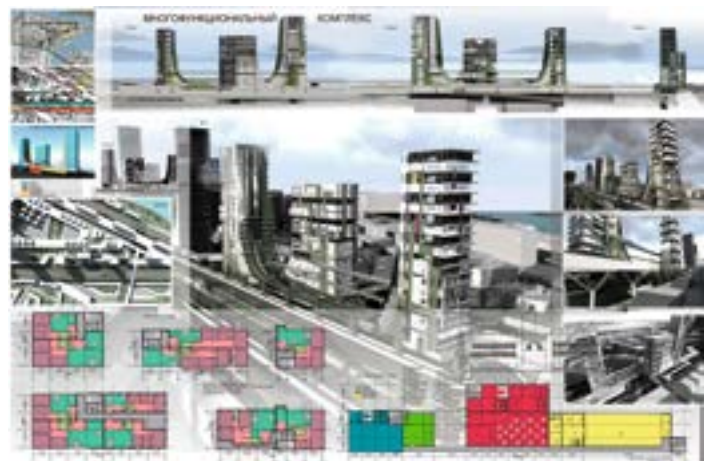
Хочется видеть на Глазковской Стрелке более урбанизированный центр города (см. Рис. 1–5), который станет не только административным и культурным центром областного значения с жильем повышенного комфорта, но и духовным центром города, а также центром притя-

< Рис. 3. Проект реконструкции территории Затона. 2011 г.
Автор: Запорожан Надежда

^ Рис. 4. Проект реконструкции территории Затона. 2011 г. Автор: Ильина Анна

^ Рис. 5. Многофункциональный жилой комплекс. 2011 г. Автор: Ильина Анна

жения для туристов: только с этого замечательного места можно увидеть всю панораму старого города и оценить его необычную красоту.

В концепции первого проекта Алексея Ануфриева (Рис. 1) предполагается перекрыть железную дорогу платформой, а все пути накрыть прозрачной оболочкой, тем самым полностью обезопасив их. Большой перепад рельефа в настоящее время является препятствием для создания дорожных развязок. Но в данном проекте он позволяет создать очень выразительную высотную и достаточно плотную застройку, террасами «перешагивающую» через железную дорогу и спускающуюся вниз. Застройка северного берега Затона защитит жителей от холодных северо-западных ветров, а юго-восточный берег позволит создать комфортную для проживания среду, насыщенную инфраструктурой, объектами общественного назначения и культурно-развлекательными функциями. Дороги на эстакадах, плавно спускающиеся вниз, соединят верхние террасы с нижними, а также существующую левобережную застройку с новым городским центром.

Еще один проект того же автора (Рис. 2) – это фрагмент застройки Затона с проектированием жилого комплекса, где можно увидеть более подробную проработку данной концепции. Несмотря на сложность архитектурных решений, проект заслуживает особого интереса и мог бы быть осуществлен.

Проект Надежды Запорожан также интересен с точки зрения архитектурно-пространственных решений и эстетически привлекателен своими сложными хитросплетениями пешеходных путей и мостов. Принципиальный подход к решению транспортных проблем аналогичен предыдущему проекту.

Автор мыслит сложными категориями и ему одному ведомыми образами, которые хочется понять. Ярко выраженный общественный центр спускается с горы от парка им. Парижской коммуны и распространяется по рельефу вокруг ул. Джамбула, над накрытой платформой железной дорогой и ведет по центру застройки к берегу Иркуты. Набережные живописны и наполнены разнообразными функциями для отдыха и развлечения жителей и гостей города. Сетчатый пешеходный мост связывает Затон с историческим центром города, ведет на набережную,

вливаясь в застройку по оси ул. Чудотворской (бывш. Богда). Данная концепция – пластичный отклик на живописную ландшафтную составляющую территории Затона. Структура складывается на основе диалога двух планировочных и формообразующих тем. Первая – практически статичная ячейка жилого двора; вторая – линейная динамичная структура общественного назначения. Первая берет свое начало от очертаний и габаритов дворов и дополняет их живописными контурами береговой линии. На северо-западе ячейки крупнее, и их этажность больше. Смещаясь к юго-востоку, они становятся ниже, уменьшаясь в профиле двора. Вторая тема вбирает в себя основные направления контекстуальных пересечений контуров линий застройки существующих кварталов и береговой линии, образуя динамичную многоуровневую структуру.

Стремлением к урбанизированной простоте и рациональности форм и, одновременно, к гармонии с природой отличается проект Анны Ильиной.

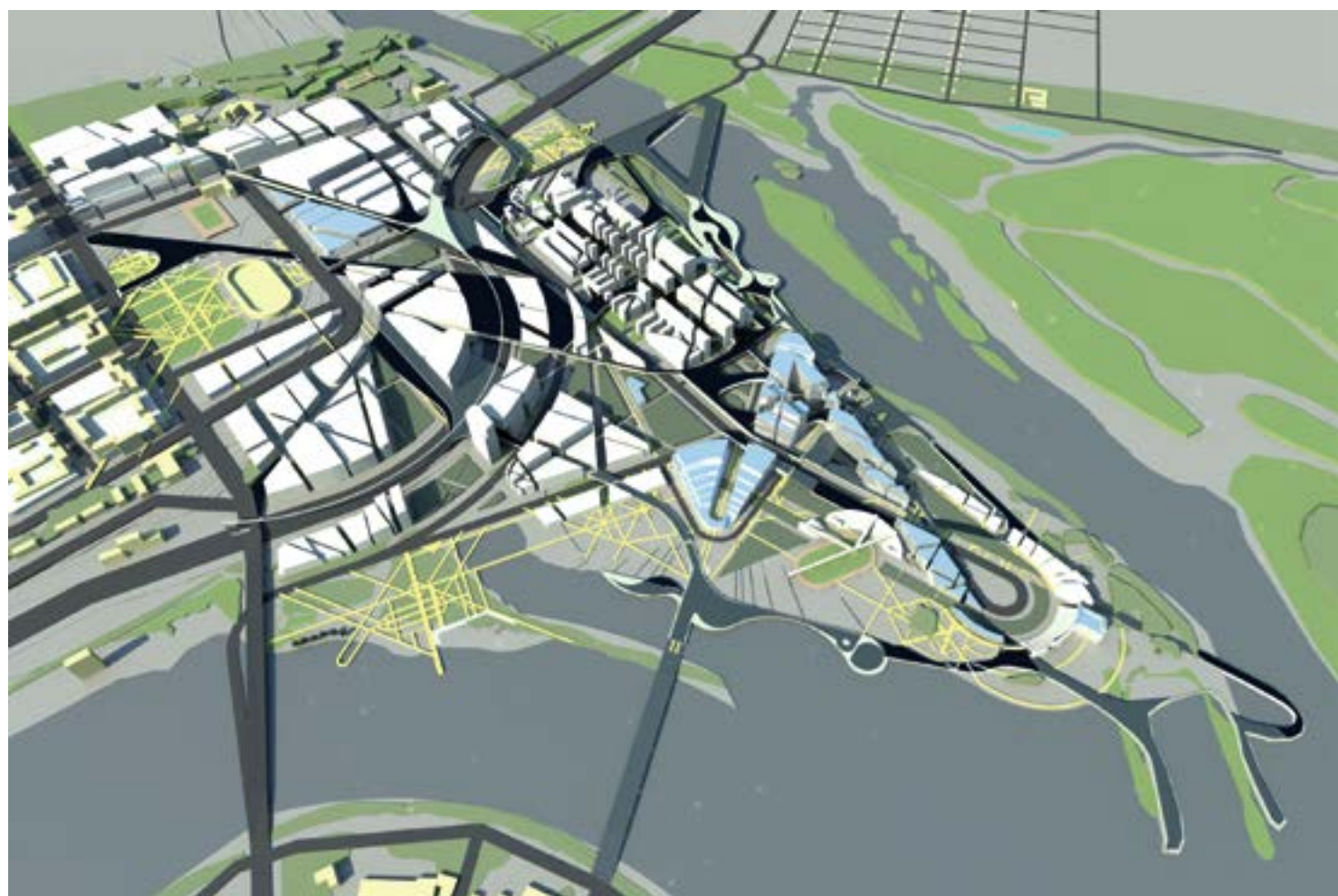
Принципиальный подход прежний, но, в отличие от других работ, здесь предложено достаточно радикальное решение транспортной проблемы: главная улица-магистраль полностью размещается на эстакаде, постепенно снижающейся к окончанию полуострова, что позволяет связать ее с верхними террасами практически в одном уровне.

Вся наземная территория отдана пешеходам, хотя, конечно, предусмотрены необходимые местные проезды. Многоэтажные гаражи-стоянки, «подвешенные» под основной магистралью, имеют воздушные переходы прямо к жилым домам. Северный берег – это также повышенная застройка на платформах (защита от наводнений) с закрытыми дворами. Южный берег – понижение этажности; здесь сосредоточены общественные зоны, объекты отдыха и развлечений, соединяющиеся пешеходным мостом через Ангару с историческим центром.

Общественный центр рассредоточен вдоль магистрали, на платформе над железной дорогой. Высотная застройка, начинаясь на верхней террасе, подчеркивает достоинства рельефа и естественного ландшафта и постепенно опускается вниз вдоль юго-восточного берега Затона.

< Рис. 6. Проект реконструкции территории Затона. 2011 г.
 Авторы: Мурик Екатерина и Соболева Валерия

Проект Екатерины Лялиной и совместный проект Екатерины Мурик и Валерии Соболевой отличаются ярко выраженными концепциями и говорят сами за себя. Принципиальные решения с транспортом и с рельефом подобны описанным выше.

^ Рис. 7. Проект реконструкции территории Затона. 2011 г.
 Автор: Лялина Екатерина

^ Рис. 9. Проект реконструкции территории Затона. 2016 г. Автор: Козорез Виктория.
Руководители: Макогон Л. Н., Селиванов Р. А.

^ Рис. 8. Проект реконструкции территории Затона. 2016 г.
Автор: Кривошеева Вероника.
Руководители: Макогон Л. Н., Селиванов Р. А.

Проекты студентов-бакалавров, созданные в 2016 году, доказывают, что, несмотря на значительно сократившееся время обучения, они также вполне достойны того, чтобы быть представленными в профессиональном журнале.

Концепция проекта Вероники Кривошеевой складывается на пересечении двух планировочных матриц. Первая берет свое начало от радиуса железной дороги, вторая – от оси улицы Чудотворской до точки пересечения с визуальным центром Затона.

В левой половине – накрытая платформой железная дорога с транспортно-пересадочным узлом и парком на ней. Далее по контуру парка-платформы располагаются административно-деловые кварталы из 4-х зданий каждый. По большому радиусу контуры структуры фиксируются жилые кварталы, окруженные парком-бульваром, пронизывающим и связывающим всю территорию полуострова вплоть до набережной юго-восточного берега. На треугольном участке внутри парка, в геометрическом центре Затона, размещен детский образовательный комплекс, состоящий из двух детских садов и средней школы. От неблагоприятных северо-западных ветров участок защищает линейно сформированный по контуру набережной многофункциональный жилой комплекс повышенной этажности.

Правая часть композиции решена в виде полукруга, органично вписанного в контуры полуострова. Полукруг поделен на три основных и два дополнительных сектора, очерчивающих центральное общественное пространство, которое имеет визуальную и пешеходную связь с центром Иркутска по оси ул. Чудотворской. В треугольниках, примыкающих к центральной площади, располагаются культурно-развлекательные учреждения областного и городского значения; в узких линейных сегментах второй части находится множество кафе, ресторанов, маленьких магазинчиков, галерей и т. д., в третьей части, замыкающей внешний контур полукругом, на первых двух этажах размещены объекты торговли, а на верхних этажах – жилье разной степени комфортности. В рамках рассматриваемой структуры, помимо трех доминирующих фрагментов застройки, запроектирован сегмент с жильем повышенной комфортности высотой не более

трех этажей, который граничит с одним из трех секторов и спускается к берегу Ангары на юго-восточной набережной.

Планировочная структура проекта Виктории Козорез складывается на пересечении двух пространственных решеток. Динамичные диагональные построения первой начинаются от живописной линии контура полуострова Затон. Вторая – от кварталов центральной части города – пешеходный мост по оси ул. Чудотворской. Предлагаемая концепция делит территорию Затона на три части. По северо-западному побережью запроектировано жилье повышенной этажности секционного типа, которое имеет в своей основе двory различного размера и конфигурации; центральная полоса состоит из общественных зданий разнообразной величины и этажности, которые на всем протяжении с востока на запад формируют своими очертаниями пешеходный бульвар. Береговая линия юго-восточного побережья отдана под застройку средней и малой этажности.

Транспортная схема решена очень лаконично. Единственная магистраль начинается на верхнем уступе, пролегает над железной дорогой, постепенно спускается на нижнюю платформу и обрамляет общественное ядро, с другой стороны примыкая к жилым массивам с севера и юга. В центральной части полуострова запроектировано общественное парковое пространство, объединяющее все три полосы в виде диагонального перекрестия бульваров. Пространство над железной дорогой не решено.

Планировочная структура проекта Екатерины Прокопьевой строится на пересечении динамичных диагональных построений, берущих свое начало от линии контура полуострова. Выявлена пропорциональная закономерность, в рамках которой территория делится на части, оставаясь при этом целостным образованием. Предлагаемая концепция также делит территорию Затона на три части: северо-западную, центральную и юго-восточную. Это решение предложено исключительно из соображений максимально эффективной транспортной схемы полуострова. Эта схема обеспечивает короткие связи внутри территории и минимальное количество дорог и исправляет ситуацию Иркутска, когда город отсекается от набережной магистралями. Вдоль северо-за-

< Рис. 11. Проект реконструкции территории Затона. 2016 г.
Автор:
Голомедова Елизавета.
Руководители:
Макогон Л. Н.,
Селиванов Р. А.

падного побережья запроектировано жилье повышенной этажности секционного типа, которое имеет в своей основе дворы различного размера и конфигурации, а также общественные комплексы административно-делового назначения и торговли. Центральная полоса включает в себя жилые кварталы средней этажности и общественные здания культурно-развлекательного характера. Береговая линия юго-восточного побережья отдана под застройку средней и малой этажности и общественные здания культурно-бытового назначения: магазины, кафе, рестораны, галереи. В плотную планировочную структуру застройки включены четко очерченные «зеленые» клинья парков, скверов и бульваров, соединяющие всю территорию в поперечном направлении.

Композиционно-планировочный рисунок концепции Елизаветы Голомедовой также складывается из взаимодействия планировочных решеток радиуса железной дороги и кварталов центра города на противоположном берегу, наложенных на сетку равносторонних треугольников.

Главная улица, которая обеспечивает транспортную доступность территории, начинается от оси ул. Чудотворской из центра города через мост, продолжается посередине территории вдоль северо-западного берега, затем поворачивает и уходит вверх над железной дорогой к ул. Джамбула, вливаясь в движение согласно новому генплану Иркутска. Функционально-планировочная структура складывается из двух частей. Вдоль магистрали – административно-деловая зона. Жилая зона от 4 до 12 этажей, общественный центр, малоэтажная жилая зона повышенной комфортности. Набережная-бульвар живописно окаймляет общественный центр и жилые массивы и объединяет территорию Затона с прилегающими территориями Ботанического сада, центральных кварталов города и набережной левого берега Ангары.

В представленных работах показаны только основные фрагменты проектов. Крупный масштаб позволяет рассмотреть их более внимательно и увидеть принципы, на которых основаны планировочные структуры застройки, берущей свое начало в историческом центре и учитывающей особенности естественного рельефа местности и живописные ландшафты акваторий рек. В проектах есть

и ошибки, но важнее их достоинства и оригинальные концепции.

Одной из главных задач, которую мы ставим перед нашими студентами, является ориентация на человека, его физические и духовные, интеллектуальные и эстетические потребности. Люди остаются, несмотря на урбанистические теории, хотя бы в глубине души детьми природы, поэтому красота по-прежнему может затрагивать тонкие струны души человека.

v Рис. 10. Проект реконструкции территории Затона. 2016 г.
Автор:
Прокопьева Екатерина.
Руководители:
Макогон Л. Н.,
Селиванов Р. А.

Сведения о проекте:**Архитектор:**

(Томас Хезервик)
Thomas Heatherwick

Покровитель:

Йохен Цейтц

Локация: V & A Waterfront,
Silo District, South Arm
Road, Waterfront, Кейптаун,
8002, Южная Африка

Площадь застройки:

9500 м²

Год: 22.09.2017

Тип: музей

Фотографии: Иван Баан

Источники:

www.nytimes.com

www.theguardian.com

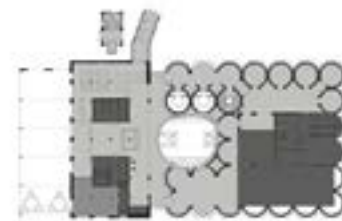
www.archdaily.com

В сентябре 2017 года в Кейптауне (ЮАР) открылся один из крупнейших в мире музеев современного искусства Zeitz Museum of Contemporary Art Africa (Zeitz MOCAA), который расположен в заброшенном городском элеваторе.

Элеваторное зернохранилище в 1920-е годы считалось самым высоким зданием города. Экспозиционные пространства Zeitz MOCAA, напоминающие трубчатые срезы (сам архитектор называет их сводами собора), формируются вокруг гигантского атриума площадью 6000 м², вознесшегося на высоту 27 м. В проемы вставлены граненые выпуклые окна, создающие визуальный эффект калейдоскопа, что делает пребывание в музее еще более фантастическим.

В здании бывшего элеватора также функционирует пятизвездочная гостиница The Silo.

Дайджест / Digest

Проект современного жилого здания финского бюро PAVE Architects, который был создан из реконструированного цилиндрического зернохранилища в районе Torppilansami (Оулу, Финляндия), дал новую жизнь старому району.

Начиная с первых этапов реализации, характер проекта кардинально менялся: часть старых дополнительных конструкций пришлось демонтировать из-за плохого состояния. Эти преобразования помогли реализовать смелые решения для интерьеров, представленных «умными» однокомнатными квартирами и просторными лофтами. Всего новый жилой дом вмещает в себя 95 квартир.

Крыша дома оборудована общественной сауной и уютной террасой. Фасад здания выполнен с использованием отражающего черного и серого фасадного стекла.

Двор предлагает интригующие виды на структуру и красочный пожарный выход. Изысканные, контрастные материалы вокруг создают поистине незабываемое пространство.

Сведения о проекте

Архитекторы: PAVE

Локация: Оулу, Финляндия

Ведущие архитекторы:

Пейв Микконен, Кай Рухонен, Мартиена Виримаа, Пекка Туоминен

Площадь застройки:

7700 м²

Год: 2014

Тип: жилое здание

Заказчик:

Калевала Ракеннус Ой

Источники:

www.archdaily.com, his.ua

В разделе «Конверсия по-европейски» помещены две почти дублирующие истории о превращении тюремных замков в новый городской квартал (Германия) и сад (Великобритания). Обновленный немецкий квартал сумел органично встроиться в структуру ядра имперского города за счет размещения в историческом здании образовательных учреждений с одновременным усилением торговой функции, а английский сад стал воплощением гармонии старых кирпичных стен и анфилады растительных интерьеров. Большая статья нашего постоянного автора из Франции Кристиана Хорна рассматривает регенерацию промышленных объектов и зон как альтернативу строительству «с нуля». В современной постиндустриальной Европе (включая Россию) конверсия в целом ряде случаев выглядит более дальновидной и экономной политикой.

Блок завершается масштабным примером конверсии промышленного объекта в центре Москвы в Хамовниках. Объект номера – бывшая ткацкая фабрика «Красная Роза», превращенная в современнейший многофункциональный комплекс. История протяженностью в четверть тысячелетия здесь уживается с IT-технологиями Яндексa, а проницаемость обновленного квартала подтягивает уровень прилегающих улиц к фешенебельному.

Елена Григорьева

конверсия по-европейски / european-style conversion

In the section “European-style conversion” there are two almost detective stories about transformation of prison castles into a new urban quarter (Germany) and a garden (Great Britain). The renovated German quarter was seamlessly integrated into the structure of the core of the imperial city thanks to the placing of education institutions in the historical building together with strengthening the trading function. The English garden became the embodiment of harmony between the old brick walls and the enfilade of green interiors.

A long article by our permanent author from France, Christian Horn, reviews regeneration of industrial facilities and areas as an alternative to building on Greenfield. In the present-day postindustrial Europe (including Russia) conversion often looks like a far-seeing and cost-effective policy.

The section is culminated by a large-scale example of conversion of industrial facilities in Khamovniki, downtown Moscow. The object of the issue is a weaving factory “Red Rose” transformed into a contemporary multifunctional complex. Its history that is as long as a quarter of the millennium coexists with Yandex information technologies, while the permeability of the renewed quarter improves the level of adjoining streets.

Elena Grigoryeva

Описывается возникновение на месте бывшей тюрьмы в центре города нового городского квартала, который непосредственно входит в структуру исторического ядра имперского города. В результате усилилось значение нового городского квартала за счет размещения в историческом здании образовательных учреждений с одновременным усилением торговой функции центра города.

Ключевые слова: Швебиш-Халль; тюрьма; «Квартал Кохер»; конкурс на архитектурно-градостроительную концепцию; реновация территории; муниципальный совет; городское сообщество; управление по охране памятников. /

This is a story of a new urban quarter that appeared on the site of the former prison in the center of the city. The quarter is a part of the structure of the historical core of the Empire city. The new city quarter became more significant due to the educational institutions located in the historical building, as well as strengthening of the trading function of the city center.

Keywords: Schwabisch Hall; prison; Kocher Quarter; architectural and town-planning concept; renovation of the territory; municipal council; city community; monuments preservation department. /

История о том, как «Отель Кохер» превратился в «Квартал Кохер»... /

текст и фото
Светлана Середёнкина /
text and photo
Svetlana Seredenkina

«...Николай Александрович Фандорин перевернул ломкий лист, покрытый ровными строчками буро-коричневого цвета. То, что почерк был старинным, а чернила выцвели, беглому чтению не помешало. У магистра истории имелся большой опыт расшифровки старинных документов, часто находившихся в куда худшем состоянии... «Благородной Госпоже Оберкоммерцсоветнице Беттине Мёнхле, урожденной Баронессе фон Гетц в Ее собственные Руки. Замок Теофельс близ Швебиш-Халля».

Книгу Б. Акунина «Сокол и ласточка» я прочла в 2009 году; в Швебиш-Халль (местные жители называют его Халль) впервые попала в 2007 году и с тех пор каждый раз, бывая в Германии, непременно приезжаю сюда. Мой первый вопрос при взгляде на город: «Здесь не было войны?». Была, но городу повезло: его не бомбили; на этих улицах не было даже танков, и до наших дней сохранились некоторые здания XII-XIII веков. Освобождение американскими пехотными войсками Швебиш-Халля, а также узников халльской тюрьмы, о которой и пойдет речь ниже, произошло 17 апреля 1945 года.

На протяжении последних 160 лет встречающееся в обращении словосочетание «Отель Кохер» означал тюрьму, расположенную на Фрошенграбен в городе Швебиш-Халль. Торжественное открытие 31 марта 2011 года по этому же адресу «Квартала Кохер» стало поводом, чтобы заглянуть в историю мрачного сооружения.

До сегодняшнего дня рассказывают анекдот, что, когда вюртембергский король поставил жителей Халля перед выбором между казармой и тюрьмой, они решили в пользу последней, так как от этого ожидалась меньшая угроза для добродетели их дочерей. На самом деле такого выбора не было. Когда Вильгельм I в 1839 году распорядился построить новую тюрьму, основой этого решения стал вступивший в силу новый уголовный кодекс и последовавшая вслед за ним реорганизация пенитенциарной системы. В городе, где размещался верховный суд, было предложено поместить соответствующее учреждение. К этому добавился энтузиазм горожан, надеявшихся, что с новым строительством возродятся и ремесла.

Начавшаяся в 1843 году стройка полностью была закончена в 1849. Уже с 1846 года учреждение функционировало по своему прямому назначению. Оно представля-

ло собой сооружение, состоявшее из нескольких блоков. В центре размещалось здание тюремной администрации, справа и слева, соответственно, блоки для мужчин и женщин, позади – блок для несовершеннолетних. «Строгое, справедливое и гуманное обращение, направленное на нравственное улучшение заключенных», – так декларировалась работа учреждения, ставшего образцово-показательным для всей системы. Для заключенных были предусмотрены школьные занятия, кроме того, они должны были обучаться ремеслам и заниматься полезным трудом. Поэтому на территории тюрьмы появились мастерские: переплетные, ткацкие, слесарные и пекарня. У местных ремесленников это вызвало большое недовольство, так как вместо покупателей собственной продукции они получили конкурента, имеющего возможность устанавливать на свой товар свободную цену. К 1850 году в тюрьме содержалось 550 заключенных; персонал состоял из начальника тюрьмы, двух священников, одного врача, двух учителей, одиннадцати надсмотрщиков и четверых надзирателей. По своему прямому назначению учреждение работало вплоть до конца 1990-х годов. Хотя уже с 1961 года, в первую очередь из-за проблем с безопасностью и отсутствием рентабельности, федеральные власти начали вести разговор о переносе тюрьмы. В этом случае муниципалитет получил бы ценные с градостроительной точки зрения территории, так как за почти два прошедших века границы города значительно расширились. «Отель Кохер», очутившись, таким образом, в самом его центре, своими высокими стенами, решетками и сторожевыми вышками мешал котрыточному» виду и препятствовал развитию бизнеса. Проведенный в 1982 году архитектурный конкурс, а также передача земельного участка муниципалитету в 1986 году мало способствовали решению назревшей проблемы. Из-за финансового кризиса и отсутствия инвесторов городские власти вернулись к вопросам проектирования на этой территории только в 2002 году. Был проведен очередной конкурс на архитектурно-градостроительную концепцию реновации территории; в качестве основной задачи условиями конкурса предписывалось расширение центральной части и использование новой территории под объекты торгового и административного назначения. В конкурсе участвова-

v План размещения торговых площадей в уровне 1 этажа,
> Август 2008 года, на стене тюрьмы размещен стенд с информацией о проекте

The Story of How the Hotel Kocher Turned into the Kocher Quarter...

ло 131 архитектурное бюро; победителем конкурса жюри определило бюро Жаклин Бохуш. Основным положением проекта-победителя было полное разрушение здания, являющегося памятником архитектуры, и соответствующее новое строительство, при котором планировалось создание 18 000 м² торговых площадей. Кроме того, проектом предусматривалось строительство кинотеатра, жилых домов и офисов. После этого последовал протест не только со стороны управления по охране памятников, но и со стороны жителей, считавших тюрьму частью истории своего города и требовавших сохранить здание. Против проекта выступили и местные предприниматели, считавшие, что предусмотренные проектом 18 000 м² торговых площадей будут представлять собой существенный перевес в ущерб существующим торговым точкам, размещенным в первых этажах исторических зданий в центре города. По результатам проведенных публичных слушаний проект был отклонен.

При переговорах возможные инвесторы по застройке территории требовали, исходя из собственных экономических обоснований, торговые площади от 15 000 до 20 000 м². Но по заключению экспертизы, проведенной обществом маркетинговых исследований, и с учетом существующих торговых площадей в центре города максимальная нагрузка на эту территорию была установлена в 12 000 м² торговых площадей. 21 января 2008 года после многочисленных переговоров с частными инвесторами городской совет принял решение поручить разработку нового проекта, предусматривающего, в первую очередь, уменьшение количества торговых площадей, компании GWG (Grundstücks- und Wohnungsbaugesellschaft). По новому проекту на месте бывшей тюрьмы в центре города должен был появиться новый городской квартал, получивший название «Квартал Кохер», который входил в структуру исторического ядра имперского города. В непосредственной близости к реке Кохер, прежде всего, к исторической городской стене и, кроме того, при наличии памятника архитектуры планировщикам удалось создать четкие ориентиры и продолжить существующие оси улиц. Предлагаемое планирование предусматривало сохранение части здания бывшей тюрьмы вдоль улицы Салинштрассе. Проектируемые позади него новые четыре

v Апрель 2009 года – строительные краны в исторической панораме Швебиш-Халля

^ «Красный куб» инфоцентра,

^ Внутренняя пешеходная улица квартала Кохер, ведущая к плазе

здания по своим объемам и внутренним открытым улицам аналогичны существующим в центре города и по высоте, и по членению структуры. В «Квартале Кохер» появился свой центр, отправной точкой которого стал стеклянный куб с размещенными в нем коммуникациями: лифты и лестницы, ведущие из подземной парковки, общественные санузлы, инфоцентр, а также технические помещения. Квартал раскрывается на север и заканчивается приглашающей к отдыху плазой перед зданием банка.

С реализацией этого проекта город получил уникальный шанс для своего развития. На площади в 2,5 га появилась торгово-общественная зона примерно с 10 000 м² торговых площадей, 2 000 м² жилья, 1 000 м² офисных помещений, медицинский центр, здание банка VR-Bank и подземная парковка на 550 мест. В корпусах тюрьмы провели реконструкцию. Сейчас здесь располагаются образовательные учреждения: дом образования, народный университет, музыкальная школа. На прилегающей территории разместился центральный автовокзал. Созданная безбарьерная среда повышает привлекательность этого места.

При участии муниципального совета, городского сообщества и управления по охране памятников смогло появиться привлекательное решение, которое гармонично вписалось в центральную часть города и, одновременно, создало возможность развить и усилить торговые функции центра города, а размещаемые в историческом здании образовательные учреждения усилили центральность и значимость нового городского квартала. Таким образом, «Квартал Кохер» представляет собой успешную, удачную альтернативу реализованным во многих местах закрытым торговым моллам и может служить примером того, как, следуя хорошей халльской традиции, качественно соединить друг с другом старое и новое.

< Въезд в подземный паркинг примыкает непосредственно к жилым домам из средних веков

^ Апрель 2011, завершаются отделочные работы в квартирах

^ На окнах тюрьмы сохраниены даже решетки

v Ноябрь 2014, новая историческая панорама Швебиш-Халля

↑ Замок Сиссингхерст в XVIII веке

Описывается история возникновения и эволюция садов замка Сиссингхерст. Дается характеристика владельцев замка и стилей, в которых выполнены фрагменты садов.

Ключевые слова: замок Сиссингхерст; история; Вита Сэксвилл-Вест; Гарольд Николсон; садово-парковое искусство; английский сад; Белый сад. /

The article presents the history and evolution of the gardens of Sissinghurst Castle. It features the owners of the castle and the styles of some fragments of the garden.

Keywords: Sissinghurst Castle; history; Vita Sackville-West; Harold Nicolson; garden and park art; English garden; the White Garden.

Как тюрьма превратилась в сад / How a Prison Transformed into a Garden

текст
Ольга Смирнова /
text
Olga Smirnova

Вообще-то она не всегда была тюрьмой. Сначала она была замком. Этот замок под названием Сиссингхерст (Sissinghurst) построил на месте древнего норманнского поместья в XVI веке сэр Джон Баккер, один из тайных советников Генриха VIII. Строительство было продолжено его сыном Ричардом.

Но в XVII веке эта семья по каким-то причинам полностью прекратила свое существование. Наследовать замок оказалось некому, так что через два века после появления замка на свет, то есть в XVIII веке, во время Семилетней войны англичане превратили заброшенный замок в тюрьму. В ней они содержали три тысячи пленных французов. Говорят, что те так ухайдакали замок, что после окончания войны англичане даже не стали расчищать эти авгиевы конюшни, а просто снесли большую часть строений.

После этого здания использовались уже всяко-разно: то в них размещался рабочий дом, то там жили работ-

ники соседних ферм. Никакое из этих использований оставшиеся здания не украшало, а только способствовало их разрушению.

Прошло еще два века со времени рождения замка, и в 1930 году туда заявила 38-летняя аристократка, красавица и поэтесса Вита Сэксвилл-Вест, уже два года как имевшая к тому времени британскую литературную Готорнденскую премию за поэму «Земля». Она искала место для отдохновения души, то бишь для скромного жилья. По ее словам, она сразу же влюбилась в эти развалины и представила себе, что из них можно сделать.

А ей тогда было очень нужно получить что-то для этого самого душевного успокоения, хотя бы отдаленно подобное тому, что она потеряла. Потому что за два года до этого Вита потеряла огромнейшую усадьбу Ноул Хаус (KnoleHouse) в 4 км² размером вместе с домом, в котором было 365 комнат и 52 лестницы (по числу дней и недель в году). В этом доме она родилась и выросла, потому что в нем жили и им владели ее родители, потомки короля Генриха III, а она была их единственной дочерью. Она очень любила свой дом и парк, но английские законы не позволяли в то время наследовать имущество по женской линии, и эта привычная Вите роскошь после смерти ее отца лорда Сэксвилла перешла к ее кузену.

Ко времени своего первого посещения развалин Сиссингхерста Вита уже 17 лет была замужем за английским дипломатом Гарольдом Николсоном, также потомком Генриха III. Так что решение о переезде в усадьбу площадью 2,8 км² принадлежало им обоим.

Надо сказать, что оба супруга были настолько неординарными людьми, что, когда углубляешься в их биографии, вообще не понимаешь, как они могли вместе жить. Взять хотя бы то, что оба были гомосексуальны и свои романы на стороне не скрывали ни друг от друга, ни от общественности. Особенно этим славилась Вита. Один из ее романов, с известной писательницей Вирджинией Вульф, вообще входит даже в самые краткие биографии обеих дам. А как же иначе? Ведь прототипом главного героя известного романа Вирджинии Вульф «Орlando» послужила Вита, а Вита получила свою вторую литературную премию за стихи, навеянные образом Вирджинии. Вита как писательница при жизни была более известна,

v Сад отгорожен от прекрасного пейзажа глухими зелеными стенами

^ Аккуратно подстриженные плотные живые изгороди поднимаются высоко над головами посетителей

чем Вирджиния, хотя и понимала, что подруга сильнее ее в литературе. Вообще Вита написала более сорока книг, в том числе и по садоводству. Муж Виты тоже писал книги, но большей частью документальные – исторические или биографии известных людей.

И вот такие люди не только уживались друг с другом, но и родили двоих сыновей, и, судя по их переписке, относились друг к другу с нежностью и были, на мой взгляд, счастливы вместе.

Зачем я все это рассказываю? Да потому, что эта их сложность характеров отразилась и в комплексе садов, совместно ими созданных.

Имея совершенно разные взгляды на садоводство, но будучи поклонниками садов, созданных Гертрудой Джекилл, они нашли компромисс, который и породил их сад.

Так, Гарольд был одержим порядком. Вита порядок не жаловала. Компромисс – строгие рамки бордюров из стриженного тиса, которые распланировал Гарольд, и в этих рамках, как в прямоугольных вазах – буйство неожиданных и как бы случайно возникших растений – творчество Виты. Приводящий в тупик унылый коридор из стриженной туи, в котором стоит какая-нибудь ваза (давно немодный регулярный стиль) – это характер Гарольда; буйство красок так называемого «Деревенского сада» – это темперамент Виты.

Меня поразил факт, что Гарольд самолично стриг аллею из лип, кроны которых он превратил в плоские прямоугольники. Он делал это каждое утро! И зачем? Для того, чтобы получить аллею, ведущую из ниоткуда в никуда. Просто ради порядка? Но сохранилось письмо Виты к мужу, в котором она писала про эту аллею, что под деревьями расцвели цветы, и когда она их видит, то понимает, как сильно она его, Гарольда, любит. Мне из моей Сибири ну абсолютно не понять, для чего надо сажать цветы под плоско сформированными липами, когда их можно просто посадить на солнышке, тем более, что места в усадьбе хватает. Короче, какой бы то ни было логики в замыслах этой пары я уловить не могу. Но им их сад нравился! Они его делали для себя.

И Вита, как и ее муж, тоже физически трудилась в саду, хотя у них был и садовник, и просто садовые рабочие. Так что остается только признать: этот, ну очень, на мой

v Хозяйка сада установила в нем свой скульптурный автопортрет

^ Хозяевам сада, видимо, было не чуждо чувство юмора

^ Аллея, ведущая в тупик

v Из Белого сада хорошо видна башня, в которой жили хозяева усадьбы

взгляд, странный сад и есть отражение их странных характеров.

Наверное, такими странными и надо было быть, чтобы жить в башне. А они реально жили в высокой замковой башне, где на каждом этаже помещается только одна комната. Это ж надо постоянно ходить вверх-вниз, вверх-вниз! И им, и прислуге. Лифтов-то в башне как не было, так и нет.

Когда мы поднялись в эту башню, я отметила еще одну черту этой пары, которую расценила как характерную для всех английских садов, за исключением садов Черчилля. Это замкнутость на себе, отгороженность от остального мира, отсутствие даже легкого поползновения на создание дальнего вида или – тем более – панорамы. Ведь казалось бы – огромная территория; заранее известно, что она будет просматриваться сверху. Но внизу виден лабиринт из многодельных и скучных зеленых стен из стриженной туи. О чем они? Только о том, как трудно их сделать такими ровными и такими скучными.

Там же, между этими стенами еще есть и коридоры, по которым ну совершенно незачем и скучно ходить, смотреть в них тоже совершенно не на что, но они есть! Зачем? А вот, видимо, они как-то отражают странный характер хозяина.

Вот как-то так проживая свою частную жизнь, супруги делали среди этих просторов свои маленькие сады как отдельные, замкнутые комнаты, которые по-разному декорировали. Хотя с моей колокольни мне казалось, что на территории почти в три квадратных километра уж можно было бы развернуться. Но нет, не развернулись.

В литературе пишут, что эти садовые комнаты Виты и Гарольда все разные, хвалят их до изумления. Я, говоря честно, особой разницы в них не заметила. Что реально понравилось, так это Белый сад. Вот тут Вита, на мой взгляд, действительно, была новатором. Сделать монохромный сад, да еще посвятить его, казалось бы, такому простому цвету, как белый, показав его оттенки, формы, которые он принимает, и подчеркнув его великолепие редкими вкраплениями других цветов – это да, впечатляет. И сейчас на выставках садов в Челси, которые я посещала, я видела белые сады и понимала, откуда авторы «зачеркнули» идею.

^ Старинные стены замечательно обыграны растениями

^ Аллея из стриженных лип ведет из ниоткуда в никуда

Впечатлило меня в этом саду и отношение к стенам. Эти старые-престарые кирпичи, которые, если у нас где-то встречаются, смотрятся откровенно ужасно, там так обыграны растениями, что кажутся не просто полноправными участниками пейзажа, но его изыском.

А главная мысль, которую я вынесла из посещения этого сада – вот же, возможно счастье и компромиссы между совершенно, казалось бы, несовместимыми личностями, если им интересно друг с другом, если их объединяет какая-нибудь общая страсть. То есть получается, ту тюрь-

му, которую должна уготовить судьба такому странному браку, можно превратить в цветущий сад.

Вита покинула этот мир, когда ей было семьдесят лет. Гарольд, будучи старше нее на шесть лет, пережил ее на шесть лет. После смерти Виты в сады Сиссингхерст стали пускать посетителей. Их с каждым годом становилось все больше. В саду даже представлен график количества посещений, который все время ползет вверх. А посетители первых лет оставили воспоминания, что видели на ступенях башни сидящего старика, по щекам которого текли слезы.

< Один из характерных уголков сада, где дорожка упирается в стену

Рассматривается феномен конверсии кайзерского склада Гамбургской гавани и появление Эльбской филармонии. Описывается ее архитектура, особенности включения филармонии в культурную жизнь Гамбурга и разнообразие культурных функций, запроектированных архитекторами.

Ключевые слова: Гамбург; Эльбская филармония; Jacques Herzog & Pierre de Meuron; Yasuhisa Toyota; Плаза. /

The article features the phenomenon of conversion of the Keizer's warehouse in Hamburg harbor and the appearance of the Elbe Philharmonic Hall. The article reviews the architecture of the Philharmonic Hall, peculiarities of its inclusion in the cultural life of Hamburg and the diversity of its cultural functions envisaged by architects.

Keywords: Hamburg; Elbe Philharmonic Hall; Jacques Herzog & Pierre de Meuron; Yasuhisa Toyota; Plaza.

Волшебная гора Гамбурга / The Magic Hamburg Mountain

текст
Светлана Середёнкина
фото
Петер Фойстель/
text
Svetlana Seredenkina
photo
Peter Feustel

Во время прогулки по Гамбургской гавани на баркасе «Регина» ее капитан, старый морской волк, о каждой достопримечательности Гамбурга держит наготове свою историю. Когда баркас пришвартовывается у Эльбской филармонии, он начинает рассказ так: «Как-то у нас был красавчик блондин, который звался бургомистром, который с бутылкой виски на моем борту поведал о том, что на месте старого склада он хочет за 77 миллионов евро инвестиций построить филармонию. Тогда я подумал, что это бредовая идея, да и бургомистра этого уже давно нет на посту. В 1875 году здесь был построен самый большой в то время склад Гамбургского порта – кайзерский склад, 19 000 квадратных метров складских площадей. Здание, получившие значительные разрушения во время второй мировой войны, в 1963 году было взорвано, и на его месте в 1966 году возведен новый склад по проекту гамбургского архитектора Вернера Кальморгена. До 1990-х годов здесь хранились какао, табак и чай. А 11 января 2017 года состоялось официальное открытие филармонии». Впрочем, пассажирам уже не до того: все дружно фотографируют маленькое чудо, полностью преобразившее ганзейский город и придавшее Гамбургу новый виток развития. Так, например, летом 2017 года здесь прошел саммит G20.

В филармонии дают концерты величайшие оркестры мира и мировые звезды: Густаво Дудамель, Риккардо Мути, Марис Янсонс, сэр Саймон Рэттл, Йонас Кауфман, Юя Ванг, Анне-Софи Муттер. Среди зрителей были канцлер Ангела Меркель, принц Уильям и Кейт Миддлтон, Вуди Аллен, Билл Мюррей, Паоло Конте. Место стало настолько знаковым, что именно в Эльбской филармонии состоялся предпоказ коллекции Chanel сезона осень-зима 2018 от знаменитого гамбуржца Карла Лагерфельда.

Многие архитекторы называют здание Эльбской филармонии одной из лучших построек за последние годы, а «Нью-Йорк Таймс» даже включила Гамбург в десять лучших туристических и культурных направлений в 2017 году. По посещаемости филармония бьет все рекорды: уже более 530 000 человек купили концертные билеты, и в среднем около 16 000 человек ежедневно наслаждаются сказочным видом с Плазы, устремляясь в этот

новый городской квартал, который, несмотря на свое центральное расположение в структуре города, по сути, в последние десятилетия являлся лишь его безжизненным придатком.

Помимо непосредственно филармонии, в состав которой вошли два концертных зала и несколько музыкальных студий, в восточной части здания находится «The Westin Hamburg», отель с 244 номерами, в том числе люксами, рестораном, баром, спа-центром и конференц-залом, а в западной – 45 апартаментов со стеклянными фасадами и балконами, с захватывающими дух видами на Эльбу, порт и город.

Для Эльбской филармонии авторства Jacques Herzog & Pierre de Meuron прообразами послужили три модели: античный театр в Дельфах, спортивная архитектура стадионов и палатка. В большом зале на 2100 мест сцена расположена в центре зала и окружена террасами рядов для публики; над сценой парит большой звуковой рефлектор, 10 000 настенных и потолочных элементов выполнены из натуральной бумаги и обеспечивают уникальную акустику концертного зала (акустическое проектирование выполнено Yasuhisa Toyota). Уютный и универсальный зал вместимостью до 550 мест идеально подходит для исполнения шедевров камерной музыки, сольных концертов, джаза. Гибкая система расстановки кресел и хорошее техническое оборудование зала позволяют использовать его для самых различных целей. Три музыкальные студии, расположенные на 2 и 3 этажах и вмещающие до 150 посетителей каждая, являются местом для лекций, семинаров, репетиций и исполнения экспериментальной музыки. Кроме того, в филармонии посетители ожидают разнообразные гастрономические предложения, представленные в ресторанах и барах, расположенных на двух этажах.

И все же основным центром притяжения этого здания является общедоступная Плаза – смотровая площадка на высоте 37 метров, своеобразный «шов», расположенный на стыке между старым складом и новым стеклянным объемом филармонии. Гамбуржец или турист, меломан или гость отеля – смотровая площадка приглашает каждого посетителя прогуляться и насладиться панорамой города и порта.

В основу статьи положено интервью, которое Фрэнк Гери дал Георги Станишеву в 1998 году. Мастер деконструктивизма раскрывает основы своего творческого метода, в котором яркая индивидуальность сочетается с постепенным поиском архитектурного решения в сложном, многостороннем диалоге. Результатом становится глубокая конверсия смыслов не только локального архитектурного пространства, но и целого города.
Ключевые слова: архитектура; деконструктивизм; история; теория, Фрэнк Гери; Георги Станишев. /

The article is based on the interview with Frank Gehry conducted by Georgi Stanishev in 1998. The master of deconstructivism reveals the foundations of his creative method, in which his distinctive personality combines with gradual search for an architectural decision in a complex many-sided dialogue. It results in a conversion of senses not only of the local architectural space, but also of the whole city.

Keywords: architecture; deconstructivism; history; theory; Frank Gehry; Georgi Stanishev.

< Фрэнк Гери / Frank Gehry

Фрэнк Гери: «Я не занимаюсь архитектурными фантазиями» /

ТЕКСТ
Георги Станишев /
 text
Georgi Stanishev

v Этьен-Жюль Марей.
 Движения прыгуна с шестом. Хронофотография на неподвижной пластинке. Способ показа движущихся объектов, повлиявший на творчество итальянских футуристов, ок. 1890. Архив Коллеж де Франс, Париж / Étienne-Jules Marey. Movements in Pole Vaulting. Chronophotography on a fixed plate. Approximately 1890. Collège de France's Archives. The mode of exhibiting moving objects that influenced the works of Italian futurists

Работа Гери с пространством демонстрирует чувственность и на первый взгляд лишена умозрительного начала; скорее, она основана на почти интуитивном чутье отношений между явлениями. Теоретическая мысль у него не является инструментом поиска стратегии проекта, а скорее позднейшим приложением к тому, что уже сделано. Основной целью представляется достижение витальности проекта через введение в него определенного уровня разнообразия. В мире живой природы разнообразие мира обеспечивается естественным отбором Дарвина. В обществе система, порождающая разнообразие, – демократия. Гери любит демократию. Он пытается ввести ее в архитектурный процесс...

Разговор с Гери, состоявшийся в Софии в 1998 году, раскрывает творческие интенции его проектов. Осознанные или нет, они приводят к построению архитектурного мира, в котором индивидуальность возведена в культ, но сложность объекта является результатом коллективного диалога между вовлеченными в него лицами. Фактически, каждое здание создается как симбиоз между различными архитектурными индивидами

и явлениями. Так, например, в некоторых его проектах составные элементы кажутся самостоятельными индивидами и образуют совокупности, группы, композиции, представляющиеся индивидами на ином уровне абстракции. Эти композиции могут быть сгруппированы из отдельных компонентов под открытым небом; в других случаях они подводятся под общую оболочку – собственный небосвод; в третьих – это два или более совершенно разных здания, соединенных друг с другом в общий комплекс. Постройки Гери – ситуации встреч архитектурных явлений, которые поддерживают разнообразие: они случились в тот момент непреднамеренно, как если бы это была встреча прохожих, которая произошла на месте постройки. И эти «змеи и рыбы» почти всегда появляются как пара мифологических существ, поддерживающих полярность этого мира... Для одного из крупнейших галерейных пространств в Бильбао директор музея поручил Ричарду Серра, близкому другу Фрэнка Гери, особую постоянную скульптурную коллекцию. Почти естественно, что творческий отклик Серра на пространство Фрэнка Гери приняло форму массивной металлической змеи, свернутой в изогнутый заржавевший лабиринт. Разве музей не представляет из себя гигантской чешуйчатой рептилии, которая создает иное пространство? Но в перспективе своей судьбы человека, который сам себе бог и судья, ненавидимый до восторга и обожаемый до отчаяния, Гери создает архитектурный мир, в котором стремление к свободе слова преодолевает все и в то же время устанавливает новые границы, которые никто другой не преодолел.

Действительно, некоторые архитектурные аналитики утверждают, что, в отличие от других архитекторов, принадлежащих к конкретным направлениям, кругам или доктринам, мой архитектурный язык вряд ли может быть включен в рамки какого-либо стиля; мои здания сравнивают с живыми существами, которые живут своей автономной жизнью. Но это не попытка имитировать или моделировать органический мир через архитектуру. Я думаю, что в некотором смысле язык, который я использую, всегда существовал в искусстве и архитектуре: в работах итальянских футуристов, в скульптурах Фидия,

The manner Gehry works with space demonstrates sensibility and associative power, but, at first sight, lacks any speculative foundation. It is rather based on his feeling for relations between phenomena. Gehry's theoretical thought is not a tool for managing a design strategy; it is rather an a posteriori consequence to what has already been done. The main goal is to inject a certain vitality into the project by introducing a certain level of diversity into it. Wildlife diversity is ensured by Darwin's natural selection. In the society, the system generating diversity is called democracy. Gehry likes democracy. He tries to introduce it into the architectural process...

The conversation with Gehry took place in Sofia in 1998. It reveals the creative intentions of his works. Whether or not they were consciously articulated by the architect, they lead to construction of an architectural world, where individuality is iconized, while the complexity of the art work results from a collective dialogue between the participants. In fact, every building is created as a symbiosis between individuals and phenomena. Thus, elements of some of his projects can be taken

< Умберто Боччони. «Уникальные формы непрерывности в пространстве», 1913. Музей современного искусства Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк / Umberto Boccioni. Unique Forms of Continuity in Space (1913). Solomon Guggenheim Museum of Modern Art, New York

Frank Gehry: I Never Do Architectural Fantasies

v Американский центр,
1994 / American Center.
Paris, 1994

as independent individuals that by their combinations form groups or compositions which become also certain individuals on another level of abstraction. Gehry's structures look like collections of architectural phenomena that support diversity, a sort of unintended gatherings, as if it was a meeting of passers-by who stopped for a chat, that took place on a building scale. And those "snakes and fish" almost always appear as a pair of mythological creatures supporting the polarity of this world... Richard Serra, Frank Gehry's close friend, was commissioned to make a special permanent sculpture collection for one of the largest galleries in Bilbao. It was quite natural that Serra's response to the space of Frank Gehry took the form of a massive metal snake rolled up into a corroded iron labyrinth. Isn't the museum a giant scaly reptile that creates another space? But considering his destiny of a man who himself is God and judge, hated to amazement and adored to despair, Gehry creates an architectural world where commitment to freedom of expression overcomes everything and, at the same time, sets new borders which have never been overcome by anyone else.

Indeed, some architectural analysts state that, unlike other architects, who belong to certain schools, circles and doctrines, my architectural language can hardly be put in a frame of a certain style – my buildings are compared with living creatures having an autonomous life. It is not an attempt to imitate or to model an organic world through architecture. I think that, in a way, the language I use has existed in art and architecture: in the works of Italian futurists, in Phidias's sculptures, in cave paintings and megaliths. The matter is that architecture has always been limited by economics and, as a rule, by building policy. The only difference with the past is that today everything (cars, planes) is in motion, making a clear-cut image of chaos... There is a nightmare chaos, a visual chaos (let's leave aside the political muddle). And I think that it comes from democracy. Democracy catalyzes chaos. And this increase in mobility of the surrounding world is one of the things that define my intentions. I don't know whether my buildings can be related to the works by Marinetti, who really searched for the ways of expressing motion... I have always been attracted

v Концертный зал
Уолта Диснея, 1991–2003.
Лос-Анджелес / Walt
Disney Concert Hall, Los
Angeles, 1991-2003

by the sense of dynamics and its expression. I watched a fish swim and recreated it in the architectural forms of my early experiments – such transfer is easy to make. I studied those images, and they led me to the language and lexis. I did it in order to learn how to create figures by myself, whether they are buildings, decorations or lamps. I use computer technologies. I am interested in it because I can make an expressive image and turn it into a building, where the original sense is preserved thanks to the computer producing exactly what you want. Zoomorphism originates from it. Forms look organic because initially they are drawn by the free-from-geometry hand, and then the drawing becomes a building... Everything is natural. But I don't create dragons, monsters and so on. Now I am building the Deutsche Bank on Alexanderplatz in Berlin. A very strange form envelopes the board room, but I think it is the best one we have ever tried. It is very interesting – you feel very comfortable inside, everyone feels it. What dialogue can be between buildings, what holds them together, in the frames of one common language? For example, the

в пещерной живописи и мегалитах. Дело в том, что архитектура всегда была ограничена экономикой и, как правило, строительной политикой. Единственное отличие от прошлого состоит в том, что сегодня все движется, создавая некий отчетливый образ хаоса – машины, самолеты... Существует хаос ночного кошмара, визуальный хаос (оставим в стороне политическую неразбериху). И я думаю, что это происходит от демократии. Демократия – это то, что катализирует хаос. И это увеличение мобильности окружающего мира является одной из вещей, которые определяют мои намерения. Я не знаю, могут ли мои здания быть связаны с работой Маринетти, который действительно искал способы выражения движения... Меня всегда привлекало чувство динамики и ее выражение. Я наблюдал, как плавают рыбы, и в моих ранних экспериментах воссоздал это в архитектурных формах – такой перенос осуществить легко. Я изучал эти образы, они приводили к языку, к лексике. Я сделал это, чтобы научиться создавать фигуры самостоятельно, будь то здания, украшения или лампы. Я использую компьютерные технологии, и это очень интересно, потому что я могу сделать выразительный рисунок и превратить его в здание, в котором сохраняется первоначальное чувство благодаря компьютеру, который точно воспроизводит желаемое. Отсюда происходит зооморфизм. Формы выглядят органично, потому что в начале их создает свободная от геометрии рука, которая их рисует, а потом этот рисунок становится зданием... Все очень естественно. Но я не создаю драконов, чудовищ и тому подобное. Сейчас, в Берлине, я строю здание Deutsche Bank на Александерплац. Там очень странная форма облакает зал заседаний правления банка, но я думаю, что она лучшая из того, что мы пробовали. Это очень интересно: вы чувствуете себя очень хорошо внутри; все это чувствуют. Какой диалог могут осуществлять мои здания, что держит их вместе, в рамках одного, разделяемого всеми, языка? Например, проект Концертного зала Лос-Анджелеса (проектирование началось до Музея Бильбао) первоначально предполагал каменную облицовку. Были бюрократические и организационные трудности, поэтому проект прервался, и в то же время был реализован проект в Бильбао. Когда жители Лос-Анджелеса увидели металлическое здание,

Concert Hall in Los Angeles. Its designing started before the Bilbao Museum, and initially the project contemplated stone dressing. The project was discontinued due to bureaucratic and organizational difficulties, and, at the same time, the Bilbao project was realized. After seeing the metal building, Los Angeles citizens also wanted to replace stone with metal. At first I refused, because the Hall was designed to be dressed in stone, but since the project was already five or six years old, I was interested in changing the decision – it was a new project for me. The Jimi Hendrix Museum in Seattle also entered into a dialogue with my previous work. It was an idea of Paul Allen, the former partner of Bill Gates, a big fan of Rock and Roll and Jimi Hendrix, and a guitar player. Mr. Allen wanted to build the Museum of Rock and Roll to help the youth understand the creative process in music. He liked the strange form of my Berlin project and he commissioned me to create a building expressing those ideas. But then again I saw nightmares, and here is the result... As you see, my projects use me to exchange ideas, to have dialogues. The forms arise from the idea of

в Светильники «Рыбы», 2013. Произведения выполнены из монохромного пластика Formica ColorCore, металлического каркаса, дерева и силикона, а внутри каждой скульптуры помещен электрический светильник. По словам автора, идея ячеисто-зубчатых пластин, имитирующих рыбу-чешую, пришла к художнику еще в восьмидесятые годы, когда он случайно уронил изделие, выполненное из такого же пластика, и оно разлетелось на множество угловатых осколков / Fish Lamps, 2013. The lamps are made of Formica ColorCore monochromic plastic, a metal frame, wood and silicone. Inside each sculpture there is an electrical lamp. As the author says, the idea of cellular and serrate plates came to the artist as early as in the 1980s, when he accidentally shattered a piece of the same plastic into numerous shards

motion, from the sense of motion, because I am a modernist, for whom decoration is a sin. I say that my works arise from my nightmares. It is a part of a rhetoric joke. But before falling asleep, I do think much about my buildings, their problems and good ideas. Being in trouble, you relax and suddenly feel the enlightenment. But in real conditions, these decisions don't come from dreams. I am far from Jung's philosophy of archetypes, which are realized in dreams and all that stuff...

Polyphony and democracy

Probably, there are other peculiarities and qualities that make you think that my works have a structure compared with a polyphonic novel on the verge of chaos. But we are surrounded by chaos, visual or some other chaos, which is affected by creativity, because the latter puts it into order. Even in my dreams, when I see nightmares, they help me find solutions... As I have already said, chaos, in a way, results from democracy. Democracy makes a certain contribution to chaos, because it is pluralistic: it offers a lot of possibilities, ways and

conflicts. It boosts my ambitions, because I like the idea of democracy and choice. The majority of us are ready to sacrifice our lives to democracy, but we don't think much about how it is integrated in the surrounding buildings. Our built environment is a product of democracy. Democracy is chaotic because it is pluralistic. It creates a lot of variants, alternative courses and conflicts. Such status quo attracts me, because I like the idea of democracy. Many people deny it and return to the models of the 19th century. I don't understand it. I think it leads to the politics of the 19th century. We should learn to live in the present, to understand what chaos is and what democracy does. I'll give you an example – the Bilbao Museum... The main problem was the necessity to integrate the building into the chaos of the existing environment, to associate it to the bridge, the river, the industry, the 19th century. So it was very interesting to work in that context. Buildings, as well as people, conduct a dialogue not only with the spatial context, but sometimes regardless of time and space. But these dialogues are not limited to their correlation with the context... Or rather

the context does not boil down to the setting of the building. The city includes many other kinds of cultural memory. For example, the director of the Guggenheim Museum in New York demanded the Bilbao atrium to be related to the spiral atrium of the New York Guggenheim designed by Wright, as a reflection of a common universal prototype. Moreover, in the same project I tried to introduce an idea of the bridge, bringing it into the interior of the building. But that bridge had several references to chaos in my consciousness, which led to the dialogue: the bridge of the 19th century in Bilbao over the river just near the museum, the bridges of the city railway in Berlin running through several buildings and complexes (even the Pergamon Museum), as well as the bridges in Fritz Lang's films, which enter the buildings and become their components. Probably, my buildings do have a certain sensibility to a dialogue... I think that a building should have a passion for expression, it should speak about something. I want my buildings to look like they were made by someone who put certain intentions into them. This gives them something human, like human attitude.

^ Комплекс Neuer Zollhof, часть проекта реновации здания таможни, 1998. Дюссельдорф / The Neuer Zollhof complex, a part of renovation project

они тоже захотели заменить камень металлом. Сначала я отказывался, потому что зал был спроектирован с камнем, но поскольку проекту уже было пять или шесть лет, мне стало интересно изменить решение: это было новым проектом для меня. Музей Джимми Хендрикса в Сизтле также вступил в диалог с моей предыдущей работой. Это была идея Пола Аллена, бывшего партнера Билла Гейтса, большого поклонника рок-н-ролла и Джимми Хендрикса, а сам г-н Аллен играл на гитаре. Г-н Аллен хотел создать музей рок-н-ролла, чтобы молодежь Сизтла могла понять творческий процесс в музыке. Ему понравилась странная форма моего берлинского проекта, и он поручил мне придумать здание, чтобы выразить эти идеи. Опять же, мне снились кошмары, и вот – результат... Как видите, мои проекты используют меня, чтобы обмениваться идеями, вести диалоги. Формы проистекают из идеи движения, из чувства движения, потому что я модернист и для меня украшательство – это грех. То, что мои работы исходят из моих кошмаров – это часть риторической шутки, но прежде чем я засну, я действительно много думаю о своих зданиях, их проблемах и хороших идеях. Когда вы расслабляетесь и вы в беде, внезапно возникает просветление. Но в реальных условиях эти решения исходят не из снов. Я далек от философии архетипов Юнга, которые реализуются во сне, и все такое.

Полифония и демократия

Возможно, есть и другие особенности и свойства, которые заставляют вас думать, что мои работы имеют структуру, сопоставимую с полифоническим романом на грани хаоса из голосов. Но нас действительно окружает хаос, визуальный и всякий иной; хаос, на который также влияет творчество, так как творчество организует его. Даже во сне, когда мне снятся кошмары, они помогают мне найти решения... Как я уже говорил, хаос в некотором смысле является следствием демократии. Она вносит свой вклад в хаос, потому что она плюралистична: она предлагает много возможностей, дорог и конфликтов. Это

меня амбицирует, потому что я люблю идею демократии и выбора. Большинство из нас готовы отдать свои жизни за нее, но мы недостаточно думаем о том, как она встроена в окружающие здания. Построенная нами среда – продукт демократии. И демократия хаотична, потому что она плюралистична. Она создает множество вариантов, множество альтернативных траекторий, много конфликтов. И меня привлекает такое положение вещей, потому что мне нравится идея демократии. Так много людей отвергают ее и обращаются к моделям девятнадцатого века. Я этого

v Автобусная остановка Брауншвайгерплац, 1994. Ганновер / Brounsweiger Platz bus stop, Hanover, 1994

< Скульптура «Рыба» на набережной в Барселоне. Объект создан к Олимпийским играм 1992 года / The Fish Sculpture on Barcelona's embankment created on the occasion of the 1992 Olympic Games

That's why I can be an expressionist. Some Swiss architects are anti-expressionists, they are minimalists. I like minimalism, but I think that the new minimalism is rather speculative. I like working with a real building, which has skin, flesh and bones...

An attempt to reach imperfection

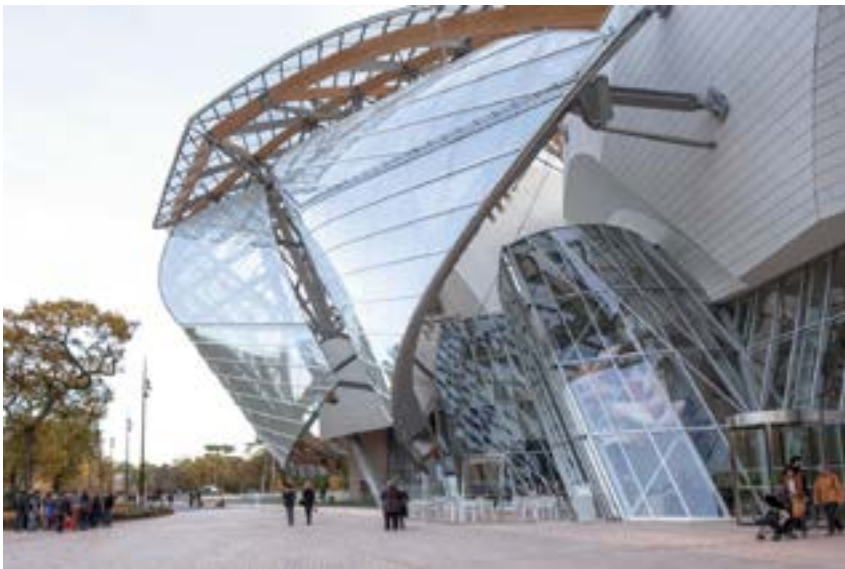
It can be said that there is unintended zoo- or anthropomorphism, which is similar to Rudolf Steiner's anthroposophy, reflected in my buildings. Well, it can be so... I believe in the future of craftsmanship. America is terrible, it doesn't exist there. I don't know about this country. Nevertheless, it seems to me that I don't want my buildings to look like natural creatures, or any other sort of natural phenomena. On the contrary, I want my architecture to be apparently artificial, to demonstrate that it is made by somebody. It gives a sense of human attitude. Thus, if you live in my buildings or at least come inside, you will feel the contact with human relations embedded in them. It is a humanistic experience concerning art. I think that most people feel it. If you come into my house,

which looks surprising regardless any human experience, at first sight, it will give you a sense of something comfortable and very calm. No, I don't believe in the cult of perfection. Many people consider my buildings to be incomplete and far from ideally organized principles, such as symmetry, balance etc. When I see something absolutely perfect, I can appreciate it... but I am more interested in ingenuousness, the possibility of the development and the potential of the imperfection. That is why I do agree with you that there is nowhere one can move from the point of perfection, and that's a dead end. I find it useless to reach an ideal by such means. It bears no relation to our everyday life, which is constantly aimed at something, that means it is far from perfection... Don't get me wrong, I try to soothe it in order to unconstrain it from the ideal, to make it more dynamic, genuine and, in some sense, imperfect. It doesn't mean that I don't use high technologies and computer possibilities. But only because the mathematical expression of imperfection becomes so complicated – you know, mathematics is a highly perfect discipline, if we exclude some of its higher

не понимаю; я думаю, что это возвращает и к политике XIX века. Нам нужно учиться жить в настоящем, понимать, что такое хаос и что делает демократия. Я приведу вам пример – Музей Бильбао... Основная проблема заключалась в том, что здание необходимо было вписать в хаос существующей среды, связать с мостом, рекой, промышленностью, девятнадцатым веком. Вот... было очень интересно работать в этой среде. Здания, а также люди ведут диалог – не только с пространственным контекстом, но иногда и вне времени и пространства. Но эти диалоги не ограничиваются корреляцией с контекстом... Вернее, контекст не ограничивается окружением здания. В город включены многие другие виды культурной памяти. Например, директор Гугенхайма в Нью-Йорке потребовал, чтобы атриум Бильбао был связан со спиральным атриумом Райта в здании Нью Йоркского Гугенхайма как отображение единого универсального прототипа. Более того, в том же проекте я попытался включить идею моста, внеся его прямо в интерьер здания. Но этот мост имел

несколько ссылок на хаос в моем сознании, а они привели к диалогу: мост XIX века в Бильбао через реку прямо рядом с музеем; мосты городской железной дороги в Берлине, которые пронзили ряд зданий и комплексов в город; даже музей Пергамон, а также мосты в фильмах Фрица Ланга, которые входят в здания и становятся их компонентами. Возможно, у моих зданий действительно есть определенная чувствительность к диалогу... Я думаю, что здание должно иметь некоторую страсть к выражению, говорить что-то. Я хочу, чтобы мои здания выглядели так, как будто кто-то их делал, вкладывая в них определенные интенции. Это дает им нечто человеческое, похожее на человеческое отношение. Поэтому я могу быть экспрессионистом. Некоторые швейцарские архитекторы являются анти-экспрессионистами, минималистами. Мне очень нравится минимализм, но я думаю, что новый минимализм довольно умозрительен. Мне нравится работать с настоящим зданием, у него кожа, плоть, кости...

в Фрагмент здания Фонда Луи Виттон (Fondation Louis Vuitton), 2005–2014. Париж / A fragment of the Fondation Louis Vuitton building, Paris, 2005-2014

divisions based on the theory of probability and absolutely inexact... I try to use high technologies to express an imperfect but strong creation, a line, a surface and other things made by human hands, a craftsman's hands. And if some of my spaces seem zoomorphic or natural, it is because their outlines are rooted in my drawing made by a human hand, which becomes a building in the course of a series of transformations. But I don't look for the images of dragons or other strange creatures to embody them in architectural spaces.

The changing scale

My work in Panama is rather a town-planning experiment. I didn't imagine how to work in the scale of urban design and urban planning. The matter is that my wife is from Panama. During our visit to her family there, the authorities asked me to help them develop the land use master plan concerning the canal. But I told them that I was not Don Quixote, that I lived in California, and that everything I could do was to gather a team of young and talented architects to do the work, naturally,

Попытка достигнуть несовершенства

Можно сказать, что существует какой-то непреднамеренный зоо- или антропоморфизм, подобный антропософии Рудольфа Штайнера, что отражено и в моих зданиях. Ну, да, может быть... Я верю в будущее рукотворного мастерства. Америка ужасна, там этого совсем не существует; я не знаю, как здесь. В каком-то смысле мне кажется, что я не хочу, чтобы мои здания выглядели как существа, то есть естественные природные явления. Напротив, я хочу, чтобы моя архитектура говорила, что она искусственно создана, что кто-то ее сделал. Это дает ощущение человеческого отношения. Итак, если вы живете в моих зданиях или хотя бы заходите в них, вы будете чувствовать себя в контакте с человеческими отношениями, которые в них заложены. Это гуманистический опыт, касающийся искусства. Я думаю, что большинство людей это чувствует. Если вы придете в мой дом, который выглядит как нечто совершенно неожиданное, вопреки любому человеческому опыту, на первый взгляд это даст вам представление о чем-то очень удобном, очень спокойном. Нет, я не верю в культ совершенства. Для многих людей мои здания кажутся незавершенными, далекими от идеально организованных закономерностей, таких, как симметрия, равновесие и т. д. Когда я вижу что-то совершенно совершенное, я могу это оценить... но меня гораздо больше интересует непосредственность, возможность развития, потенциал несовершенства. Поэтому я действительно согласен с вами в том, что из точки совершенства нет возможности двигаться; это тупик. Я нахожу, что бесполезно достигать идеала ценой таких затрат. Это не имеет никакого отношения к нашей повседневной жизни, которая всегда стремится куда-то, то есть она далека от совершенства... Поймите меня правильно: я пытаюсь что-то успокоить, чтобы освободить от принуждения идеала, сделать более динамичным, непосредственным и, в некотором смысле, несовершенным. Это не значит, что я не использую высокие технологий и возможности компьютера. Но только потому, что математическое выражение несовершенства настолько усложнилось: математика ведь очень совершенная дисциплина, если мы исключаем некоторые наиболее высокие ее разделы, которые основаны на теории вероятностей и абсолютно неточны... Я пытаюсь

provided that the group would also include local architects. And then Greg Lynn, Lindy Roy and others were in the group that I gathered. It was a fully town-planning experiment. They called their architectural group ASAP. Now I am trying to establish relations between the Tulane University's School of Architecture and their group. The idea is to make Tulane an American gathering point for architectural groups from all over the world to do the project in Panama.

Technology and form

As for technologies and craftsmanship, we have a very dynamic project in Düsseldorf, Rhein. There are three office buildings, each of them having different façade materials. One building is plastered, the façade of the second one is made of stainless steel, and the façade of the third building is made of brick. The curving walls and the windows provide a view of the river from everywhere. It appeared to be a very successful economic strategy, because the buildings acquired a very strong identity. They look a bit turbulent, and this adds an activating

выразить с помощью высоких технологий несовершенное, но мощное творчество, линию, поверхность и т. д. Созданное человеческой рукой, рукой ремесленника. И если некоторые из моих пространств кажутся зооморфными или природными, так это потому, что их контуры начинаются и уходят корнями в мой рисунок – сделанный человеческой рукой, который превращается в ходе серии преобразований в здание. Но я не ищу образы драконов или других странных существ, чтобы воплотить их в архитектурных пространствах.

в Банк DZ на Александер-платц. Зал заседаний, центральное пространство, 2001. Берлин / DZ Bank at Alexanderplatz, Berlin. Meeting room, central space. 2001

effect. In general, speaking about high technologies, there are few paper drawings, if any, because the configurations are very complicated. It was easier for us to build a digital connection between our computers and the computers of those manufacturers of the shipbuilding industry that produce metal forms with complex curvature. Thus, construction elements were made of sheet steel according to the parameters sent directly from our computers to the robotized machines, which produced the walls and other components. It was great! The shipbuilding industry built houses instead of ships... A similar metal structure with precise mathematical curves was also used in Bilbao. As soon as those brave Basques gave us the winning prize at the competition, we immediately started to readjust the whole project. We returned to the initial position three times before it emerged. The structure of the building is absolutely unique, and the precise calculations include up to seven decimals. Six steel-casting enterprises participated in the tender for the project. Because of the precision of our computer documentation, the difference of their bids was within one

percent. We happened to find titanium. The price of stainless steel equaled half price of titanium. However, we noticed that we could make titanium plates half thinner than the plates made of stainless steel. We looked for alternative offers on stainless steel and titanium. Fortunately, Russians brought a lot of titanium to market, because, according to the contract with Americans, they had to cut some of their rockets into pieces for scrap metal, and the international market prices for titanium fell down immediately.

Passion for construction

No, I am not a philosopher, a conceptualist or a visionist in architecture... I am a builder. I just like building. I do not pursue such architectural fantasies as Saint Elias or those of Chernikhov. Some architects are very much inspired, for example, by Piranesi's pictures. I do not belong to the sphere of verbal philosophical architecture. I am not a contemplative architect-drawer; I am an architect-builder. I can tell you why – I like building relations with clients – people with whom

> Офисная башня, 1995.
Ганновер / Office tower,
Hanover, 1995

Изменение масштаба

То, что я делаю в Панаме, – это, скорее, градостроительный эксперимент. Я и сам не представлял, каким образом работать в масштабе городского проектирования и планирования. Все дело в том, что моя жена из Панамы, и когда мы посетили ее семью там, власти попросили меня помочь с генеральным планом по освоению территорий, связанных с каналом. Но я сказал им, что я не Дон Кихот, я живу в Калифорнии, и все, что я могу сделать – это создать команду молодых талантливых архитекторов,

чтобы они выполняли свою работу. Естественно, условие состояло в том, чтобы в группу вошли также архитекторы из местного сообщества. А потом Грег Линн, Линди Рой и другие оказались в группе, которую я выбрал. Это был полностью градостроительный эксперимент. Они создали архитектурную группу, которую назвали ASAP. В настоящее время я пытаюсь построить отношения между Школой архитектуры Университета Тулейн и этой группой. Идея состоит в том, чтобы сделать Тулейн американской точкой сбора архитектурных групп со всего мира для проекта в Панаме.

Технология и форма

Что касается технологий и рукотворности. У нас есть очень динамичный проект в Дюссельдорфе, Рейн. Это три бизнес-здания, предназначенные для офисов; каждое здание облицовано разными фасадными материалами. Одно здание оштукатурено, у другого – фасад из нержавеющей стали, третье отделано кирпичом. Складки стен и окна устроены так, что отовсюду видна река. Это оказалось очень успешной экономической стратегией, поскольку здания приобрели чрезвычайно сильную идентичность. Они выглядят слегка турбулентными, и это добавляет дополнительный активирующий эффект. Вообще, если говорить о высоких технологиях, то в проекте почти нет чертежей на бумаге, потому что конфигурации чрезвычайно сложны. Нам было проще построить цифровую связь между нашими компьютерными машинами и компьютерами производственных компаний в судостроительной промышленности, которые делают металлические формы сложной кривизны. Таким образом, строительные детали были изготовлены из листовой стали с параметрами, передаваемыми непосредственно с наших компьютеров на роботизированные машины, которые создавали стены и другие компоненты. Это было здорово! Корабельная индустрия строила дома вместо судов... Аналогичная металлическая структура с очень точными математическими кривыми используется также в Бильбао. Как только эти смелые баски дали нам премию, мы первым делом начали реконструировать весь проект. Три раза мы возвращались в исходное положение, прежде чем все возникло. Структурная схема здания аб-

we play a common game; I like this process even more than a completed building... Now I am working with a group of scientists at Massachusetts Institute of Technology. I am really impressed by them, I am in the seventh heaven! Seven Nobel Prize laureates are my clients, Noam Chomsky and others of the same level. It is of interest for us to have discussions, to make arguments. They think I do something wrong, and I reply that... well, you know. This discussion and mixture of approaches and ideas stimulates the intellect so much that I can't bare it, I go home, read their books and then return to argue with them again. Of course, this influences my work, but I also teach them how to understand this architecture and enjoy it. A project is always a result of cooperation. The final product to some extent belongs to them, though the meaning is certainly mine. The language of expression is mine, but they become a part of all this. This feeling of involvement is very important for me, because it is an educational process, and I am a teacher. If they didn't need to study architecture, I wouldn't need it either. But they want it. Indeed, the language of expression is mine, but

солютно уникальна, а точность расчетов составляет семь знаков после запятой. Шесть отдельных сталелитейных компаний проводили торги по проекту. И из-за точности документации на компьютере их ставки различались друг от друга в пределах одного процента. Мы случайно нашли титан. Цена на нержавеющую сталь составляет половину цены на титан. Однако мы обнаружили, что мы можем изготовить титановые пластины в половину толщины нержавеющей стали. Мы искали альтернативные предложения по нержавеющей стали и титану, а потом, к счастью, русские выбросили много титана на международный рынок, потому что по контракту с американцами им пришлось порезать некоторые из своих ракет на металлолом, и цены на титан на международном рынке сразу упали.

Страсть к строительству

Нет, я не философ, концептуалист или визионер в архитектуре... Я строитель. Мне просто нравится строить. Я не занимаюсь такими архитектурными фантазиями, как Сент-Элиа или Чернихов. Некоторые из архитекторов очень вдохновляются, например, картинами Пиранези. Но я не принадлежу к кругу вербальной философской архитектуры. Я не умозрительный архитектор-рисовальщик, я архитектор-строитель. Я расскажу вам, почему: я люблю отношения с клиентами – людьми, с которыми мы играем в общую игру. Мне нравится этот процесс даже больше, чем готовое здание... Сейчас я работаю в Массачусетском технологическом институте с группой ученых; я действительно удивлен, я на седьмом небе от них. Семь лауреатов Нобелевской премии – мои клиенты: Ноам Хомский и другие, того же порядка. Нам интересно: дискуссии, аргументы; они думают, что я делаю что-то не то, я говорю им, что... ну, вы понимаете. Это обсуждение и смешивание подходов и идей настолько стимулирует интеллект, что я не могу вытерпеть: я иду домой, читаю их книги, а потом снова иду спорить с ними. Это, конечно, влияет на мою работу, но я также учу их понимать эту архитектуру и получать от нее удовольствие. Проект всегда является результатом взаимодействия. Конечный продукт в какой-то степени принадлежит им, хотя смысл мой. Язык мой, но они становятся частью всего этого. Для меня важно чувство такой сопричастности, потому что

the decision is common. I should bring them to the decision that corresponds to their demands, but, at the same time, it should be something more, that's why they invite me. It is the process that gives me much pleasure. I don't know why you compare my works with Nouvel's works – I suppose because we happened to be in the same place at the same time¹. Obviously, we are absolutely different, but we have many intercrossings. We both do our best, not knowing where we go. It is good for creation – the process is uncertain, you don't know where you go. If you know beforehand, you won't do it. And as soon as you have done it, you should invent an explanation, because theorists are lazy...

это учебный процесс, и я – учитель. Если бы им не нужно было изучать архитектуру, то и мне бы это не понадобилось. Но они этого хотят... Действительно, язык выражения принадлежит мне, но решение является общим. Я должен привести их к решению, которое соответствует их потребностям, но в то же время это должно быть нечто большее – поэтому они приглашают меня. Это процесс, который доставляет мне огромное удовольствие. Я не знаю, почему вы сопоставляете мои работы с работами Нувеля: я полагаю, только потому, что мы оказались одновременно в одном и том же месте¹... Очевидно, мы совершенно разные, но между нами много пересечений. Мы оба стараемся, не зная, куда мы идем. Это хорошая вещь в творчестве – процесс не определен, вы не знаете, куда идете. Если вы заранее знаете, вы этого не сделаете. И как только вы это сделали, вы должны придумать объяснение, потому что теоретики ленивы...

1. Гери и Нувель приехали в Софию в один и тот же день в 1998 г. на день рождения общего друга французского критика Оливье Боассье, который жил в тот период в Софии (Примечание автора) /

Gehry and Nouvel arrived in Sofia on the same day in 1998, at the birthday of their common friend, the French critic Olivier Boissier, who was based in Sofia at that time. (Author's note).

v Музей Гуггенхайма в Бильбао, 1994–1997 / Guggenheim Museum in Bilbao, 1994–1997

Регенерация промышленных объектов – одна из главных задач городского развития. Упадок промышленных территорий в Европе начался после 1950 года. Процессы регенерации начались с 1970 года, поэтому сегодня мы имеем возможность изучить множество примеров регенерации объектов на различных территориях. По всему миру продолжается рост городов, при этом зачастую игнорируется потенциал регенерации старых промышленных объектов внутри существующей городской среды. По-прежнему считается более легким и дешевым строительство объектов «с нуля», тогда как долгосрочные природоохранные расходы не принимаются во внимание. Регенерация уже существующих промышленных объектов требует более высокого уровня технических, экономических и социальных знаний. Однако именно она поможет в решении сложных задач устойчивого развития городов, когда такие развивающиеся страны, как Китай начнут применять широкомасштабный подход к трансформации промышленных территорий.

Ключевые слова: Рур; парк Эмшер; Санкт-Петербург; Сен-Дени; Париж; Шуази-ле-Руа; промышленные территории; регенерация; трансформация./

Brownfield regeneration is one of today's major challenges for city development in the developed countries. The decline of the industrial areas in Europe started after 1950 and the first organized regeneration processes from 1970 onwards. This gives us today the chance to learn from a large number of case studies on different territories. Cities continue to grow and expand all over the world, partially ignoring the potentials of Brownfield regeneration inside the existing urban fabric. Building on Greenfield is still easier and cheaper as long term environmental costs are not considered and Brownfield development needs higher technical, economic and social expertise. But it is essential for sustainable city development and will face important challenges, when developing countries like China will face the transformation of industrial area on large scale.

Keywords: Ruhr; IBA Emscher Park; Saint Petersburg; Plaine Saint Denis; Paris; Choisy-le-Roi; industrial areas; regeneration; transformation.

«Конверсия»: промышленные объекты и территории / 'Conversion': industrial facilities and territories

текст
Кристиан Хорн /
text
Christian Horn

Введение

Промышленная революция, начавшаяся в 1760–1830 гг. в Великобритании, распространилась затем в континентальной Европе и далее. Развитие промышленности привлекло в города большое количество рабочих. Ускорился рост городов, для которых требовалось создание инфраструктуры и соответствующая реструктуризация больших территорий. Возросло загрязнение окружающей среды, вызванное человеческой деятельностью. Некоторые ученые (Пауль Дж. Крутцен [Crutzen, 2002]), рассматривают этот период как начало эпохи «Антропоцена»¹.

Трансформация Рурского региона

В Германии на территории Рура стремительно развивалась угольная промышленность и металлургия. В конце XIX и начале XX века Рур стал важным центром угольной

и сталелитейной промышленности в Европе. С 1905 по 1955 гг. население возросло с 2,9 до 6,2 миллионов человек. Однако рост городов происходил без сформированной стратегии. Новые жилые районы беспорядочно присоединялись к существующим поселениям, а большие промышленные объекты строились посреди городских территорий без ограничений, колонизируя все пространство.

В течение нескольких десятилетий Рур был индустриальным сердцем Германии. Но такое монофункциональное развитие, при котором не рассматривались долгосрочные перспективы, привело к печальным результатам в период спада угольной и сталелитейной промышленности в Европе. Во время Второй мировой войны и послевоенного восстановления хозяйства угольный и металлургический кризис приостановился и возобновился примерно в 1955. В 1960-х территория Рура представляла собой раздробленную на отдельные участки территорию площадью 4435 км², характеризующуюся неблагоприятным состоянием экономики, высоким уровнем безработицы и сильным загрязнением окружающей среды. Она потеряла свое былое значение, в то время как сохраненные зеленые зоны южной Германии предоставляли все больше новых рабочих мест в сфере услуг, что наблюдается и по сей день.

Чтобы улучшить ситуацию, государственные власти разработали в 1980-х годах уникальную программу трансформации – Международную строительную выставку «Эмшер парк» (IBA Emscher Park), осуществленную в период с 1990 по 2000 гг. «Эмшер парк» включал конурбацию площадью 800 м² вдоль реки Эмшер. Целью программы была трансформация территории путем осуществления высококачественных проектов, интегрированных в широкомасштабный генеральный план и новый зеленый ландшафт. Основные подходы заключались в том, чтобы использовать прошлое в качестве рычага и, принимая индустриальное наследие, изменить имидж территории, привлекая искусство и культуру и стремясь к устойчивому развитию (Reicher, 2008).

В 2009 году, когда шли обсуждения будущего облика Большого Парижа, бюро Rethink помогало проектно-му бюро региона Иль-де-Франс (IAU) в проведении

> Местоположение Рурского региона в Германии. Автор: Wikimedia commons. Источник: <https://commons.wikimedia.org/> / Position of the Ruhr area in Germany. Author: Wikimedia commons. Source: <https://commons.wikimedia.org/>

1. Антропоцен – термин, предложенный для обозначения эпохи, характеризующейся значительным воздействием человека на геологию и экосистемы Земли («Anthropocene», n. d.)

Introduction

The industrial revolution began in the period from 1760 to about 1830 in Great Britain, before spreading to continental Europe and further. The development of the industry attracted high numbers of workers into the cities, accelerated their growth, required the construction of infrastructures and subsequently restructured large territories. It also led to an acceleration of the environmental pollution through human activities and some scientist, like Paul J. Crutzen (Crutzen, 2002), see it as the beginning of the Anthropocene¹ epoch.

The transformation of the Ruhr area

In Germany the coal and steel industry developed rapidly in the Ruhr area. At the end of the 19th and the beginning of the 20th century the Ruhr became the most important coal and steel area in Europe. Between 1905 and 1955 the population increased from 2,9 to 6,2 million. But the growth of the cities took place without defined rules. New housing areas were attached randomly to the existing settlements and large industrial sites were built in-between the urban areas without constraints, colonizing the whole space.

For several decades, the Ruhr was the industrial heart of Germany. But this monofunctional development without a long term vision had a catastrophic impact when the decline of the coal and steel industry in Europe started. Through the Second World War and the reconstruction the coal and steel crisis was delayed and began in about 1955. In the 1960s the Ruhr area presented itself as a fragmented territory of 4435 km² marked by a declining economy, high levels of unemployment and a heavily polluted environment. An obsolete territory, while the new jobs of the service sector developed in the preserved green landscapes of southern Germany, where they still are today.

Facing this disaster the public authorities developed in the 1980s a unique transformation program that took place from 1990 until 2000, called IBA Emscher Park. The territory of the IBA Emscher Park focused on a conurbation of 800 km² along the river Emscher. The objective was to transform the territory by high quality projects that are integrated in a large scale guide plan and a new green landscape. The main approaches were to take the past as a leverage by assuming one's industrial heritage, to change the image of the territory by art and culture and a strong engagement towards

французско-германского семинара по вопросам «Эмшер парка». Мы организовали осмотр территории и обсуждение градостроительных вопросов, в котором участвовали представители французской и германской стороны. Во время семинара выделялись два подхода к трансформации бывших промышленных территорий: индустриальная культура и ландшафтный парк.

Индустриальная культура

Новый взгляд на прошлое считается важным элементом структурных изменений Рура. Конфронтация с индустриальным прошлым региона привела к критике соответствующих строительных объектов. Поначалу население отвергло решение сохранить самые уникальные объекты промышленных предприятий. Но позже реализация интересных экономических и культурных программ помогла повышению их ценности, укреплению связи между поколениями и поддержанию неповторимости территории. Благодаря подходу, который противостоял общепринятым начинаниям с «чистого листа», восстановленные здания и сооружения сегодня являются важнейшими опорными элементами креативных проектов.

Ландшафтный парк

На примере ландшафтного парка Эмшер можно проследить изменения в способах решения вопросов, связанных с природой в городе. Рурский район представляет собой раздробленный городской ландшафт со множеством загрязненных участков. Целью создания широкомасштабного ландшафтного парка было объединить эту фрагментированную территорию и направить вектор восприятия данной местности от «серого» прошлого к зеленому будущему. Необходимо было связать изолированные участки и ландшафты, создать новую сеть пешеходных и велосипедных дорожек и максимально качественно и экологически эффективно реализовать задуманные проекты.

Программа «Эмшер парк» в целом успешно ослабила давление европейского угольного и металлургического кризиса в Рурском регионе, но еще не остановила спад его экономики. Трансформация подобных больших промышленных территорий – процесс долгосрочный, занимающий несколько десятилетий.

v Вид сверху на трубопрокатный завод в Гельзенкирхене, 1924 год. Автор: ARR. Источник: <http://www.gelsenkirchener-geschichten.de/>
Aerial view of the Mannesmann pipe mill in Gelsenkirchen 1924. Author: ARR. Source: <http://www.gelsenkirchener-geschichten.de>

^ Современная карта парка Эмшер. Автор: Regionalverband Ruhr. Источник: <http://www.phoenixdortmund.de/> Today's Emscher Park map. Author: Regionalverband Ruhr. Source: <http://www.phoenixdortmund.de>

a sustainable development (Reicher, 2008).

In 2009, during the discussions on the future shape of the Grand Paris, our office Rethink assisted the planning office of the region Ile-de-France (IAU) in conducting a French-German workshop on the IBA Emscher Park. We set up site visits and initiated discussions between French and German representatives on urban planning policies. During the workshop two initiatives stick out as exemplar for the transformation of former industrial territories: the industrial culture and the landscape park.

Industrial culture

The rediscovery of its past is seen as an important element of the structural change of the Ruhr. The confrontation with its industrial past led to a reflection on its built witnesses. The decision to preserve the most interesting Brownfields with their unique constructions was first rejected by the population. But on the long term their valorisation with interesting economic and cultural programs enabled to create a link between the generations and an identity for the territory. It was a sign against the common tabula rasa approach and the rehabilitated buildings and structures

represent today important recognisable anchor projects.

Landscape park

The Emscher landscape park illustrates a change in the approach to urban nature. The Ruhr area presented itself as a fragmented urban landscape, crossed and cut by infrastructure and many sites were contaminated. The objective of the large scale landscape park was to unite this fragmented territory and to change the minds by turning the view from a grey past towards a green future. It was important to link isolated sites and landscapes, to create a new network of pedestrians and cycles path and to implement projects with a sense of great ecological efficiency and authenticity.

The IBA Emscher Park generally succeeded to attenuate the impact of the European coal and steel crisis, but not yet to reverse the decline of the Ruhr area. The transformation of these large industrial territories is a long term process that takes several decades.

The industrial belt of Saint Petersburg

Differently than in the Ruhr area, where the industries developed in-between the settlements, the industries established often at the borders of the urban areas and created industrial belts around

v Современная угольная шахта Цольферайн в Эссене. Автор: Office Rethink 2009 / Today's Coal-mine Zollverein in Essen. Author: Office Rethink 2009

Промышленный пояс Санкт-Петербурга

В отличие от Рурского региона, где промышленные объекты развивались не в населенных пунктах, а между ними, промышленные предприятия в большинстве случаев появляются у границы городской территории и создают промышленный пояс вокруг городского центра. В XX веке растущие города «перепрыгивали» свои промышленные пояса, чтобы развивать новые пригородные территории. Позднее, по причине глобализации и своего нового «внутригородского» расположения, эти территории становились менее привлекательными для промышленного использования. Сегодня, находясь вблизи центра города, эта земля может играть важную роль в процессе достижения устойчивого городского развития.

С целью проведения дальнейшего исследования трансформации промышленных территорий Национальная Страсбургская высшая школа архитектуры (преподавателем которой является автор статьи), Университет Карлсруэ и Университет ИТМО в Санкт-Петербурге организовали в 2015 году градостроительную студию, в которой около 60 студентов магистратуры из трех стран разрабатывали проект устойчивого преобразования южного промышленного пояса Санкт-Петербурга (Engel, Horn, Sender, Ziegler, & Rogge, 2017; «Transforming Industrial Heritage», 2016).

Промышленный пояс окружает исторический центр Санкт-Петербурга железнодорожными путями, массивными кирпичными зданиями, трубами и водонапорными башнями. Эти сооружения в основном возникли в период с 1850 по 1910 год, когда Санкт-Петербург был одним из ведущих промышленных городов Европы. По мере роста города промышленный пояс постепенно окружался новыми жилыми районами и стал центральной периферией. Сегодня эта территория характеризуется разнородностью и раздробленностью. Некоторые ее части по-прежнему отданы промышленности, другие же используются лишь временно или пустыют, находясь в стадии упадка. Расположенный в 4 километрах от центра города южный промышленный пояс представляет большой потенциал для организации процесса устойчивой городской регенерации.

the city centre. In the 20th century the expanding cities leapfrogged these industrial belts to develop new suburbs. Later, due to globalisation and their new 'inner city' location these areas became less attractive for industrial uses. Located close to the city centre they represent today a valuable land reserve for a sustainable urban development.

To further develop the research on the transformation of industrial areas the National school of Architecture of Strasburg (where the author is teaching), the University of Karlsruhe and the ITMO University of Saint Petersburg set up in 2015 a trinational urban design studio on the southern industrial belt of St. Petersburg. Nearly 60 master students worked on the sustainable transformation of this industrial area (Engel, Horn, Sender, Ziegler, & Rogge, 2017; "Transforming Industrial Heritage", 2016).

The industrial belt surrounds the historic centre of St. Petersburg with railroad tracks, massive redbrick buildings, chimneys and water towers. It was mostly built between 1850 and 1910, while St. Petersburg was amongst the leading industrial cities in Europe. As the city grew, the industrial belt was gradually encircled by new mass housing districts and became a central periphery. Today the

area is characterized by diversity and fragmentation. Some parts are still in industrial use, other parts are occupied by transitional uses or vacant and in a stage of decay. Situated at a distance of 4 km from the city centre the southern industrial belt offers a large potential to initiate a sustainable urban regeneration process.

The focus of the urban design studio was on the regeneration strategy and the spatial concept at different scales. Based on the analysis of the site and the local context, scenarios for the future of the southern industrial belt were developed. The students identified underused or inadequately used sites with a potential of transformation. They proposed urban projects for these sites and designed attractive, functionally and socially balanced neighbourhoods in the framework of their scenarios. They focused on the adaptability of spaces and buildings and their accessibility by mobility networks. To reduce the consumption of natural resources energy efficiency, closed circuits and the necessity of reduce, reuse and recycle were central subjects.

The work of the students highlighted that both an overall strategy and spatial concept are essential to set up a solid base for a long term regeneration process. Individual projects must then be

в Вид с газометра в
Оберхаузене. Автор: Office
Rethink 2009 /
View from the gasometer in
Oberhausen. Author: Office
Rethink 2009

evaluated in their quality and ability to support this strategy and concept before their construction. Without this evaluation process, short term projects might reveal later as obstructive and, for example, hinder the continuity of a mobility network or the implantation of an important anchor project.

Many subjects, particular to the transformation of industrial areas, like land property or soil pollution, could not be taken into account due to the scale of the site and missing information. The local authorities supported and followed closely our urban design studio. It gave them the opportunity to integrate some aspects in the specifications of an international competition on the transformation of southern industrial belt conducted in 2016 by the Committee for Urban Planning and Architecture of St. Petersburg.

Saint Petersburg and Saint-Denis

Based in Paris our office Rethink developed a comparison of the southern industrial belt of St. Petersburg and the former industrial area of the Plaine Saint-Denis in the north of Paris. Both sites have a similar position in their metropolitan context, but a difference of 30 years in the start of their regeneration process. The objective

was to illustrate the lessons to learn from the Plaine Saint-Denis.

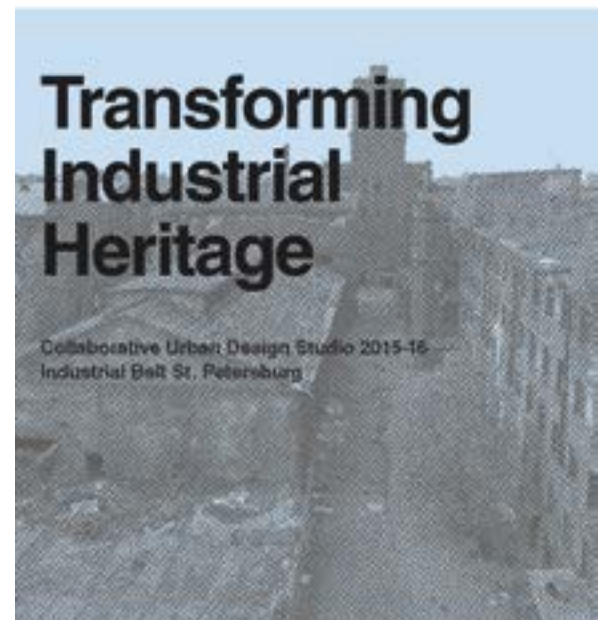
Between 1840 and 1960 the Plaine Saint-Denis had gradually become a large industrial zone, providing 50000 jobs in 1940 on an area covering 750 ha (or 7,5 km²). In the 1970s, at the same time as the Ruhr area, the zone started to suffer from the deindustrialisation. One after the other manufacturing companies closed or relocated elsewhere. In 1986 there were about 200 ha of vacant land and the number of jobs had fallen to 27000. To face the challenge of its regeneration the public authorities founded in 1985 a public-public partnership called 'Plaine Renaissance' (Lecroart, 2009).

A particular aspect in the Plaine Saint-Denis regeneration process is the well organised beginning. Instead of transforming the site plot by plot, Plaine Renaissance first set up an inter-municipal development agreement and then initiated a planning and design competition for the whole area on this base. Secondly, instead of designating one single winner of this competition, they asked the competitors to team up and create one single design association, called Hippodamos 93. This association advised the local authorities during the following ten years on the regeneration process.

Задачей градостроительной студии была разработка стратегии регенерации и пространственной концепции для разных уровней. На основе анализа участка и местных условий созданы сценарии будущего развития южного промышленного пояса. Студенты определили участки, которые используются либо недостаточно, либо не надлежащим образом, а также их потенциал для трансформации. Они предложили градостроительные проекты для этих участков и в рамках их сценариев спроектировали привлекательные, функционально и социально сбалансированные кварталы. В качестве основных

KIT Chair of International Urban Design ENSAS Field of Study Architecture, Cities & Territories ITMO Institute of Design & Urbanism

KIT ENSAS ITMO FRIEDRICH INSTITUTE OF TECHNOLOGY INSTITUT FRANÇAIS DE LA VILLE

^ Местоположение южного промышленного пояса в Санкт-Петербурге. Автор: Office Rethink 2017 / Location of the St. Petersburg southern industrial belt. Author: Office Rethink 2017

> Объединенная градостроительная студия ENSAS, KIT, ITMO. Автор: ENSAS, KIT, ITMO / Trinational Urban Design Studio ENSAS, KIT, ITMO. Author: ENSAS, KIT, ITMO

< Железнодорожные пути в южном промышленном поясе Санкт-Петербурга. Автор: Office Rethink 2015 / Railways in the St. Petersburg southern industrial belt. Author: Office Rethink 2015

v Фабрика в южном промышленном поясе Санкт-Петербурга. Автор: Office Rethink 2015 / Factory in the St. Petersburg southern industrial belt. Author: Office Rethink 2015

One of their first designs was a masterplan for a grid of generous public spaces for the area. They proposed to restructure the initial industrial plots and reconnected the Plaine to the neighbouring municipalities, including Paris. Wide multi-functional avenues were designed, running East-West and North-South. This new 'green' public space system set up the framework for the following developments, while staying flexible in the details. Along the main axes of this grid new mixed-use buildings and environments were developed in time.

Generally the strength of Plaine Saint-Denis regeneration approach is that it is not based on a single flagship project, but on a coherent global strategy and spatial vision. Together with important interventions of the public authorities, a flexible spatial planning, the support of private investments and the use of opportunities, this approach has worked fairly well in the Plaine Saint-Denis regeneration process. During the process the public authorities managed the balancing act of integrating flagship projects like the 1998 World cup stadium while maintaining community involvement by local residents and businesses.

> Сравнение промышленного пояса Санкт-Петербурга и Сен-Дени. Автор: Office Rethink 2017 / Comparison of the industrial belts of St. Petersburg and Plaine Saint-Denis. Author: Office Rethink 2017

задач формулировались требования приспособляемости пространств и зданий и их транспортная доступность. Для снижения потребления природных ресурсов особое внимание уделялось энергоэффективности, замкнутым системам и необходимости переработки и повторного использования ресурсов.

Работа студентов показала, насколько важны общая стратегия и пространственная концепция для создания прочной основы долгосрочного процесса регенерации. В свою очередь, индивидуальные проекты должны оцениваться согласно таким критериям, как качество и соответствие этой стратегии и концепции еще до их реализации. Без этой оценки краткосрочные проекты в дальнейшем могут создавать различные препятствия: нарушать непрерывность дорожно-уличной сети или тормозить внедрение важного опорного проекта.

Многие вопросы, непосредственно связанные с трансформацией промышленных территорий (земельная собственность или загрязнение почвы), могли не приниматься во внимание из-за масштаба участка и отсутствия информации. Местные власти тесно сотрудничали с нашей градостроительной студией, что позволило добавить некоторые аспекты в требования международного конкурса на разработку концепции преобразования южного промышленного пояса, который проводился в 2016 году Комитетом по градостроительству и архитектуре города Санкт-Петербурга.

Санкт-Петербург и Сен-Дени

Наше парижское бюро Rethink провело сравнительный анализ южного промышленного пояса Санкт-Петербурга и бывшей промышленной зоны Сен-Дени на севере Парижа. Оба участка имеют похожее положение в контексте метрополии, но отличаются тем, что процесс их регенерации начался с разницей в 30 лет. Целью исследования было найти примеры из опыта Сен-Дени, которые могли бы принести пользу в работе над регенерацией промышленного пояса Санкт-Петербурга.

За период с 1840 по 1960 год Сен-Дени постепенно стал крупной промышленной зоной, которая к 1940 году обеспечивала уже 50000 рабочих мест и охватывала территорию площадью 750 га (7,5 км²). В 1970-х, одновре-

> Карта Сен-Дени 1936 года. Автор: IGN / Map of Saint Denis in 1936. Author: IGN

> Строительство магистрали A1 в 1965 году. Автор: ARR / Construction of the highway A1 in 1965. Author: ARR

Paris Seine Amont

While the Plaine Saint-Denis is halfway through its regeneration process, many other former industrial areas in the Paris Metropolis are still at its beginning. One important sector is composed by a succession of industrial areas along the River Seine south of Paris. They are situated on four municipalities: Ivry-Confluences, Vitry-Ardoines, Choisy-Lugo and Villeneuve-le-Roi.

In 2010 our office had been commissioned with a feasibility study on the transformation of the industrial area 'Lugo' in Choisy-le-Roi. A site of 12 ha characterized by a heterogeneous urban fabric, composed by infrastructure, local activities, warehouses, commercial premises and former factories used by artists and housing. Similar to the Plaine Saint-Denis plan, but on a smaller scale, we first developed a grid of public spaces to connect the sector with its environment, especially the missing east-west links. Existing buildings were evaluated under different criteria for their preservation, rehabilitation or demolition. The objective was to preserve and develop as much jobs as possible and to introduce diverse

< Расположение участков регенерации вдоль реки Сены. Автор: Office Rethink 2017 / Location of the regeneration areas along the Seine. Author: Office Rethink 2017

в Внедрение сети общественных пространств на территории Сен-Дени. Автор: ARR / Implementing a public space grid on the Plaine Saint-Denis. Author: ARR

в Канал Сен-Дени и вид на стадион Кубка мира. Автор: Office Rethink 2011 / Canal Saint-Denis and view on the World Cup Stadium. Author: Office Rethink 2011

менно с Рурским регионом, процесс деиндустриализации охватил и Сен-Дени. Производственные компании стали массово закрываться или переноситься в другие места. В 1986 году пустующие участки составляли около 200 га, а количество рабочих мест снизилось до 27000. В 1985 году для разработки плана регенерации территории государственные власти основали общественно-государственное партнерство «Plaine Renaissance» (Lecroart, 2009).

Хорошо продуманное начало играет важную роль в процессе регенерации Сен-Дени. Вместо того, чтобы трансформировать участок за участком, партнерство «Plaine Renaissance» сначала заключило соглашение о межмуниципальном развитии, а затем на его основе объявило конкурс проектов для всей территории. Во-вторых, вместо выбора одного победителя конкурса, организаторы предложили конкурсантам объединиться и создать единую проектную группу под названием «Hippodamos 93». Эта группа в течение последующих десяти лет помогала местным властям в организации процесса регенерации.

Один из первых проектов группы – генеральный план широкой сети общественных пространств для данной территории. Участники группы предложили реструктуризацию первоначальных промышленных участков и соединили Сен-Дени с ближайшими муниципалитетами, включая Париж. Были спроектированы широкие многофункциональные улицы, идущие с востока на запад и с севера на юг. Новая система «зеленых» общественных пространств задала основу дальнейшего развития, при этом отдельные элементы системы остаются гибкими. Вдоль главной оси данной сети со временем создавались новые многофункциональные здания и пространства.

Преимущество данного подхода к регенерации территории Сен-Дени заключается в том, что в его основе лежит не один ключевой проект, а общая согласованная стратегия и пространственная концепция. Этот подход, подкрепляемый участием государственных властей, гибким пространственным планированием, поддержкой частных инвестиций и использованием всех существующих возможностей, благотворно повлиял на процесс регенерации Сен-Дени. Органы государственной власти смогли найти сбалансированное решение, интегрируя

housing and services to create a dense mixed-use urban neighbourhood. A former factory building with a heritage value should be preserved and valorised as a local cultural centre.

Generally the decline of industrial areas is an uneven and unplanned process. Some companies simply relocate or close down. Other downsize their production and sublet parts of their premises to other companies, while trying to restructure. To get a detailed overview on the situation of the local companies had been an important step for us to preserve existing jobs and to win the support of the local business community. Then we developed a guide plan in stages on the base of the public space grid. Each building project was divided into a negotiation, conception and construction or rehabilitation stage. The objective was to coordinate the requirements of the local actors, so that each company will find the space they need in new modernised premises, while liberating space to built new housing and education facilities.

To include the inhabitants of this area in the regeneration process and to give them the opportunity to get information, express their opinions and participate, we recently set up an onsite model workshop. On a large model of 4 by 5 m in a scale of 1:100,

the inhabitants built during a weekend a collective model of their future neighbourhood. It was not about building a clean architectural model, but using the model as a tool to exchange about the regeneration process of this former industrial site.

Conclusion

Brownfield regeneration is one of the major challenges for city development in the developed countries. In Europe the first organized regeneration processes started from 1970 onwards. This gives us today the chance to learn from a large number of case studies on different territories, like through the former European REVIT program (Revit-nweurope.org, 2018). Cities continue to grow and expand all over the world, partially ignoring the potentials of Brownfield regeneration. Building on Greenfield is still easier and cheaper as long term environmental costs are not considered and Brownfield development needs higher technical, economic and social expertise. But it is essential for sustainable city development and will face important challenges, when developing countries like China will face the transformation of industrial areas on a yet unknown large scale.

в Вид сверху на промышленную территорию Луго в Шуази-ле-Руа. Автор: EPA ORSA / Aerial view of the industrial area Le Lugo à Choisy-le-Roi. Author: EPA ORSA

< Стадии трансформации промышленного участка Луго. Автор: Office Rethink 2010 / Stages of the transformation of the industrial area Lugo. Author: Office Rethink 2010

такие ключевые проекты, как строительство стадиона для Кубка мира 1998 года, одновременно сохраняя вовлеченность общественности в лице местных жителей и представителей бизнеса.

Париж – Сена – Амон

В то время как процесс регенерации Сен-Дени уже наполовину пройден, многие другие бывшие промышленные территории Парижской метрополии все еще в начале этого пути. Один важный сектор включает ряд промышленных территорий, расположенных вдоль реки Сены к югу от Парижа. Они принадлежат четырем муниципалитетам: Иври-Конфлюенс, Витри-Ардуан, Шуази-Луго и Вильнев-ле-Руа.

В 2010 нашему бюро было поручено изучить технико-экономическую целесообразность трансформации промышленного участка Луго на территории Шуази-ле-Руа. Этот участок площадью 12 га с разнородной застройкой, состоящей из инфраструктуры, местных учреждений, складов, торговых зданий и бывших фабрик, которые используются в качестве жилья и художественных мастерских. Как и в проекте Сен-Дени, но в более мелком масштабе, мы сначала разработали сеть общественных пространств, чтобы соединить сектор с его окружением; особенно это касалось отсутствующих восточно-западных связей. Существующие здания оценивались по разным критериям с целью их сохранения, восстановления или сноса. Мы старались сохранить как можно большее количество рабочих мест и создать условия для новых, а также разнообразить сферу жилья и услуг, чтобы здесь появился многофункциональный городской район с плотной застройкой. Бывшее здание фабрики, имеющее историческую ценность, должно сохраниться и стать местным культурным центром.

Упадок промышленных территорий – процесс неравномерный и незапланированный. Некоторые предприятия просто переезжают или закрываются. Другие сокращают свое производство и сдают части своих зданий компаниям, пытаясь провести структурные изменения. Детальное изучение ситуации с местными компаниями стало важным шагом в сохранении существующих рабочих мест и в получении поддержки местного делового сообщества.

в План трансформации промышленной территории Луго. Автор: Office Rethink 2010 / Guide plan for the transformation of the industrial area Lugo. Author: Office Rethink 2010

Затем мы разработали все стадии планирования, основываясь на сетке общественных пространств. Каждый проект состоял из таких стадий, как переговоры, концепция и строительство (или восстановление). Нашей целью было скоординировать требования местных представителей, чтобы каждая компания получила необходимое для нее пространство в обновленных зданиях, и в то же время освободить место для строительства нового жилья и образовательных учреждений.

Чтобы ознакомить местных жителей с процессом регенерации, дать им возможность высказать свое мнение и принять непосредственное участие в процессе, мы недавно организовали для них встречу с использованием макета участка. На большом макете размером 4 на 5 метров и масштабом 1:100 жители в течение выходных

> Вид предложенного общественного пространства напротив творческой фабрики Hollander. Автор: Office Rethink 2010 / View of the proposed public space in front of the creative factory Hollander. Author: Office Rethink 2010

< Создание макета совместно с местными жителями. Автор: Office Rethink 2017 / Co-construction with the inhabitants. Author: Office Rethink 2017

строили коллективную модель своего будущего района. Речь шла не об архитектурной модели в чистом виде, а скорее об использовании получившейся модели в качестве инструмента для обмена мнениями о процессе регенерации бывшего промышленного участка.

Заключение

Регенерация заброшенных промышленных территорий – одна из главных градостроительных задач развитых стран. В Европе первые процессы регенерации были начаты в 1970-х. Сегодня это дает нам шанс извлечь урок из большого количества подобных опытов, охватывающих различные территории, таких как, например, европейская программа REVIT (Revit-nweurope.org, 2018). Во всем мире города продолжают расти, зачастую игнорируя потенциал регенерации бывших промышленных территорий. Строительство «с нуля» все еще считается более простым и дешевым способом, однако такой вариант не учитывает экономические затраты в долгосрочной перспективе. В то же время, развитие уже имеющихся

промышленных территорий требует более глубоких технических, экономических и социальных знаний. Но такой путь крайне важен для устойчивого городского развития, он поможет справиться со множеством задач, когда в таких развивающихся странах, как Китай трансформация промышленных территорий приобретет широкий масштаб.

Литература / References

- Anthropocene. (n.d.). Retrieved January 2, 2018 from: <https://en.wikipedia.org/wiki/Anthropocene>
- Crutzen, P. J. (2002); Geology of mankind. *Nature*, 415 (6867), 23.
- Engel, B., Horn, C., Sender, A., Ziegler, V., & Rogge, N. (2017). Transforming industrial heritage in St. Petersburg Possible futures for the southern industrial belt. *project baikal*, 12(46), 134-141. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.46.966>
- Lecroart, P. (2009). The urban regeneration of Plaine Saint-Denis, Paris region, 1985–2020. In: UN-HABITAT, ed., *Planning Sustainable Cities: Global Report on Human Settlements 2009*. UN-Habitat.
- Reicher, C. (2008). *Exposition Internationale d'Architecture et d'Urbanisme Emscher Park*. Essen: Klartext-Verl.
- Revit-nweurope.org. (2018). REVIT - brownfield revitalisation. [online] Available at: <http://revit-nweurope.org/index.html> [Accessed 2 Jan. 2018].
- Transforming Industrial Heritage. Industrial Belt St. Petersburg. (2016). Collaborative Urban Design Studio. [online] Strasbourg: ENSA Strasbourg. Available at: <http://www.strasbourg.archi.fr/publications/transforming-industrial-heritage-industrial-belt-st-petersburg> [Accessed 5 Jan. 2018].

объект номера / object of the issue

Реорганизация территории шелкоткацкой фабрики «Красная Роза» в Москве /
Reorganization of the Territory of the Silk-Weaving Factory "Red Rose" in Moscow

- - - - - ГРАНИЦА РЕСТАВРИРУЕМОЙ ТЕРРИТОРИИ
3000 кв.м ОБЪЕКТЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ*
8408 кв.м ГОСТИНИЦА НА 200 МЕСТ
3434 кв.м ВИДУШНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
4885 кв.м ПРЕДПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ
1687 кв.м ТОРГОВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

ЭКСТРИМАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ

1	ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ЦЕНТР С ПОДЗЕМНОЙ АВТОСТОЯНОЙ	6	ОБЪЕКТОВЫЙ ЦЕНТР
2	СТУПЕНЬ ЗАДАНИЕ	7	БАНК
3	ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР	8	ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР С ПОДЗЕМНОЙ АВТОСТОЯНОЙ
4	ПОСТУПИЛИ С ПОДЗЕМНОЙ АВТОСТОЯНОЙ	9	ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР
5	ОБЪЕКТОВЫЙ ЦЕНТР	10	ЖИЛИЩНЫЙ КОМПЛЕКС С ПОДЗЕМНОЙ АВТОСТОЯНОЙ

* ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НА ПОСЛЕДУЮЩЕЙ СТАДИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА / DESCRIPTION OF THE SITE

Рассматривается реорганизация территории шелкопрядильной фабрики «Красная Роза» в Хамовническом районе Москвы. Излагается концепция превращения нерентабельного советского производства в многофункциональный бизнес-центр. Описываются ситуации, возникавшие в процессе проектирования и реализации проекта, опыт взаимодействия с инвесторами, заказчиками партнерами.

Ключевые слова: шелкопрядильная фабрика; бизнес-центр «Красная Роза»; архитектурная мастерская «Сергей Киселёв и Партнёры»; общественные пространства; рентабельность; комплексное развитие территории. /

The article reviews reorganization of the territory of the Silk-Weaving Factory "Red Rose" in Moscow's Khamovnichesky district. It presents the concept for transformation of an unprofitable Soviet enterprise into a multifunctional business center. It studies the cases that occurred during designing and realization of the project, as well as interaction with investors, clients and partners.

Keywords: silk-weaving factory; Red Rose business center; architectural studio "Sergey Kiselev & Partners"; public spaces; profitability; complex development of the territory

При Петре I в Хамовной слободе ткачей появляется полотняная фабрика Тамеса. В 80-х годах XIX века Клавдий Осипович Жиро и Алексей Михайлович Истомин открывают здесь ткацкое производство: «Разные шелковые и полшелковые материалы на самых выгодных условиях отпускает фабрика К.-М. Жиро в Москве, Теплый переулок, собственный дом». Картинная галерея, построенная в начале XX века талантливейшим архитектором Романом Клейном по заказу Жиро, добавила этому историческому месту Москвы культурную ценность.

В постсоветское время производство вывели с территории фабрики «Красная Роза»; назрела необходимость реорганизации и реконструкции.

Нужно ли сохранять историческую среду этого места?

Полезно ли возвращение

«закрытой» территории городу и его жителям?

Рентабельно ли новое строительство для заказчика?

Ответы казались очевидными и нашли отражение в градостроительной концепции «Реорганизация территории ЗАО «Красная Роза 1875», разработанной Архитектурной мастерской «Сергей Киселев и Партнёры» в 2003 году. Десять комплексов различного вида, размера и назначения соединены общей идеей, а вся ранее закрытая территория становится доступна любому прохожему.

Реализация концепции началась с комплекса № 8, имеющего имя собственное «Морозов».

Комплекс № 8 – Бизнес-центр «Морозов» с офисами класса А в составе бизнес-центра «Красная Роза» – представляет собой разноэтажный объем, объединенный стилобатной частью с подземной автостоянкой.

Корпуса, выходящие на периметр застройки квартала, предложено отреставрировать или реконструировать с воссозданием исторических фасадов. По идее проекта эти здания из кирпича в уровне основного восприятия людей являются опорами легкого моста – корпуса, соединяющего две улицы и выполненного в современной стилистике из светопрозрачных ограждающих конструкций.

Результатом реорганизации квартала стало сохранение сложившейся деловой функции и общей стилистики исторических фасадов старых улиц. При этом, решая проблему рентабельности, проектировщики удвоили общую площадь зданий на этой территории.

Сергей КИСЕЛЕВ,
руководитель авторского коллектива /
Sergey KISELEV, head of the authors team

Архитектурное бюро «Сергей Киселев и Партнёры»

архитекторы

Сергей Киселев, Валерий Швецов, Илья Прежезетский, Антон Литовский, Юрий Громченко, Ксения Дикарева
при участии Галины Харитоновой, Ольги Марченко, Ирины Плотичной

инвестор ЗАО «Красная Роза 1875» (KR Properties)

заказчик ООО «Стройпроект» / Sergey Kiselev & Partners

architects

Sergey Kiselev, Valery Shvetsov, Ilya Prezhetsky, Anton Litovsky, Yury Gromchenko, Kseniya Dikareva
with Galina Kharitonova, Olga Marchenko, Irina Plotitsina

investor Krasnaya Roza 1875 (KR Properties)

client Stroyproekt

Валерий ШВЕЦОВ,
главный архитектор
проекта / Valery
SHVETSOV, architect as
project manager

КОММЕНТАРИЙ ДИРЕКТОРА / THE DIRECTOR'S COMMENTS

Игорь ШВАРЦМАН – генеральный директор / Igor SCHWARZMAN –director general

Работа по проектированию на территории бывшей шелкопрядильной фабрики, позднее названной «Красная Роза», вспоминается с теплотой и благодарностью. И для этого есть причины. Во-первых, редко встречается (особенно сейчас) вменяемый заказчик, представляющий не только то, чего он хочет, но и умеющий внятно сформулировать свои «хотелки» участникам проекта. Немалую роль здесь играет и сама личность заказчика, и качество его окружения. Несмотря на близость недавних девяностых, мы не чувствовали никакой залихватской оголтелости и беспредельности поставленных задач. При этом инвестор осознавал лежащие на поверхности возможности превращения упадочного советского производства в рентабельное гражданское предприятие.

Во-вторых, мы получили возможность не просто участвовать в проектировании очередного здания, а погрузиться в проблемы комплексного развития территории. Под нашу ответственность как генпроектировщика в 2003 году была разработана концепция реорганизации территории площадью около 6 га, предложена поэтапная реализация программы на 15 лет, продуманы все аспекты предстоящего поэтапного проектирования. Реализация этих планов в основном шла и продолжается в русле этой работы. Мы приобрели бесценный опыт взаимодействия со всеми многочисленными партнерами и субподрядчиками. Назову лишь некоторых: градостроительной частью занималась мастерская НИИПИ ГП под руководством Б. В. Бодэ; инженерии помогала делать компания «Термек». И конечно, как я уже говорил, нельзя не отдать должное самому заказчику, его умению встраиваться в ситуацию, идти на компромиссы и принимать адекватные решения.

Бывали сложные ситуации, когда, казалось бы, выход абсолютно непонятен. Приведу лишь два примера. Оба касаются фасадов, т. е. той части здания, к которой проявляют повышенный интерес разные слои населения города. В первом случае сомнения были у главного инвестора, для которого решение стеклянного объема корпу-

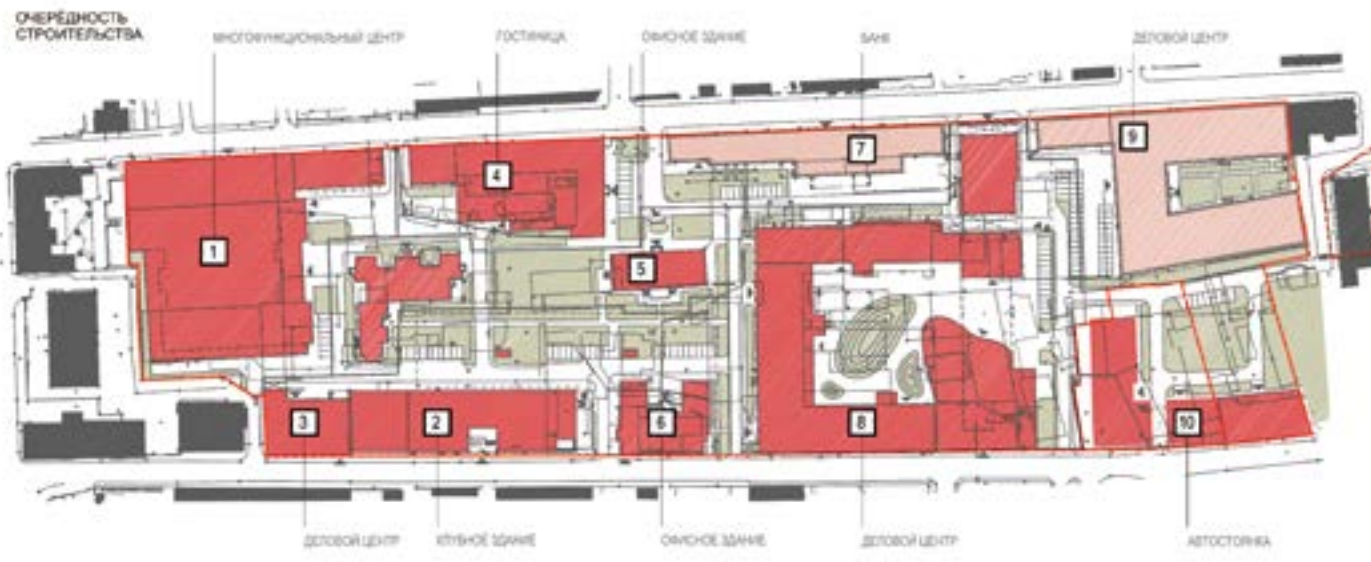
са № 8 (позднее – Бизнес-центр «Морозов»), вырастающего из сохраняемых и воссоздаваемых кирпичных корпусов, казалось неочевидным. В силу природной интеллигентности свое мнение он высказал далеко не сразу. Время шло, а мы не получали согласования заказчика и недоумевали по этому поводу: ведь проект был практически закончен. Наконец, инвестор сам приехал к нам в офис и объяснился: причина коренилась в его личном эмоциональном восприятии. Надо сказать, что офис заказчика тоже находился в «Красной Розе», в реконструированных еще до нас корпусах, где все интерьеры и в высшей степени качественные, очень «лофтовые» лофты были из того же лицевого кирпича. Видимо, по инерции человеку было непросто расстаться со сложившимся стереотипом привычной среды, о чем он нам честно и деликатно сказал. Но позиция Сергея Киселева в этом случае была принципиальной, и он смог если не полностью убедить, то, по крайней мере, настоять на своем продуманном и прочувствованном авторском видении. Спасибо инвестору, что у него хватило ума, такта и прозорливости не ломать «через колено» архитектора, как это часто бывает, и не демонстрировать «кто в доме хозяин». Во втором случае речь опять шла об объеме остекления, но претензии исходили от мэра Юрия Михайловича Лужкова. Уже

было согласовано градостроительное обоснование реорганизации территории ЗАО «Красная Роза 1875», в том числе согласован Москомархитектурой и проект корпуса № 8. Ни у кого не возникало сомнений в возможности публикаций этой работы. Одна из таких небольших статей с иллюстрациями попала на глаза мэру Москвы. Его реакция дошла до нас в виде пометки (к слову, вполне демократичной) на ксерокопии газетной вырезки, переданной Сергею Киселеву главным архитектором Москвы Александром Викторовичем Кузьминым. Лаконичное обращение к Кузьмину с подписью Лужкова гласило: «И вам это нравится?». После этого назначили и провели на уровне ЦАО повторное рассмотрение архитектурного решения и подтвердили его правомерность. Можно говорить, что время расставило свои приоритеты: именно этот узнаваемый вид корпуса с надписью «Яндекс» и экстравагантной лошадью на стилобате стал наиболее фотографируемым.

Этот проект стал одним из первых, реализовавших трендовую сейчас тему развития общественных пространств. Ровно через 10 лет, в 2013 году, нам довелось вернуться к этой теме на проекте освоения территории Завода «Арма» (бывший Московский Газовый завод). Но это, как говорится, уже другая история...

> Объект в процессе строительства в внутренний двор Яндекса

КОММЕНТАРИЙ КУЛЬТУРОЛОГА / THE CULTUROLOGIST'S COMMENTS

Константин ЛИДИН, культуролог /
Konstantin LIDIN, culturologist

Историю часто сравнивают с рекой. События текут, сменяя друг друга, и никогда не возвращаются обратно. Образ «реки Хронос» особенно полюбился поколению историков, «укушенных» Мишелем Фуко с его сугубо негативным взглядом на прошлое. Оно, прошлое, всегда отвратительно, наполнено предательствами, подлостью, алчным властолюбием. Для советских историков таковым был проклятый царизм, для постсоветских – преступный коммунистический режим, и так далее. Может быть, оттого так трудно и с такими потерями идет нескончаемая борьба за сохранение исторического и культурного наследия, что сама память о прошлом для многих окрашена исключительно в черные и грязные тона.

Однако есть такие места, где историю уместнее сравнить с морем. Бурное, с шумом и брызгами течение исторического процесса

здесь сменяется неспешной глубиной. Эпохи не торопятся друг за другом, а как бы наслаиваются, ложатся рядом и медленно, как океанические течения, проникают одна в другую.

Комплекс «Красная Роза» – одно из таких мест.

Брокгауз и Евфрон неожиданно разъясняют: Хамовники вовсе не имеют отношения к Хаму и его потомкам – это ремесленный квартал ткачей (хамовников), который специализировался на производстве столового белья высшего, дворцового качества. Имя сохранилось со времен укрепления абсолютизма на Руси.

Усадьба князей Всеволожских – свидетель конверсии вырождающейся военной аристократии в сословие промышленной буржуазии. По мнению активистов Архнадзора, в своем нынешнем состоянии главный дом усадьбы является стопроцентным новоделом [1]. Одно из самых старых деревянных зданий Москвы, пережившее пожар 1812 года и смытое брызгатым потоком новейшей истории, парадоксальным образом стало памятником сразу двум эпохам: екатерининскому XVIII веку и лужковскому периоду с его идеологией суррогатов и имитаций.

Корпуса мануфактуры Клавдия Осиповича Жиро. Ну да, почтенный владделец крупнейшей в России шелкоткацкой фабрики был жулик и кровопийца, он безжалостно эксплуатиро-

вал пролетариат, подделывал этикетки знаменитых лионских производителей и тайком сливал в Москва-реку ядовитые отходы. За что, в конце концов, и был выслан из страны. Но построенная им фабрика уцелела и стала одним из символов советской самодостаточности, стойкости и гордости за свою, самую передовую в мире страну.

Первые реализации проекта постиндустриальной конверсии «Красной Розы» относились к некоторым из шести десятков объектов комплекса – корпусов под номерами 2, 5, 44, 45. Обнажалась старинная кирпичная кладка, дополнялась стеклянными и металлическими конструкциями, не имитирующими старину, а сочетающимися с ней. Процессы и тут были неоднозначные – чего стоит хотя бы дивная история реконструкции корпуса № 2, когда грубые ошибки в обмерах фасада привели в итоге к смелому и нестандартному решению при полном уважении к историческому зданию [2].

После 2010 года процесс конверсии повернул в направлении средовой архитектуры. Транснациональная корпорация «Яндекс» перенесла сюда свою штаб-квартиру и поставила задачу создания комфортной атмосферы внутри всего комплекса – не только для работников и визитеров, но и просто для прохожих. Эту, третью очередь реконструкции, проектировало

бюро Сергея Киселева, и проект стал документом нового исторического поворота – от мафиозной атмосферы «дикого капитализма» к надежности и растущему социальному доверию капитализма просвещенного.

Возможно, внутри «Красной Розы» так уютно как раз потому, что самые разные эпохи, их следы, накопившиеся за четверть тысячелетия, не враждуют здесь. Ощутимая глубина экспозиции снимает суматошную горячку московской повседневности. История просторна, как море, и все реки в конце впадают именно сюда.

Литература

1. Убитая Москва: усадьба Всеволожского // Сайт ИА REX, 30.05.2011, URL: <http://www.iarex.ru/articles/15912.html>, дата обращения 17.03.2018
2. Гонсалес Е. Проект без компромиссов. // Проект классика. – № XII–MMIV. – С. 118–124

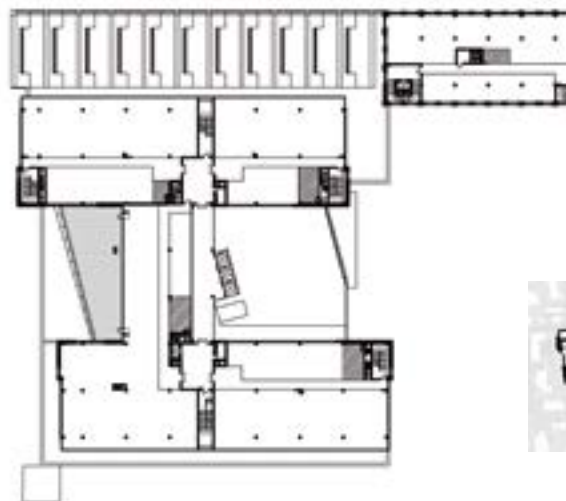
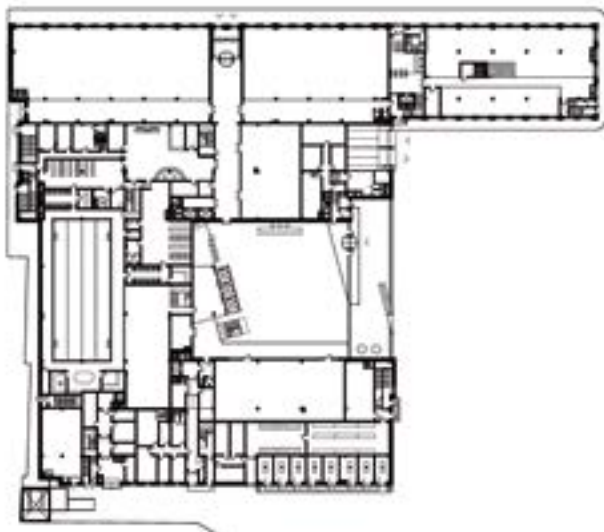
References

- Gonsales, E. (2004). Project bez kompromissov [Uncompromising Project]. Project Classica, XII–MMIV, 118–124.
- Ubitaya Moskva [The killed Moscow: Vsevolozhsky's manor]. (2011, May 30). IA REX. Retrieved March 17, 2018 from 1. <http://www.iarex.ru/articles/15912.html>

КОММЕНТАРИЙ ПАРТНЕРА
«Красная Роза» – первый масштабный проект редевелопмента в России /

THE PARTNER'S COMMENTS

“Red Rose”, the First Large-Scale Redevelopment Project in Russia

Инна БОЧАРОВА, управляющий партнер
компании БРИКФОРД / Inna BOCHAROVA,
managing partner of BRICKFORD Company

В начале XXI века в Москве появилось множество пустующих и обезображивающих облик столицы бывших промышленных территорий. Для их модернизации требовались большие средства и по-новому мыслящие инвесторы. А еще нужно было собрать команду профессионалов-единомышленников.

Идея преобразования территории «Красной Розы» зрела у заказчика не один день. Для реализации своих проектов заказчик ЗАО «Красная Роза 1875» обратились в архитектурную мастерскую «Сергей Киселев и Партнеры» (ныне – «АМ СК ИП»). В 2003 году был создан проект реставрации, воссоздания и строительства территории «Красной Розы». Хочется отметить, что в процессе проектирования архитекторам пришлось решать сотни сложнейших и абсолютно новых для того времени задач. Но Сергей Борисович был человеком не только творческим,

но и очень умным: это было одно из немногих бюро, где команда архитекторов постоянно (начиная со стадии АР) консультировалась с производителями и профессионалами в различных строительных областях.

Могу привести один пример. Нужно было реставрировать (а частично и воссоздать) кирпичные здания промышленной архитектуры конца XIX века; кстати, не являвшихся памятниками архитектуры. Сергей Борисович вызвал меня на встречу, и мы долго обсуждали, с помощью каких видов керамических изделий можно вернуть строениям первоначальный вид. Архитекторы тщательно подбирали цвет, фактуру, размеры кирпича. А ведь это был лишь один из корпусов этого масштабного проекта! 8(!) месяцев нам понадобилось, чтобы получилось то, что сейчас радует глаз: здание из красного кирпича ручной формовки, которое притворяется, что было таким всегда! Интересен

был и подход к выбору кирпича для корпуса, где сейчас расположен Яндекс. Архитекторы поставили перед нами задачу: в общей массе цвет кирпича должен сохраниться, но отличаться фактурой и иметь несколько оттенков. Для этого корпуса мы предложили использовать разнотонный клинкерный кирпич с гладкой поверхностью. А когда Яндекс решил разместиться в помещениях «Красной Розы», в интерьерах также был использован клинкер, но это уже была плитка с поверхностью ручная формовки (проект делало АБ «Атриум»). Работа была одной из самых интересных для того времени: Брикфорд соучаствовал в создании и строительстве зданий бизнес-центра «Красная Роза». Именно соучастие в проекте, а не просто поставка материалов отличают нашу компанию от других и по сей день. И этому нас тоже научила «Красная Роза»!

Заказчик собрал отличную команду профессионалов, благодаря

Россия, Москва, ул. Бауманская, 6, стр.2,
Бизнес-центр «Виктория-Плаза»,
офис 313, 3 этаж.
Tel. : +7 (495) 666 2 666
E-Mail: vlad@brickford.ru
Web: <http://www.brickford.ru>

которым Москва получила новое деловое пространство с бережно сохраненной исторической средой места, спокойной соседствующей с современной архитектурой и новой территорией квартала, открытой горожанам.

Сейчас район стал одним из центров деловой и культурной жизни Москвы. И главную роль в этом сыграла вновь ожившая «Красная Роза».

Подборка материалов «Конверсия профессии» окрашена в тревожные тона: историки и теоретики архитектуры размышляют о том, как меняется смысл и содержание понятия «профессиональный архитектор».

В отличие от теоретиков российскийские практики с энтузиазмом и оптимизмом рассказывают о новшествах в своей работе: соучаствующему проектированию не обучали в отечественных вузах. Горожане все чаще если не соавторствуют в проектах, то уж точно полноценно соучаствуют в составлении задания. Новым для себя опытом делятся красноярский мастер и молодые иркутские урбанисты.

Ветеран отечественного градостроительства Эдуард Товмасын рассказывает о конверсии градостроительного проектирования, современных реалиях некогда крупнейшего проектного института и, в свете недавно объявленного руководством страны намерения развернуть масштабную программу пространственного развития России, дает свое видение перспектив градостроительного дела.

Елена Григорьева

конверсия профессии / conversion of the profession

The materials selected for the “Conversion of the Profession” section are tinged with worry: historians and theorists of architecture speculate on the change in the sense and the content of the notion of a professional architect.

Unlike theorists, Russian practitioners are enthusiastic and optimistic about the novelties in their work: participative design was not taught in Russian universities. If not coauthors, citizens now are at least full participants of drafting the assignment. An expert from Krasnoyarsk and young urbanists from Irkutsk share their new experience.

Eduard Tovmasyan, veteran of national town planning, speaks about the conversion of town planning, present-day realities of the once-largest design institute and gives his opinion on town planning perspectives.

Elena Grigoryeva

В статье подвергается сомнению общепринятое определение архитектуры как профессии, поскольку подлинный предмет архитектуры не определен. Подчеркивается бессистемный набор изучаемых в архитектурных школах предметов и неопределенность статуса архитектора в демократическом обществе. Кризис, переживаемый архитектурой в третьем тысячелетии, может либо завершить превращение архитектуры в строительный дизайн, либо архитектура обретет профессиональный статус.

Ключевые слова: архитектура; профессия архитектора; ремесленная природа архитектуры; отсутствие предмета архитектуры; архитектура в третьем тысячелетии; строительный дизайн; возможность обретения архитектурой профессионального статуса. /

The author questions the generally accepted definition of architecture as a profession, because the genuine subject of architecture has not been defined yet. The article underlines the systemless selection of subjects studied at architectural schools and an indefinite status of the architect in the democratic society. Either the crisis faced by architecture in the third millennium can finish the transformation of architecture into building design or architecture will acquire a professional status.

Keywords: architecture; architectural profession; craft nature of architecture; absence of the subject of architecture; architecture in the third millennium; building design; possibility to acquire a professional status.

Архитектура и профессия / Architecture and the Profession

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Архитектура стала профессией в Древнем Море. Мы знаем имена Иктина, Фидия или Хирама. Знаем имя Витрувия – даже чуть ли не как теоретика архитектуры. Во всяком случае, он это слово употребил в своих книгах. Но этого мало. Возможно, что это были строители или скульпторы с особым даром создавать архитектуру. Из средних веков имена архитекторов дошли до нас отрывочно и случайно, например, мастер Петр. Слово «мастер» было широким понятием и не ограничивалось архитектурой. Кажется, что профессиональной архитектурой стали заниматься мастера Ренессанса, хотя Микеланджело и Рафаэль не были архитекторами. Профессионализация скрывалась в артелях каменщиков и впервые выросла из этих артелей в Академиях XVI века. Но стали ли Академии родоначальниками архитектуры или, напротив, с них начался упадок профессии – большой вопрос.

Сегодня ясно другое: профессия архитектора находится в упадке, как и сама архитектура. И еще более важно: по сравнению с другими профессиями архитектура профессией в полном смысле слова так и не стала. До сего дня она лишь номинально считается профессией, так как подлинный предмет архитектуры не ясен, ибо искусство строить здания охватывает много разных умений и не гарантирует собственно создание архитектуры.

Сегодня понятие «инженер» и то более определено, чем понятие архитектора, несмотря на то, что инженеров много, а архитекторы делятся на планировщиков и собственно архитекторов зданий или интерьеров.

Отсутствие предмета архитектуры сегодня ярко обнаруживается в бессистемном наборе изучаемых в архитектурной школе предметов (от физики до философии) и неясный статус главного преподавателя – мастера архитектуры, который, собственно, и выпускает Архитектора из своих рук, словно лепит его в незаметных советах и подсказках.

Так что архитектура остается все еще ремеслом, вынужденным считать себя профессией. Но и это ремесло год от года теряет свой профессиональный статус и размывает свои границы.

В свое время физики шутили, что физика – это то, чем занимаются физики в свободное от работы время. Кажется, что архитекторы и в свободное от работы время архитектурой не занимаются. Занимаются ли они ею на работе? Едва ли.

Архитектор делает проект, угождая воле заказчика – ученому иногда никто ничего не заказывает. Архитектор порой делает проект, соответствующий тому, что заказчик увидел во сне или подсмотрел в гламурном журнале. Видит ли архитектор свой проект во сне – неясно.

Все это заставляет нас видеть в архитектурном ремесле только часть архитектуры; и архитектура предстает не только как продукт труда зодчего, но и как что-то от него не зависящее. Поэтому очень часто говорят, что архитектура создается «духом времени», как и стиль. А вот дух времени создает архитектуру, не проходя для этого курс архитектуры в институте.

Строитель египетских пирамид Имхотеп строил их не по правилам, выученным в стенах института или академии. То же и средневековый строитель. Да и сегодня едва ли можно сказать, что институты учат, как делать архитектуру. Архитекторы учатся друг у друга, и какая-то группа мастеров задает образцы и стиль. Но как им это удается – до сих пор НИКТО не знает.

Чего же тогда стоят Академии и Институты?

Если пытаться предсказать, что произойдет с архитектурой в третьем тысячелетии, то остается два ответа. Либо она исчезнет, уступив место инженерии и дизайну, или, наконец-то, обретет свой профессиональный статус, и ей можно будет научиться. Возможно, конечно, что на самом деле произойдет нечто третье.

Ключевым различием между архитектором прошлого и будущего становится демократия, идущая на смену аристократии. Архитектор демократического общества предлагает народу архитектуру, которая должна сделать его если не счастливым, то довольным. Но откудова архитектора может появиться такое понимание? И вот рождается идея, что он должен узнать это у самих людей, которым он строит и проектирует. Так, как если бы врач лечил больных по их собственным рецептам и методам.

Те способы, благодаря которым архитекторы все же что-то проектируют и строят, остаются в области темной материи их фантазии и мысли, и проникнуть в эту материю до сих пор никому по-настоящему не удается.

Именно поэтому подготовка архитекторов все меньше зависит от профессоров и учителей. Студенты ухитряются учиться друг у друга и по журналам, выбирая из них идеи и приемы. Все это знают, но техника такого перетекания идей остается вне предметного преподавания и целиком полагается зависящей от «таланта» студента.

Что же касается «таланта» профессора, то он остается своего рода тайной этой темной материи профессионализма. О ней ходят слухи, легенды, о ней рассказывают, а порой сами архитекторы берутся давать советы, исходя из собственного опыта, который приобретается неизвестно откуда.

Все это относится и к учебному проектированию, и к таким искусственным формам обучения, как «пропедевтика».

Вопрос об архитектуре как профессии мне кажется особенно важным в контексте ситуации умирания зодчества. Можно относить это и к общей схеме исторического процесса как одному из признаков конца великой Кали-Юги, но важно рассматривать этот процесс и изнутри профессии – поскольку все универсальные концепции Духа Времени в конечном счете опираются на частные формы жизни. И доверие к профессиональной интуиции не менее важно, чем ориентация на великие мифологемы.

Архитектор – антропологическая проблема, поскольку мы не знаем, что такое архитектура и по силам ли человеку создавать архитектуру. Ущербность существования архитектуры как профессии постоянно приводит архитекторов, с одной стороны, к мании величия и непогрешимости, а с другой – к отчаянию и сомнению. Эта сторона дела практически никогда не освещается ни в критике, ни в полемике, ни в мемуарах. Новая, еще не родившаяся ветвь архитектуроведения – профессиональная антропология архитектора – могла бы осветить скрытые стороны профессии и помочь архитекторам в самоопределении.

Ключевые слова: архитектура, профессия, архитектор, новая ветвь архитектуроведения – антропология архитектора. /

An architect is an anthropological issue, because we don't know what architecture is and whether a human being is able to create it. Inferiority of existence of architecture as a profession always leads architects, on the one hand, to delusion of grandeur and infallibility, and, on the other hand, to despair and self-conceit. This part of the matter is never covered in criticism, polemics or memoirs. A new, not yet born branch of architectural studies, the professional anthropology of the architect, can reveal the hidden sides of the profession and help architects in their self-determination. Keywords: architecture; profession; architect; anthropology of the architect as a new branch of architectural studies.

Архитектор как антропологическая проблема / An Architect as an Anthropological Issue

Посвящается Елене Багиной

Слово «архитектор» обозначает профессию человека, призванного создавать архитектурные произведения. Так сказать, творить архитектуру. Казалось бы – все ясно и ничего удивительного. Почему же я склонен видеть в архитектуре антропологическую проблему?

Прежде всего, потому, что мы точно не знаем сейчас, что такое архитектура и, в частности, по силам ли человеку создавать архитектуру. Или архитектуру создает время, ландшафт, история, миф и еще что угодно, что явно выходит за масштаб человека, превосходит его «человекоразмерность».

Нынешнее падение архитектуры в демократическом обществе обычно связывают с временным опережением техникой иных сфер культуры или превращением человека в массового потребителя промышленного производства. Соответственно, получающего вместо архитектуры продукт строительного дизайна.

Конечно, мы не можем видеть в египетских пирамидах, несомненно, относимых к архитектуре, продукт человеческого творчества и фантазии – это явно нечто иное по масштабу. Таковы же готические соборы.

Но таковы же современные мегаполисы и их деловые районы.

Но, с другой стороны, в типовых пятиэтажках мы уже не видим архитектуры по, казалось бы, прямо противоположным причинам: мы признаем, что это сооружения, построенные по проектам, созданным группой архитекторов, но мы не уверены, что это архитектура.

Теперь посмотрим на этот вопрос с другой стороны. Архитектор, как принято считать, – это профессионал, который владеет своим уникальным профессиональным мастерством. Но и поэт ведь можно считать человека, умеющего сочинять рифмованную словесную конструкцию. Когда поэт говорит о себе: «Я – поэт», – это режет слух. Скорее ему бы пристало говорить: «Я пишу стихи». Но поэзию создает гений – не в том смысле, что гениальный человек, а в том, что поэзия сама себя воспроизводит и пишет. Правда, с помощью того, кто это записывает. Помню, как на процессе Иосифа Бродского судья

спрашивала Бродского, почему он называет себя поэтом, и требовала свидетельства в виде диплома литературного института. Судье казалось, что поэт, как и инженер (человеческих душ), получает необходимую профподготовку в стенах института и без диплома он самозванец и шарлатан. Бродский же отвечал, что поэт – это не от института, а от Бога.

С архитектором в каком-то смысле получается то же самое, но в менее очевидной форме. Сходство архитектуры с поэзией, на мой взгляд, не может быть установлено формально, как родство видов Искусства. Оно в том, что и поэт, и архитектор наполняет жизнь особым смыслом – отчасти возвышенным, отчасти глубинным. И эти смыслы, проходя через душу, ум и фантазию архитектора, ове-ществляются в зданиях, формах и композициях, которые оказываются в чем-то схожи с чудом или волшебством. Но архитектор – не фокусник, хотя в чем-то близок к способности удивлять и поражать, очаровывать или даже пугать.

Нынешнее состояние архитектурной теории и профессиональной подготовки все яснее говорит о том, что это мастерство безвозвратно утрачивается, и нет уверенности, что этот упадок сможет вновь стать возрождением. Но здесь я бы не хотел входить в детали, касающиеся критики теории архитектуры и архитектурного образования; этому посвящены тысячи моих текстов. Здесь я хотел бы обратить внимание на ту сторону дела, которая не сводится ни к теории, ни к программам школ, а именно – к интуиции и мотивам архитектурного творчества, лежащим в глубине человеческого призвания и судьбы. С этой точки зрения, я полагаю, архитектор как профессия так и не смог обрести собственное лицо и метод: в нем сохраняются следы каких-то культурных традиций и методы современной техники в сочетании, не гарантирующем ни успеха, ни осмысленности его работы.

И проблемы архитектурной школы не сводятся ни к методам, ни к наукам, ни к философии. Они лежат в каком-то ином горизонте его призвания – быть носителем смысла жизни, который некогда воспроизводился всей культурой, в том числе и ремесленной традицией, оставшейся надличной и имперсональной, что в совре-

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

менной профессионализированном варианте подготовки архитектора утрачено и не восстановлено ни философией, ни историей, ни теорией.

Архитектор – это неудачный продукт творческой эволюции, все еще не достигший своей собственной смысловой формы и остающийся странным гибридом утопии, истории, техники, науки, искусства, проектной фантазии, творческой воли и маргинальной социокультурной позиции. Отсюда и экстремизм авангарда, и утопизм градостроительных концепций, и китч эклектизма, и охота за всеми новыми смыслами философии и антропологии, и бегство в среду, ландшафт и тысячелетия памяти. Архитектура все больше уходит из жизни в музей или старый город, превращаясь в новых районах в аттракционы и технические фокусы, взрывается мегаломанией и рассыпается множеством неразличимых осколков геометрического совершенства.

Но и это сейчас не главное. В этом тексте я хотел бы коснуться практически никогда не обсуждаемой проблематики профессионального самосознания архитектора и его сиротства в современном мире, гораздо более ясно определенных множеством кодексов. Иными словами, архитектор (при всей торжественности этого слова, названия профессии, придуманного римлянами на греческий манер как «главного плотника»), остается собственной тенью, капитаном Немо, не готовым не только к исполнению своих высших культурных и человеческих обязанностей, но не готовым даже принять их на себя.

Это маргинальное, пограничное, полупризрачное бытие архитектора растягивается в длинную цепочку его должностных обязанностей в крупной проектной фирме, в противоречиях диалога с заказчиком, клиентом, городскими властями и собратьями по искусству. С внешней стороны все это сводится к уникальному одиночеству архитектора в мире других профессий, а изнутри – в полной неопределенности отношений внутри профессии с ее расслоением на лидеров и эпигонов, гениев и профи, профессоров и учеников. Этот хаос пытаются прикрыть созданием профессиональных журналов, творческих союзов, творческих групп, лидирующих и модных или, напротив, традиционных школ и академий, премиями и наградами. Но все это лишь «тени забытых предков».

Это недо-ставшее существование архитектуры как профессии постоянно приводит архитекторов, с одной стороны, к мании величия и непогрешимости, а с другой – к отчаянию, сомнению или готовности стать кинорежиссером, историком, дизайнером, наконец, профессором, ректором или академиком. По воле судеб, всего этого можно добиться и не сделавшись подлинным архитектором. Трудно, но необходимо признать, что интеллектуальный статус нынешних архитектурных школ и академий в большой степени фиктивный и рожденный скорее бюрократическим стандартом, чем интеллектуальной и профессиональной потребностью.

Однако эта сторона дела практически никогда не освещается ни в критике, ни в полемике, ни в мемуарах. Архитектурные мемуары – жанр практически столь же не состоявшийся, как и сама профессия, потому что вспоминать и рассказывать либо не о чем, либо не хочется. Стыдно. И стыд этот объясняется именно несоответствием громкого слова и имени и куда менее доблестной реальности.

Поэтому столь важна и столь неразвита сфера мемуаров и признаний, как и область биографической литературы об архитекторах, порой осуществляемая в достаточной фантастических формах (роман Айн Рэнд «Источник» о Райте). Поэтому так остро – и то лишь немногими – ощущается потребность взглянуть на мир архитектора изнутри, из глубины его самосознания, истории жизни. И дело тут не в пристрастии к чужим тайнам и сплетням;

речь идет о гораздо большем – о понимании судьбы этой профессии, которая, при всей своей нынешней недоразвитости и несостоятельности, остается необходимой и, можно сказать, чуть ли не центральной в жизни массы горожан, если не в жизни всей современной культуры.

В беседах со мной Феликс Новиков – один из самых известных советских архитекторов второй половины XX века, известный еще и как весьма неординарный автор текстов об архитектуре, признавался, что и для него судьба архитектора, тайна его творческой и общественной жизни была и остается важнейшей темой размышлений.

Среди этих тайн, кроме общечеловеческих – брак, семья, дети множество сугубо профессиональных отношений и событий, связанных, прежде всего с коллективной работой в бригаде или связанной с перестройкой сооружений других архитекторов еще при их жизни.

Мало мы знаем об отношениях учителей и учеников, мастеров и их подмастерьев – а ведь каждый зодчий имеет такую, порой драматическую, историю, равно как историю отношений с властью имеющими покровителями или богатыми заказчиками. Сами по себе драматичные, эти отношения чаще всегда покрываются внешними итогами конкурсов, мнениями критиков или теоретиков. Но за ними стоят порой совершенно не раскрытые и мало кому известные заимствования, противостояния, соперничество, риски и множество случайностей, повлиявших на замысел и попытки его реализации в реальной системе связей и отношений.

Мне представляется, что сложившаяся традиция неприкасаемости к этой личной судьбе архитекторов играет весьма важную роль в непонимании самой сути профессии, ее места в культуре, науке, праве, социальных ролях и идеологических путях своего времени. У архитекторов складывается не просто их кредо или творческий метод; в их работе вырабатывается и род идеологии, даже религии или суеверий, которыми они руководствуются и которые никем и никак не контролируются извне, оставаясь тайной самого зодчего как индивидуальной личности с ее судьбой.

Противостояние архитекторов друг другу в условиях конкурсов и соревнований никак не могут быть сведены к принципам стиля, манеры, жанра, типологии и самоповторения или заимствования чьих-то идей. Это всегда органический клубок намерений, амбиций, интуиции, уникальных условий и сочетаний обстоятельств места и времени.

С большим интересом я бы следил за той внутренней игрой оппозиций – от обожания до ненависти, – которые составляют ткань творческой судьбы зодчего. И не для каких бы то ни было бы разоблачений и упреков, а для понимания статуса внутренней борьбы профессионального сознания, которое до сего дня не имеет никаких ясных критериев качества и целиком остается скрытой от внешнего наблюдателя игрой сил.

Конфликты, имевшие место в древности, – к примеру, непонимание между Леонардо и Микеланджело, – никуда не делись, а, возможно, только усилились в наше время, разорванное между сословиями, партиями, науками, ведомствами и, наконец, поколениями. Именно судьбы поколений остаются одной из решающих сил в становлении индивидуальных характеров архитекторов. И далеко не случайно, что выходящие на поверхность конфликты чаще всего интерпретируются именно как конфликты поколений.

История архитектуры, утратившая генеральные линии развития и деградации, остается жертвой этой коммуналности и борьбы поколений, которая после смерти архитектора практически навсегда исчезает из поля зрения профессии и ее культуры. И мы никогда не поймем ни специфики этой профессии, ни ее перспектив – как в

науке, так и в эзотерике, – если не научимся или, точнее, не осмелимся увидеть эту скрытую сторону профессии. Эту обратную сторону профессиональной луны.

Разумеется, можно было бы сказать, что все это можно отнести и к любой другой судьбе и профессии. Отчасти с этим придется согласиться, но нельзя не видеть, что в судьбе архитектора этот разрыв во много раз значительнее и важнее, чем в других, более исторически успешных профессиях, в том числе, в профессии художника, ученого и философа.

Архитектор в новой реальности / An Architect in the New Reality

Наступивший 2018 год содержит, среди прочих, пятидесятилетний юбилей Римского клуба. По этому поводу в самом конце года ушедшего вышел очередной доклад этого знаменитого клуба интеллектуалов, озабоченных глобальными проблемами общечеловеческого масштаба¹.

Целый раздел доклада посвящен задачам архитектуры и градостроительства в той новой реальности, которая предлагается человечеству вместо привычной старой, твердым шагом идущей к неизбежной катастрофе.

Нельзя сказать, что урбанистический раздел доклада содержит нечто принципиально революционное. Экогорода, замкнутый цикл по основным ресурсам, энергетика с нулевым балансом на основе «чистых» источников, баланс рурального и урбанизированного образа жизни – все это обсуждается уже не первое десятилетие.

Интересно другое. Как всегда в докладах Римского клуба, в тексте прослежены неожиданные связи архитектуры с экономикой, экологией, социологией, социальной психологией. И вот этот-то «трансдисциплинарный» подход как раз очень активно будит мысль и порождает массу острых и рискованных, но содержательных вопросов.

Итак, вопрос первый: для кого в основном работают архитекторы старой, традиционной реальности? Кто способен оплатить их высококвалифицированный и творческий труд? Заказчик неизбежно относится к ничтожному проценту имущих, которым принадлежит от 50 до 90% всех богатств мира (социология). Это, по большей части, финансовые спекулянты, потому что именно они преобладают среди богатых и сверхбогатых: ведь девяносто восемь процентов финансовых операций несут ныне спекулятивный характер (экономика). Это люди с психологией временщиков и паразитов – ведь они ничего не производят, а все свои богатства получают в результате сложных и хитрых игр в банковской и биржевой сферах (социальная психология). Именно поэтому их потребительство несет явный отпечаток безумной алчности и расточительности. Так, десять процентов самых богатых домохозяйств мира являются источником сорока пяти процентов общего объема выбросов мусора и атмосферных загрязнений (экология).

Вполне естественно, дальше следует второй вопрос: а что же здесь нового? Начиная с египетского Древнего царства архитектор работал по заказам богатых и властных. Царица Хатшепсут, герцог Лоренцо Великолепный, мэрия Большого Лондона – все они были заказчиками совсем не бедными, но кому это мешало?

Новость заключается в том, что в современном мире больше нет свободных мест и «белых пятен» – ни в географическом, ни в экономическом, ни в культурном смысле. Чтобы возвести здание или город, надо снести старую (историческую) застройку. Чтобы вложить милли-

Дождемся ли мы появления этой новой ветви архитектуроведения, которую можно было бы назвать профессиональной антропологией архитектора? Трудно сказать, ибо для ее рождения потребуются сильнейший рывок за рамки принятых форм архитектуроведения и необычайная смелость и открытость исследователя. Нынешнее состояние архитектуроведения такого прорыва, увы, пока не обещает.

текст

Константин Лидин /

text

Konstantin Lidin

ард в новаторскую постройку, надо вычестить эту сумму из других социальных программ. Чтобы воплотить в стекле и бетоне авторские фантазии, надо изменить традиционный образ города. Полный, пустой мир, в котором жили наши предки на протяжении тысячелетий, на наших глазах заменяется миром полным, в котором больше нет никаких пустот. Зодчество, самое масштабное из всех видов художественного творчества, приобретает зловещее сходство с добычей и распродажей нефти и других невозобновляемых ресурсов, потому что каждый новый проект означает разрушение и утрату чего-то старого. И где взять уверенность, что новое будет более ценным?

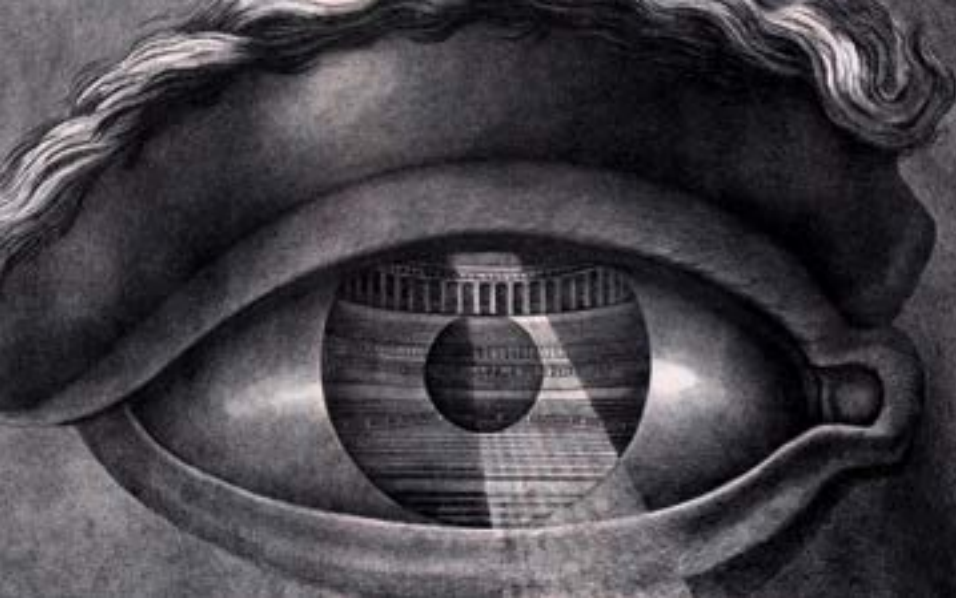
Тут появляется вопрос номер три: что же тут поделаешь? Можно, конечно, поплакать над горькой судьбой сегодняшнего (а еще горше – завтрашнего) архитектора, которому достался такой незавидный выбор: либо становиться соучастником расхищения тысячелетних культурных накоплений, либо оставаться без работы...

Не будучи архитектором, наберусь, однако, нахальства и предложу свой вариант ответа на последний вопрос.

Профессия архитектора меняет свой смысл и содержание. Преобразующая, новаторская функция отступает на второй план. Вперед властно выдвигается функция сберегающая, сохраняющая. Не музейная консервация, а продление полноценной жизни зданий, кварталов, городов. Не в навязывании людям «единственно правильного» образа жизни, не в прогрессорском пафосе конструктивистов и корбюзянцев социальная роль современного архитектора. Тонкое и глубокое вчувствование: какие ценности составляют основу образа жизни людей, которые будут жить в этом доме, квартале, городе? Какие ритмы, какие эмоциональные состояния, отношения поколений, этика и эстетика присущи именно этим людям? Что можно изменить, а что лучше оставить неизменным? «Не надо чинить то, что не сломано» – сказал Конфуций.

Как и любая конверсия, смена смысла профессии протекает болезненно. Профессиональное образование, профессиональное сообщество, традиции, престиж, институциональное оформление – все это крошится и ломается. Что возникает из-под обломков?

1. von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2018. – 220 p.

За разнообразием смыслов слова «конверсия» сегодня вновь становится возможно углядеть новые горизонты трансформации деятельности, в т. ч. – архитектурной и проектировочной, но для этого необходимо очистить слово от привнесенных смыслов и постичь его глубину. Разделяя высказанное Константином Лидиным видение ожидаемой трансформации архитектурной профессии в сторону сбережения социально-экологических и культурно-экологических ценностей, автор предлагает обсудить границы и возможности такой трансформации. Ключевые слова: конверсия проектирования; архитектурная профессия; проектная инноватика; границы проектирования, культурно-экологические ценности; среда. /

In the diversity of meanings of the word 'conversion' one can notice new horizons of transformation of the activity, including architectural and design activity. To do this, it is necessary to clear the word of additional meanings and to comprehend its depth. While sharing Konstantin Lidin's idea of the expected transformation of the architectural profession towards preservation of social-economic and cultural-environmental values, the author offers to discuss the boundaries and possibilities of this transformation.

Keywords: conversion of design; architectural profession; project innovation theory; boundaries of design; cultural-environmental values; environment.

Конверсия проектирования / Conversion of Design

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Категория

Смыслы «конверсии» стали в нашей стране если не печальны, то одиозны. Конверсия, благодаря недомыслию и ошибкам 90-х, стала ассоциироваться с отступлением в притязаниях, с навязанной толерантностью, со смехотворными сквородками от стратегических заводов. Кого в том винить – тема другая, мы сейчас не об этом. Нам важнее теперь схватить упущенное в те годы, поймать ускользнувшие смыслы или хотя бы их слабую тень. Поскольку, кажется, основное тогда прошло мимо, не задело, не легло не токмо в арсеналы, но и в анналы рефлексированного опыта.

Латинское *conversio* суть «обращение», «превращение», а также вполне банальное «изменение», учит нас всезнающая Википедия. Однако согласиться с сужением смысла довольно крутого термина до банального «изменения» не позволяет кураж, который нам пришлось оплатить из своего кармана: конверсия не имеет права быть простой модификацией, синонимом сведения. Как угодно, но именно в России и именно в наши дни термин «конверсия» оплачен достаточно, чтобы покончить со всякой невинностью и наивностью.

«Конверсия – в психологии защитный механизм психики, проявляющийся в тенденции переживать соматический дистресс в ответ на психологический стресс», – продолжает наставлять нас Википедия, и она права в своем латентном критицизме: конверсия давно стала у нас фигурой самоуспокоения. Конверсия стала для нас психопрактикой, позволяющей позитивно (т. е. безболезненно) переживать события ампутации нашей памяти, безопасности, мощи и самой надежды. Психологи сказали бы: переживать комплекс кастрации. Однако в этом ли состоит подлинный смысл конверсии как неотменного процесса эволюции? Не продолжаем ли мы тешить себя смыслами наносными, случайными, косвенными – паразитарными? Думается – да, продолжаем, не имея воли и силы мысли шагнуть в иное.

Конверсия, скорее, есть преобразование, и результаты ее непредсказуемы и неисповедимы, а базовые механизмы, можно полагать, имеют символическую, а не какую-нибудь иную природу. В ситуации конверсии мы вольно или невольно переходим в новую эпоху генезиса

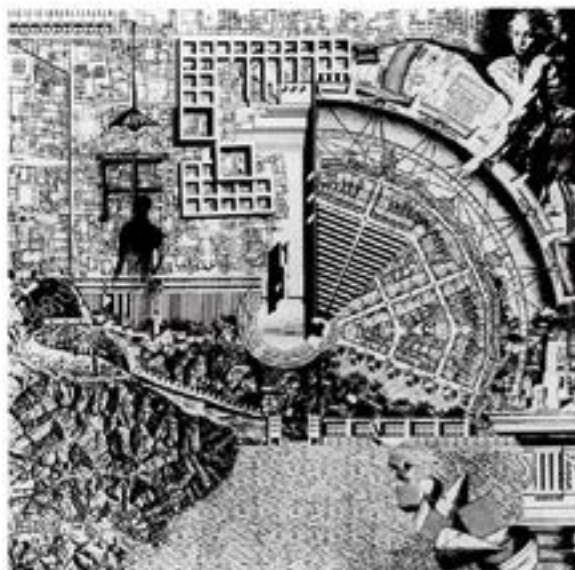
деятельности. При всей вездесущности песен «за развитие» такой поворот оказывается достаточно неожиданным и нежелательным тем, кто привычно стрижет купоны со всяческих «изменений». Ведь его, этот поворот, они научились издали отслеживать и переводить в безопасное русло. Любимой фразой Томаса Мальдонадо была цитата Антонио Мачадо: «Чтобы не допустить изменений внутренней сути вещей, лучше всего постоянно изменять и улучшать их снаружи». Скепсис Мальдонадо понятен: ему требовался доступ к подлинным энергиям преобразования мира; но его-то он так и не смог получить (прежде всего – от проектирования, что не помешало проектированию сохранить свои амбиции и напористость).

Продолжим этимологические опыты. «Конверсия – в лингвистике способ словообразования, образование нового слова путем перехода основы в другую парадигму словоизменения», – уже более конструктивно вещает Википедия (отчего это лингвистика уже больше ста лет куда как более проектосообразна, нежели психология? А если вспомнить о «Грамматике Пор-Рояля» и локковском психологизме, то и больше трехсот!). «Versio» в европейских языках, включая эсперанто, разумеется, версия, множественность возможных путей, что уже ставит под вопрос единственность до сих пор по умолчанию подразумеваемой стратегии конверсии (как только экспеллиармус-стратегии («Экспеллиармус! (Expelliarmus)» – обезоруживающее заклинание в эпопее о Гарри Поттере). А вот с «Con» интересно: как наречие – это «против», как существительное – «жулик», «жульничество» (это-то мы знаем). Но более всего – обозначение модуса: *con brio* – с жаром, с огоньком, *con anima* – с воодушевлением и т. п. Так что, несмотря на врожденные опасности редукции, запечатленные в самом слове, *con versio* – это «с вариантами», импровизируя со множественностью различных идей; открытое к интерпретации, гибкое, фантазийное и не без лукавства. Конверсия – это призыв, слоган, а не наименование (анти)производственной операции.

Но что значит изменяться вариативно? Мало того, что изменение – базовый процесс сего дня, но требуется еще и диверсификация, организация многих и разных линий развертывания изменений. Такая установка, хотим мы или нет, радикально отличается от «перевода на дру-

^ Леду К.–Н. Глаз с отражением интерьера театра в Безансоне. Гравюра, ок. 1789. Символ рационалистической проектности: прожектор, бьющий «изнутри – наружу», артифицирующий весь окружающий мир

v Палимпсест Архимеда

гие рельсы» или от смены курса, «генеральной линии». Слово, на самом деле, учит нас быть внимательными к возможностям, к их ветвлению и обладать воображением в прокладке новых путей. И быть бдительными в отношении убогих плоских редукций, вроде произошедших с промышленностью России в 1990-е годы.

События 1990-х придали слову устойчивый привкус детанта – промышленного разоружения, снятия военных целей и перевода мощностей в безопасное (непонятно для кого) русло. Для архитектурной деятельности также не мешало бы сделать что-то подобное, однако это могло бы быть задачей 20–30 лет назад; за прошедшие годы разнообразие форм практики и практикуемых содержаний заметно возросло, что, по-видимому, несколько притупило ощущение проблемы. Ведь если модернизм в самом деле был эпохой милитаризации деятельности (относительно не только в СССР, а по всему миру), то и случившаяся в конце XX столетия «конверсия» отнюдь не преодолела этот глобальный тренд. Его удалось лишь немного разбавить за счет сдвига фокуса внимания в сторону таких принципиально немилитарных тем, как среда, ценность, экзистенция или, например, место (если оно не совпадает с локацией долговременной огневой точки). Но ничто не мешало и не мешает провести всеобщую мобилизацию экзистенций, сред и мест в любой назначенный момент. И это проблема. Профессия, кажется, лишь временно отправляет гуманитарные и гуманистические нужды; по зову горна она опять начнет вдохновенно строить «машины для жилья» и для убийства, для власти (любой) и ее разнообразных экспликаций. «Конверсия», сведенная к переводу рельс, оставляет за собой запасные пути и бронепоезда на них. Вероятно, это неустранимо и даже неизбежно; в конце концов, среди многих параллельных версий деятельности найдется место и такой. Во всяком случае, сегодня актуальнее и гораздо ближе обновляемому пониманию конверсии уже не прямая демилитаризация профессии, а ее гуманитарное расширение. Но может ли такая конверсия состояться в качестве очередной спущенной «вниз» властной инициативы (как это, кажется, начинает происходить с «городской средой»)?

Тренд

Что вообще происходит с профессией, когда она оказывается в русле санкционированных свыше «изменений»? Особенно если это не «оптимизация», с которой тоже далеко не все понятно: в чьих интересах она осуществляется (общества ли?) и на каких параметрах оптимальности зиждется, на каких «кóзлах» (Gestell) устанавливается, как грубовато, по-швабски, выражался Мартин Хайдеггер? А вот именно изменений тотальных, революционных, сметающих как неприемлемые паллиативы всякую систему параметров и критериев? Разумеется, такое происходит не часто. К счастью. Но уввы, гораздо чаще, чем хотелось бы: история архитектуры XX века в СССР не просто полнится такими событиями, она состоит из их.

Происходит, судя по уже знакомому нам, следующее: совокупность возможных способов существования деятельности резко и насильственно ограничивается крайне небольшим, по сути – одним способом, путем, руслом. Не то чтобы этот путь был уже в составе деятельности изначально; как правило, он создается искусственно (и опять же насильственно) как единственно допустимая и доступная линия – генеральная линия. Для этого конструируются (другого же пути нет!) соответствующие методы и средства, новая норма.

Закрепившись, новая норма диктует свои правила. Теперь уже нет Иного, как сказал бы Жан Бодрийяр, есть лишь протяженная пустыня Тождественного. Мы присутствуем на очередном спектакле подлога: место многих конкурирующих возможностей заняла скудная вариация действительности. Централизованные трансформации всегда и неизбежно ведут к центрации внимания на чем-то одном и опустошению всего остального. В этом «остальном» уже потом приходится заново отыскивать живое, ресурсное и возрождать его. Столько таких «возрождений» знала наша несчастная профессия?

Чаемые сегодня изменения, хорошо обозначенные в тексте К. Лидина, кажется, не вполне совпадают со служебными задачами и должностными обязанностями каких-либо властных структур, включая Министерство культуры. И это обстоятельство внушает сдержанный оптимизм: пока там придут к необходимости вменения соответствующих стратегий, эти стратегии можно успеть

> Ги Дебор. Схемы психогеографической деконструкции Парижа

подготовить. Вопрос, «как это сделать», стоит перед профессией. Но вопрос совсем не прост и, хуже того, не является собственно профессиональным: как только заканчиваются разговоры о среде, исторических ценностях и памяти места, о социально-культурной ткани городов и пр., начинается, как правило, эксплуатация все того же типа модернистского мышления, пусть и несколько побитого прошедшими волнами властной смены «норм». Нам не мешало бы спросить себя: насколько мы готовы к выходу за привычные рамки, что для этого имеем и что необходимо еще сделать?

Профессия наша массивна и, в хорошем смысле, инертна; для нее, кажется, перестали быть интересны авантюры, от кого бы они ни исходили. Но в профессиональной (или околопрофессиональной [1]) рефлексии все более укрепляется настрой на заботу о реальности (в отличие от интереса к действительности своих собственных идей), на диалог с ней. Реальность же несколько десятилетий задается трендом, идущим «снизу» – от городского активизма, культурно-охранительных сообществ, экологических, краеведческих движений и других носителей живого средового чувства, памяти и ценностей. Все это – как по формам организации, так и по хранимому и транслируемому содержанию, – не отчуждаемо, но переводится не то что в приказы и распоряжения, но зачастую и просто в объективное знание. Проникнуться таким содержанием, осознать его значимость и ценность можно только «киснутри», свободно. Но даже и проникнувшись, не обретишь сразу же новых средств и методов работы, необходимых знаний и навыков. Значит, нам надо обсуждать возможности требуемых изменений с точки зрения саморазвития профессии или, исходя из принципа диверсификации, – самоорганизации хотя бы какой-то ее части.

Знание

Сегодня в профессии доминирует отнюдь не процесс развития, но процессы функционирования и производства. В самом деле, цена увлечения этими процессами высока; в ситуации тотального культурного (образоженного, экзистенциального, смыслового, семиотического – какого угодно!) палимпсеста они не даются без

утрат *par excellence*. Неизбежность утрат предполагает – требует – постоянного и непрекращающегося диалога с обществом, с его активными «нервными узлами» по вопросам приоритета и выбора, т. е. постоянно возобновляемой навигации в меняющемся аксиологическом поле, которое представляют собой города и среды. Такой диалог должен был бы стать фундаментальным процессом в архитектурной деятельности, отодвинув иные; прежде всего – производство проектно-сметной документации (не путать с проектированием!). И, можно надеяться, когда-то еще станет. Но сегодня торможение идет едва ли не по всем фронтам. Прежде всего, по причине отсутствия налаженных операциональных форм социально и культурно открытого действа: ведь оно не обеспечивается ни черчением или моделированием, ни культом творчества, ни преобладающими кастовыми привычками. Архитекторы, эта «секта криводушных людей, исповедующих культ лукавства», как выразился Луис Салливан, все еще явно тяготеют к обособлению и изоляции. 60 – 70-е годы XX века как-то всколыхнули эту массу, проявились искренние устремления к открытости. Видимо, социально-политический контекст, а не внутренние процессы и брожения в данном случае является решающим. Сегодня в России не видно сил, способных выдвинуть резкие претензии к профессии (а не к отдельным проектным решениям); скорее, напротив – относительно редкие стычки по поводу одиозных проектов лишь оттеняют «архитектуру» в целом как что-то загадочное, большое и мало понятное населению. Да и мало нужное в повседневной жизни. Для обобщений нужны понятия, а когда критико-теоретическая писательская активность редуцирована (судя по всему – сознательно) до рекламной, то взяться им неоткуда. Становление гражданского общества, в котором, как часто утверждают, будет востребована модель деятельности несравненно более социально-ориентированной и социально-политически открытой, у нас, похоже, откладывается. Но ведь и на Западе (насколько можно судить) архитектура комьюнити начинает страдать догматизмом, шаблонностью, сервилистической пустотой и бессодержательностью. Это, собственно, уже и не архитектура, поскольку там оказалось выхолащено все, следующее из многовековой

^ Михаил Дашевский. Московский палимпсест, фотографии с двойной экспозицией. «Ни памятники культуры (в их материальном выражении), ни элементы традиционной бытовой или психологической культуры (при нынешней ориентации средств массовой информации на процесс модернизации), ни актуально проживаемые ценностные структуры образа жизни, изменяющиеся под воздействием интенсивного потока социальных и коммуникационных инноваций, сегодня не имеют шансов на выживание или возрождение без большого объема исследовательской, проектной и социально-коммуникационной работы» (О. И. Генисаретский [7])

традиции творчества и интеллектуальной автономии. Все используется не по праву, а по привычке (таковы, например, симулякры древних композиционных принципов и форм – клоны символов отнюдь не демократических по природе и отнюдь не жизнелюбивых эпох). Умиления по поводу архитектуры комьюнити становятся сегодня все более востребованными, но ведь угроз архитектуре там не меньше, чем угроз от дизайнера, о которых неустанно и справедливо напоминает А. Г. Раппапорт. У всякой технологии есть свои пределы и оборотная сторона; задачи же сохранения разнообразия и поддержания насыщенности, осмысленности упомянутого «поля» требуют сосуществования многих разных знаний и технологий – не только традиционных и не только инновационных, но тех и других, и еще многих существующих «между» ними как мыслимыми полюсами. И у каждой «единицы» или «зерна» на этом поле есть свой контекст, свои нормы и правила (что, заметим, делает вероятным возрождение и обновление концепта стиля), нарушение которых приводит к неконтролируемому разрушению смысла. В итоге можно получить не поле цветов, но помойку гниющих остатков различной этиологии. Т. е. знания нужны, как и многие наработанные деятельностью умения и навыки, опыт и его рефлексия (и здесь нужна еще ревизия всего того, что содержит в себе сегодняшнее архитектуроведение). Все это надо как-то хранить, обслуживать, транслировать в конкретные ситуации деятельности, воспроизводить в образовании. И при этом не терять способности оперативно реагировать на запросы и нужды стремительно меняющейся реальности. Не раз упоминаемая концепция «тотальной эклектики» уже начинает как-то меркнуть перед масштабностью стоящих перед нами задач.

Содержание

«Профессия архитектора меняет свой смысл и содержание. Преобразующая, новаторская функция отступает на второй план. Вперед властно выдвигается функция сберегающая, сохраняющая», – пишет К. Лидин и дает краткий, но чрезвычайно привлекательный набросок контуров обновляющейся профессии. Мы хотим лишь поддержать и немного развить этот набросок.

Идеология преобразования мира, утверждения нового и небывалого, а вместе с тем и технология внедрения

преобразовательных идей в жизнь и головы консервативных сограждан составили, как известно, целую эпоху эволюции архитектурной деятельности. Помимо прочего, эту эпоху с архитектурой разделили и ее новорожденные родственники – градостроительство (урбанизм) и дизайн. Они рождены были как раз этой интенцией – преобразовательным окаянством разума, начавшего считать, что ему подвластно и создание новых форм, и выход за границы древних прототипов, и преодоление «косности» традиций и ремесла. Архитектура – лишь одна из сфер человеческой деятельности, захваченная этой интенцией, медленно, как спираль барочной волюты, развертывавшейся в истории Нового времени и больно ударившей своим «концом» – модернизмом. Наша статья посвящена не истории и не критике модернизма; об этом написано и сказано очень много. Нам достаточно здесь указать на моральное исчерпание указанного умонастроения, и, разумеется, на его социальный, экологический, культурный и пр. крах.

Однако крах крахом, а ситуация автоматически, сама собою, не меняется; очень многое в нашей деятельности принадлежит эпохе, которую хотелось бы закрыть, как прочитанный роман – местами увлекательный, местами нудный, безусловно – драматичный, часто страшный, но в целом довольно лживый. Ведь не получилось практически ничего из обещанного и ожидаемого: формобразование (Gestaltung) так и не стало полноценной креативной практикой, поскольку фатально разошлось со смыслом и значением творимого; единство духа времени (Zeitgeist), выраженного в окружающем новом бравом мире, равно как и целостность самого мира и формирующих его искусств (Gesamtkunstwerk) достигнуто не было. Сами термины, обозначавшие цели «рационалистической» экспансии традиционного мира, обросли нехорошими ассоциациями, стали звучать пугающе, хотя и поистрепались.

Между тем, архитектура в вихрях этих бурных приключений успела стать профессией (хоть до сих пор и не вполне), а профессионализируясь (т. е. получая опору на «объективное знание», поставляемое наукой, но в большей степени – опираясь на собственный сциентизм, создавая институты массового воспроизводства, выстраивая

профессиональные оргструктуры и пр.), освоила весьма своеобразную конфигурацию своего, теперь основного, метода – проектирования. Вот с ним-то и проблемы.

Можно было бы сказать, что обсуждаемой нами конверсии подлежит не собственно архитектура, всегда (до своего альянса с новым методом) умевшая отвечать на зов Места, быть охранительницей традиций и ценностей, защитницей экзистенций, местоблустительницей подлинного бытия и самого Царствия Небесного. Архитектура должна была, как мы хотим, лишь вернуться к своим забытым умениям, вернуть себе хотя бы часть былой мощи – генуинной, а не заимствованной и не наведенной. Конверсии – радикальному переосмыслению, а то и смене самой парадигмы – подлежит не она, но ее... проектирование.

Именно с проектированием связана преобразовательная интенция, о которой сказано выше. Оно есть инструмент так называемого «полагающего мышления» – того самого, которое не только закладывает в мир идеи и принципы, но умеет уже строить миры, соответствующие своим идеям и принципам, артифицируя (обыскуствляя) мир человеческого обитания, делая его все менее подлинным, проводя в мир забвение бытия. Оно сблизняет на поиск небывалого, манит авторское тщеславие, неведомое традиционному архитектору, провоцирует на нарушения и трансгрессии, несомненно, креативные. Оно, а вовсе не архитектурное умение и мастерство, оседлало утопию и сумело распространить свои осуществленные грезы на бесконечные ландшафты планеты. Можно продолжать, но здесь нас интересуют не пороки известного проектирования, не морок его теорий и даже не его критика и границы [2], но его возможная судьба в происходящих тектонических сдвигах архитектурного профессионализма.

Архитектурная профессия, повторим, слишком глубоко укоренена в культуре артифицирующего мышления, слишком долго делала ставку на искусственное, чтобы вмиг поменяться и начать вновь служить традиционным ценностям и стратегиям их неспешного и умудренного сбережения, культивирования мест и ландшафтов обитания. Но есть и ресурсы для желаемой конверсии, и, кажется, немалые.

Если Проектирование остается технологией искусственного *par excellence*, то Архитектура, если отделить ее имманентные техники от проектной идеологии, хорошо управляет процессом оестествления – обратным артификации, связанным с вхождением артефактов в повседневность, обживанием их, привыканием к ним. И это не только пресловутый плющ, которым незадачливый архитектор может скрыть свои ошибки. Не все в архитектуре подверглось проективизации (дизайнированию); до сих пор сохранились традиционные методы и средства работы, еще теплятся где-то в глубине памяти и преданий техники созидания мест, общения с *Genius Loci* (проектированию же они чужды: проблема места в проектировании возникает сегодня впервые, на что точно указал А. Г. Раппапорт [3]). Управление оестествлением могло бы стать новым базовым методом в обновляющейся архитектурной профессии, если бы удалось решить проблему проектирования – не только выстроить культурные и деятельностные нормы для проектной инноватики, но и сформировать новую историческую парадигму.

Такая новая парадигма архитектурного проектирования в своих общих контурах уже начинает проявляться. Она будет:

- гибкая, вариативная, гетерархичная, если угодно – «инклюзивная» (оммаж Роберту Вентури);
- «гуманитарная» по типу знания (существующая парадигма проектирования принадлежит преимущественно естественнонаучному и инженерно-техническому типам знания и мышления);

- дружественная архитектурному сознанию по характеру и духу, интенциям и коннотациям (существующая парадигма враждебна им; феномен «архитектурного проектирования» существует сегодня за счет симбиоза своих составляющих, но не слияния их. Привычка не замечать это должна быть отнесена к чудесам нашей адаптивной способности);

- ценностно-смысловая: она должна принадлежать ценностному, но не целевому типу рационализма, быть ориентированной на смыслопорождение и открытость к плодотворным интерпретациям, в т. ч. мифопоэтическим;

- свободна от характерной для существующей парадигмы зависимости от предметных идеализаций, особенно заимствованных из сопредельных сфер знания;

- ориентирована на индивидуацию мест, ландшафтов, сред, обитателей, вместе с тем призвана обеспечивать средовую идентичность, порождающую индивидуальные резонансы с разнообразными средами;

- «технически» более широкой и, возможно, даже более операциональной, чем существующая парадигма. Она будет в состоянии преодолеть ряд характерных затруднений: визионерский утопизм; «финализм» (отнесенность проектируемого содержания к конечному моменту времени); репрезентативность (свойство предъявлять одно через другое, вводя в заблуждение, зачастую сознательно); отождествление с моделированием (методом, ответственным за подавляющую массу нереалистичных идеализаций и редуций в известном сегодня проектировании); абстрактную безадресность, воспитываемую композиционной пропедевтикой, и т. д.

Список можно продолжить, но для целей нашей статьи вполне достаточно и сказанного. Описанное – задача не одного десятилетия, что совсем немного: ведь существующая парадигма проектирования, которой теперь приходится противопоставлять новые исследования и разработки, формировалась не менее полутысяч лет, со времен Альберти и первых репрезентативных чертежей, обслуживающих точностью своего дискурса выражение и трансляцию индивидуального авторского замысла. Исследования и разработки, эксперименты и инициативы требуются весьма разнообразные и масштабные; их программу не изложить в небольшой статье. Но обсуждаемый нами, с удачной подачи К. Лидина, сдвиг объективен, он реально, хотя и медленно происходит, властное требование времени услышано, и работы уже идут.

Профессия

Тезис о том, что профессия, эта временная и преходящая форма организации деятельности, себя исчерпала (и не только в архитектуре) звучит уже почти полвека. Профессия трещит по швам, но держится. Сколько еще продержится – неизвестно, как неизвестно и то, что закончится быстрее: ресурсы разнообразия и развития на планете или стойкость известной нам, «исторически случайной» (М. К. Мамардашвили) конфигурации архитектурно-градостроительного профессионализма. В любом случае мы обязаны уже сегодня обсуждать возможности и задачи того, что идет на смену этой конфигурации.

В разлетающейся вселенной архитектуры становится необходима широкая гамма различных разработок, прежде всего – специфических экспликаций исторического теоретического опыта, тренда его проблем и т. п. Одной из значимых, решающих задач уже сегодня является сохранение традиции архитектурного мышления во всех его формах. Поскольку заранее предвидеть возможный спрос на знание невозможно и не нужно, весь интеллектуальный потенциал должен сохраняться во всей возможной полноте. А это – очень сложная задача. В частности, можно предположить появление новой специальности, которую условно можно назвать «ар-

хитектурный архивариус» (архи-архивариус). И это не бюрократическая позиция в деятельности, а весьма креативная, методологически фундированная и, возможно, более ответственная, нежели позиция проектировщика. Этим потребность в новых специализациях не исчерпывается. Известно, что уже сегодня в США развернуто образование по 500 (пятистам!) специальностям и специализациям в области архитектуры. Растет популярность архитектурного образования как т. н. «гражданского образования» – без центрации на работе выпускника архитектором, и уж тем более без центрации на идее производства и проектно-строительного функционирования. О профессии и профессионализме там речи уже нет и в помине. Во Франции и других странах существенно сокращается ареал работ, где необходимо лицензирование архитектурного труда. То же самое происходит и в России. Эти события и тенденции неоднозначны, но в любом случае они – свидетельство не только распада монолита деятельности и утраты ею монополии, но и проникновения архитектуры и архитектурного мышления (как и различных видов проектности) в самые мелкие «поры» общественной жизни и практики. В этих условиях тотальной диверсификации возможно и необходимо переосмысление модернистской парадигмы проектирования как чего-то сугубо специального, решительно обращенного к будущему, форсированно-креативного, революционного и агрессивного по природе своей.

Кстати, проблема конверсии проектирования (напомним: мы говорим об архитектурном проектировании, оставляя в стороне геополитическое стратегирование и подобные ему масштабные практики), видимо, не стоит перед Востоком (Китаем в частности) в силу отсутствия предмета (здесь можно сослаться на живые впечатления и методологический анализ М. Мееровича [4]), а вот проблема архивации и сохранения полноты деятельностного опыта, равно как и сохранения традиционных ценностей (от их, например, «сувениризации») стоит, да еще как! И проблема эта не может быть решена без значительной доли воображения.

Город, городская среда как палимпсест – сюжет не новый. От римских планов до ситуационистов, от «Collage City» [5] до мистификаций Леона Крие этот сюжет получил многообразные интерпретации. Однако преобладают в этих интерпретациях мотивы эстетизации сложности и противоречий, наложений, многослойности, неожиданных столкновений, и практически отсутствует проблематика выбора, в которой нет уже эстетствующего автора и нет отстраненного созерцателя. Выбор связан с утратой иного – того, не в пользу чего он сделан, и, ускользая от рефлексивного контроля, оставаясь в руках ограниченной касты «решал», непрерывная цепочка актов выбора неизбежно ведет к торжеству тождественности. Все это мы уже проходили. Оттого и умиляемся коллажам и палимпсестам, что для повседневной практики они остаются не более чем метафорами. Нам трудно признать, что обретение способности работы со средовыми палимпсестами требует кардинального пересмотра всей структуры и содержания профессии. Мы все еще предпочитаем эстетский взгляд на вещи, считаем всякую проблему вопросом, способным уютно разместиться в нашем дерефлексивном вокабулярии. Задача сохранения и приумножения, а также и возвращения местам обитания индивидуальности, жизненности и многообразия ставит перед профессией, ее теорией и практикой, образованием и переподготовкой, оргструктурами и управлением совершенно новый класс вызовов. Прислушайтесь ли их архитектурная профессия? Или же, как это случилось со «средовым подходом», в очередной раз сведет все к формальным имитациям?

Если конверсия включает в себя и обращение, то в случае с архитектурным проектированием мы можем квалифицировать происходящие изменения как обращение не вспять, но к подлинному, к глубинному в его полной достоинства устойчивости на изменчивом виртуальном поле современной культуры. Так что речь, будем надеяться, идет все же не о стилистических играх. Да и объектом их уже не является морфология города, его фрагментов, и прочих, сводимых к формальным преобразованиям и привычных «объектов» (ср.: [6]). Конверсия, обсуждаемая нами, – фундаментальная, даже онтологическая. Она намного превосходит границы сегодняшней архитектурной профессии; она предполагает смену взгляда на всю культурную реальность, а не только на задачи защиты избранных «...ценностей культуры, поставленных на износ» в инновационных версиях проектирования; на возрождение, спасение погребенных ранее структур сознания и культуры» [7]. При нынешних темпах ускорения быстрого действия «инновационных версий» проектирования и строительства погребенной может оказаться вся культурная реальность, вся она уже требует для своего выживания «неинновационных» версий проектной работы. Они вовсе не обязаны непременно страдать мизономизмом и пассеизмом, но обязаны знать свои границы – границы энтузиазма и воли, пространственных и темпоральных масштабов [8; 9]. Ведь конверсия, напомним, это не перевод на другие рельсы, не тотальная и единая, централизованная и плановая перестройка; конверсия – дело многих локальных инициатив. Ее ростки прорастают изнутри, нащупывая пути между глыб привычных методов и форм мышления и действия. Пусть такие ростки еще довольно слабы, но их время настало.

Литература

- Капустин П. В. О типах профессионализма в архитектурном образовании // Проект Байкал / Project Baikal, 2017. – № 53. – С. 50–53
- Раннапорт А. Г. Границы проектирования [Электронный ресурс] // Вопросы методологии, 1991. – № 1. <http://www.archi.ru3>. Раннапорт А. Г. Открытость или неисчерпаемость [Электронный ресурс] // Башня и лабиринт: блог А. Г. Раннапорта. http://papardes.blogspot.ru/2010/08/blog-post_9239.html
- Меерович М. Китай изнутри: фрагменты дневника // Проект Байкал / Project Baikal, 2017. – № 54. – С. 94–104
- Rowe C., Koetter F. Collage City. – MIT Press, 1983. – 185 p.
- Капустин П. В. Миметический дизайн [Электронный ресурс] // Архитектура и строительство России, 2017. – № 4 (224). – С. 114–115. <http://www.asrmag.ru/4-2017/Tesaurus-ilovepdf-compressed.pdf>
- Генисаретский О. И. Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры – к креативной антропологии и автопоэзису // [Электронный ресурс] // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. – Вып. 8. – М., 2001. <http://prometa.ru/olegen/publications/46/print>
- Капустин П. В. Масштаб и проектирование: от мнотности к смыслу [Электронный ресурс] // Архитектурные исследования : Научный журнал. – Воронеж : Воронежский ГАСУ, 2016. – № 3 (7). – С. 33–41. <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№3-7.pdf>
- Капустин П. В. Масштаб и проектирование: от зримости к оценке [Электронный ресурс] // Архитектурные исследования : Научный журнал. – Воронеж : ВГТУ, 2016. – № 4 (8). – С. 4–14. <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№4-8.pdf>

References

- Genisaretsky, O. I. (2001). Povорот v kulturno-ekologicheskom diskurse: ot ekologicheskoi metafory kultury – k kreativnoi antropologii i avtopoezisu [A turn to cultural and environmental discourse: from an environmental metaphor of culture to creative anthropology and autopoiesis]. Etnometodologiya: problem, podkhody, kontseptsiy, 8.

Moscow. Retrieved from <http://prometa.ru/olegen/publications/46/print>

Kapustin, P. V. (2016a). Masshtab i proektirovaniye: ot mernosti k smyslu [The scale and design: from dimensionality to the meaning]. Arkhitekturnye issledovaniya, 3(7), 33-41. Voronezh: Voronezhskiy GASU. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№3-7.pdf>

Kapustin, P. V. (2016b). Masshtab i proektirovaniye: ot zrimosti k otsenke [The scale and design: from visibility to estimation]. Arkhitekturnye issledovaniya, 4(8), 4-14. Voronezh: VGTU. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№4-8.pdf>

Kapustin, P. V. (2017a). Mimetic design. Arkhitektura i stroitelstvo Rossii [Architecture and Construction of Russia], 4 (224), 114-115. Retrieved from <http://www.asrmag.ru/4-2017/Tesaurus-ilovepdf-compressed.pdf>

Kapustin, P. (2017b). The Types of Professionalism in Architectural Education. project baikal, 14(53), 50-53. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1211>

Meerovich, M. (2017). Inside China: fragments of the diary. Project Baikal, 14 (54), 94-104.

Rappaport, A. G. (1991). Granitsy proektirovaniya [Boundaries of design]. Voprosy metodologii, 1. Retrieved from <http://www.archi.ru/lib/publication.html>

Rappaport, A. G. (2010, August 12). Otkrytosť ili neisчерpaemost' [Openness or inexhaustibility]. Bashnya i labirint. Retrieved from http://papardes.blogspot.ru/2010/08/blog-post_9239.html

Rowe, C., & Koetter, F. (1983). Collage City. MIT Press.

Анализируется опыт проектировщиков по созданию образа набережной Енисея в городе Дивногорске. Подчеркивается необходимость диалога архитекторов с различными группами населения, дифференцированным по возрастам, менталитету и сферам деятельности. Предлагается стратегия проведения переговорных площадок как эффективного механизма проектирования городской среды.

Ключевые слова: проектирование; общественные обсуждения, набережная Енисея; Дивногорск; городская среда; малые архитектурные формы; экспертное сообщество. /

The article analyses the experience of creating an image of the Yenisei embankment in Divnogorsk. The article points out the necessity of a dialogue between architects and various groups of inhabitants differentiated by age, mentality and fields of activity. It proposes a strategy for discussion grounds as an effective tool of designing a city space.

Keywords: design; public discussions; the Yenisei embankment; Divnogorsk; city environment; street furniture; expert community.

Соучаствующее проектирование – социальный миф или реальный механизм проектной работы? /

текст
Алексей Мякота /
text
Alexei Myakota

Соучаствующее проектирование и общественные обсуждения, которые сегодня являются некой потребностью и протоколно зафиксированы в федеральной программе развития качества городской среды, явление для нашей социально-политической атмосферы относительно новое, методически не отструктурированное и даже не осмысленное по отношению к ее конечному результату. Любые попытки получить на таких мероприятиях конкретные предложения чаще всего дают набор довольно известных общепринятых стереотипов, отражающих не столько настоящие потребности людей, сколько реалии окружающего их некачественного благоустройства или же поверхностные, неоднократно повторенные тренды, не относящиеся к конкретной социально-экономической и природно-климатической картине города.

В настоящее время не разработана стратегия коммуникации как организационной модели, способной выявить своеобразие, идентичность и наиболее приемлемые к ситуации и месту предложения, сформировать контекстное функционально-смысловое содержание городской среды. А такой механизм должен быть заложен в реализацию федеральных программ независимо от территориального масштаба поселений – миллионный ли это город или малое городское образование. В этом процессе должны принимать активное участие все субъекты города: законодательная и исполнительная власть, крупный и малый бизнес, формирующие общественное мнение лидеры и горожане, архитектурное сообщество.

Но в настоящее время даже в рамках профессионального сообщества наблюдается полная неразбериха в определении собственных компетенций в подходах к содержанию и смыслам развития города – от противостояния градостроителей с урбанистами до конфликтов архитекторов с дизайнерами городской среды. Но именно профессиональное сообщество должно анализировать и представлять на переговорной площадке рефлексию потенциала территории, ее пространственных возможностей, аккумулировать и представлять в отчетливой форме стратегический вектор развития городского пространства.

Отсутствие легитимного статуса общественных обсуждений, конструктивного и результативного механизма их

проведения, как правило, делает подобные мероприятия практически формальными. Собственно, это уже сегодня мы наблюдаем в некоторых городах, где НКО оспаривает результаты определения приоритетных городских площадок под финансирование целевых программ.

В 2017 году мы в качестве проектировщиков и исполнителей подрядных работ на всех этапах реализации выполняли первый этап реконструкции набережной Дивногорска. Мы вступали в непосредственный диалог с дивногорцами на строительной площадке. На первых этапах некоторыми горожанами высказывалась традиционная негативная реакция: «ничего не нужно трогать, ничего не нужно делать...». Но по мере осуществления проекта и нашего целенаправленного включения в диалог с гуляющими на набережной мы стали свидетелями других реакций. Старожилы рассказывали о том, как строилась капитальная набережная в 70-х годах, обсуждали строительные площадки, высказывали мнения о том, чего на набережной не хватает горожанам. Нам удалось понаблюдать за разными целевыми группами горожан и их активностью; в этом диалоге мы и сами формировали систему ценностей по отношению к этой территории, определяли позиции различных категорий населения. Результат реализации первого этапа подтвердил, что выбранная пространственная идеология сработала достаточно точно. Решения, основанные на «ощущениях места», вызвали одобрительную реакцию у горожан и получили высокую оценку со стороны организаторов федеральной программы комфортной городской среды.

На первом этапе обустройства набережной стояла задача найти образы малых архитектурных форм, адекватные патетике среды, впечатляющему масштабу гор противоположного берега Енисея, выстраивающие диалог с природой. Вместе с городской администрацией мы обсуждали вопрос о содержательном наполнении всей набережной, отвечающем потребностям дивногорцев разных возрастов и социальных групп. Конструируя свои образы набережной, мы пришли к выводу о необходимости общественных обсуждений, в которых стала бы видна и специфика небольшого, относительно молодого города, и достаточно конкретные представления о его развитии.

Participative Design – a Social Myth or a Real Tool of Designing?

Первым шагом стала организация переговорной площадки с лидерами общественного мнения, представителями культуры и бизнеса. От них мы услышали ряд существенных, устоявшихся представлений и суждений, затрагивающих иерархию определенных городских ценностей. Следующие шаги – встречи с разными целевыми группами населения. Вторая встреча была с активной учащейся молодежью и лидерами молодежного движения. Предстоит встреча со спортсменами – профессионалами и любителями, сторонниками активного отдыха и представителями групп экстрима. Планируется проведение переговоров, прорабатывающих контакты с разными категориями бизнеса; круглый стол на тему историко-культурного наследия и развития города, а также встреча с горожанами разных возрастов – молодые мамы, пожилые люди.

Методологическая задача этих встреч – выявить приоритеты в направленности интересов участников и найти активных представителей, которые могут на итоговом мероприятии представить выработанное мнение. На нем запланировано провести «дискуссию компромиссов и консенсуса» с представителями разных целевых групп, выявляя то содержание и смыслы, которые послужат техническим заданием для проектирования.

Мы прекрасно понимаем, что используемый нами механизм, как мы видим и стараемся реализовать его сегодня, подходит к конкретной ситуации небольшого и молодого города и не всегда может быть применим к другим муниципальным образованиям. Такой формат переговорной площадки – не панацея: он составлен из множества субъективных факторов, одним из которых был уже осуществленный первый этап реализации набережной, выполнивший роль некоего активатора.

Стратегия проведения таких переговорных площадок должна быть выработана не иначе как в виде организационного регламента, сформулированного и принятого экспертным сообществом. И подход к этим мероприятиям должен быть заложен не только в сам механизм реализации федеральных программ: он должен стать основой любого проектирования городской среды.

Соучаствующее проектирование в Иркутске / Participative Design in Irkutsk

Рассматривается публичное обсуждение проектов общественных пространств в четырех округах Иркутска. Излагаются основные позиции проекта «Формирование комфортной городской среды». Характеризуются особенности общественного обсуждения проектов в разных районах города и разными категориями горожан.

Ключевые слова: приоритетный проект формирования комфортной городской среды; соучаствующее проектирование; горожане.

The article reviews public discussion of the projects for public spaces in four districts of Irkutsk. The key aspects of the project “Formation of a comfortable urban realm” are presented. The article also features the peculiarities of the public discussion of the projects among different groups of citizens and in different districts of Irkutsk.

Keywords: priority project of formation of a comfortable urban realm; participative design; citizens.

текст

Анастасия Репина /
text
Anastasia Repina

Публичное обсуждение будущих проектов общественных пространств прошло с 26 января по 14 февраля в рамках приоритетного федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». Более 700 горожан приняли участие в проектных сессиях по четырем округам города. По заказу администрации города организатором сессий выступила Сибирская лаборатория урбанистики.

Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» стартовал в 2017 году и продлится до 2022 года. Одним из обязательных условий является вовлечение горожан в процесс выбора, проектирования и реализации общественных пространств. Сама методология соучастия не очень популярна и слабо развита в России, тем не менее оно – необходимое условие проекта. И в этом году к подготовке сессий по соучаствующему проектированию подошли более тщательно: была сформирована специальная команда модераторов и организаторов; группа социологов подготовила социальный паспорт по каждой из рассматриваемых территорий.

Всего было проведено 4 мероприятия по 26 общественным территориям. Окончательный перечень вошедших в проект объектов будет определен путем открытого голосования на сайте администрации.

Для каждой площадки были сформированы рабочие группы из заинтересованных горожан, которые в течение часа разрабатывали проект благоустройства. Модераторами в рабочих группах, вместе с организаторами, выступили проектировщики площадок, на которых велось обсуждение как эскизов (при их наличии у разработчика), так и предложений от жителей. Для некоторых районов горожане представили свои проекты, например, по скверу в микрорайоне Приморский. Здесь жители внесли предложение по благоустройству территории и выступили с инициативой по исключению из генерального плана города строительства дорожной развязки, захватывающей большую часть будущего парка, а клуб хоккеистов заявил о желании принять участие в строительстве круглогодичного хоккейного корта и поддержке его эксплуатации. В поселке Жилкино, где часть работ уже была выполнена по программе общественных инициатив, активисты расширили проект благоустройства и представили макет сквера. А в Пади Долгая жители изменили участок, определенный под благоустройство, обособив другой, представляющийся более приоритетным.

Важными источниками информации для проектировщиков стали люди, хорошо знающие территорию, ее

историю, особенности использования, запросы соседей и желающие активно участвовать в реализации. Так, в Ленинском округе ценными сведениями поделилась начальник Иркутского центра культуры Солодкова Ольга, изучавшая территорию парка, расположенного по ул. Розы Люксембург и включающего Храм Великомученика и Целителя Пантелеимона, и написавшая по нему книгу. В Октябрьском округе активное участие при обсуждении Иерусалимского мемориального комплекса и еврейского кладбища приняли представители различных религиозных конфессий. В прошлом году по инициативе АНО «Иркутские кварталы» в рамках приоритетного проекта была благоустроена Иерусалимская лестница, и если в этом году Иерусалимский мемориальный комплекс и улица Подгорная наберут достаточное количество голосов, то в итоге может возникнуть комплекс благоустроенных пространств: 130-й квартал, театральная площадь, мемориальный комплекс, лестница и улица Подгорная как связующий элемент.

После продуктивного обсуждения в группах команды представляли результаты своей работы остальным жителям и экспертам; последние, в свою очередь, давали рекомендации. В состав экспертов вошли как профессионалы, так и активные горожане, хорошо знающие район. Кроме того, были отдельно сформированы детские группы (9–13 лет), которые также могли сделать предложения, каким они видят парк, двор или сквер своей мечты.

Работа с детьми проводилась и вне мероприятий: в окружных общеобразовательных школах дети изображали знакомые им пространства и писали пожелания, что бы они хотели в них видеть. Рисунки были проанализированы и включены в итоговый отчет для формирования технического задания на проектирование. Хотелось бы отметить, что дети акцентировали внимание на необходимости разнообразия игровых и спортивных элементов на площадках, нехватке зеленых насаждений, закрытости парков и присутствии большого количества гаражей во дворах некоторых районов.

Проведение таких сессий является значительным шагом в понимании ценности вклада горожан в проектирование городской среды. В то же время, сами жители более осознанно относятся к принимаемым решениям и их результатам; они готовы участвовать в реализации проектов, активном пользовании территорией и поддержании качества благоустройства на должном уровне.

Пути преобразования

Горстройпроекта и кабинета Всесоюзной Академии архитектуры СССР
в ЦНИИП Минстроя России /

The Ways of Transformation of Gorstroiproject and the Cabinet of the All-Union
Academy of Architecture of the USSR into the Central Scientific Research and Design
Institute of the Ministry of Construction of Russia

Рассматривается история проектных организаций в Советском Союзе и России, их значение и направления деятельности. Анализируются современное состояние градостроительства и проектирования городов, принципы руководства проектными институтами. Приводятся слова Президента России из Послания Федеральному собранию.

Ключевые слова: градостроительство; проектирование городских поселений; конверсия; жилищное строительство; Горстройпроект; ЦНИИП градостроительства; Послание Президента России Федеральному собранию.

The article presents the history of design institutions in the Soviet Union and Russia, their significance and areas of activity. It analyses the current condition of town planning and urban development, as well as principles of management of design institutions. The article cites the Presidential Address to the Federal Assembly of Russia.

Keywords: town planning; planning of urban settlements; conversion; housing construction; Gorstroiproject; Central Scientific Research and Design Institute of Town Planning; Presidential Address to the Federal Assembly of Russia.

В далекие теперь уже тридцатые годы прошлого века, когда высшие органы государственно-политического руководства страной, не имея возможности направить достаточные материальные средства и финансовые ресурсы на комплексное разрешение существующей жилищной проблемы, ограничивались сосредоточением всех своих усилий на разработке полезных ископаемых, переработке природных ресурсов, на строительстве промышленных предприятий (в том числе и вооружения), развитии транспортной и энергетической инфраструктуры [1], 25 марта 1931 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной промышленности и о развитии облегченно-го жилищного строительства».

Десятый пункт этого постановления гласил: «Для выполнения этой задачи и руководства всеми строящимися организациями создать при ВСНХ СССР специальное объединение «Союзстандартжилстрой», передав в его ведение необходимые проектные и строительные организации и предприятия, определение которых предоставить ВСНХ СССР» [2]. Приказом № 175 ВСНХ СССР от 01 апреля 1931 года это объединение было создано. Постановлением ВСНХ СССР № 782 от 21 октября 1931 года в составе этого объединения был образован Государственный трест по проектированию рабочих городов и поселков для промышленности «Стандартпроект». В 1933 году «Стандартпроект» с включенным в него трестом «Вузстройпроект» преобразуется в трест «Горстройпроект». Управляющим трестом назначается А. М. Гаспарьян. Организуются отделения Треста в Ленинграде, Новосибирске и Нижнем Тагиле, а также выездные бригады для работы в Магнитогорске, Новокузнецке, Красноярске и других городах. В 1933 году выездная бригада в Магнитогорске была преобразована в «Бюро по рабочему проектированию»;

в Нижнем Тагиле на базе выездной бригады было организовано Нижнетагильское отделение «Горстройпроекта». Новосибирское отделение «Горстройпроекта» организовало из своего состава филиал, постоянно работающий на площадке строительства в Новокузнецке. Кроме названных городов, развивающихся на базе тяжелой промышленности, были развернуты проектные работы по городам Горький, Орск, Липецк, Пермь, Прокопьевск, Караганда, Балхаш, Ленинск, Фрунзе, Никополь, Макеевка, Горловка, Рубежное, а также по поселкам Донбасса, Кузбасса и Урала.

К началу 40-х годов XX века «Горстройпроект» стал крупной квалифицированной проектной организацией градостроительного профиля всесоюзного значения не только по статусу, но и фактически, выполняя работы для важнейших новостроек страны.

В первые месяцы Великой Отечественной войны более 50 сотрудников Горстройпроекта ушли на фронт, большая группа была мобилизована на строительство оборонных рубежей. Из оставшихся сотрудников были сформированы выездные бригады по 15–25 специалистов, которых направили в Челябинск, Орск, Красноярск, Нижний Тагил и др.

В послевоенные годы коллектив Горстройпроекта внес большой вклад в восстановление разрушенных городов и регионов: Сталинграда, Днепропетровска, Донецка, Севастополя, Запорожья и др. Организуются Харьковский Горстройпроект и Киевское отделение Горстройпроекта. Для развития проектирования крупных индивидуальных общественных объектов в 50-х годах в состав Горстройпроекта на правах отделения входят Московские архитектурные мастерские: архитекторы В. Г. Гельфрейх и М. А. Минкус для проектирования Дома МИД на Смоленской площади, архитектор А. Г. Мордвинов – для гостиницы «Украина», архитектор Н. М. Фукин – для первого экспериментального крупнопанельного дома на Соколиной горе. Для проектирования в сжатые сроки Дома Культуры и науки в Варшаве в Горстройпроекте по решению правительства было организовано в Москве управление ДКИН (под руководством архитектора Л. В. Руднева и инженера В. Н. Насонова). Трест осуществлял проектирование более 40 городов РСФСР, а также Украины, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении. Во второй половине 50-х годов Горстройпроект стал Государственным проектным институтом Главстройпроекта Госстроя СССР. Возглавил его архитектор-инженер С. И. Колесников.

Почти с самого начала деятельность Горстройпроект тесно связана с работой научно-исследовательских институтов Всесоюзной Академии архитектуры¹ (в последующем Академии строительства и архитектуры СССР). В составе институтов Академии было отделение («кабинет») разрабатывающее проблемы планировки городов и садово-парковой архитектуры, возглавляемое профессором В. Н. Семеновым (с 1936 года руководитель – профессор Л. А. Ильин, с 1937 года – В. А. Шквариков, а

текст

Эдуард Товмасьян /
text

Eduard Tovmasyan

1. Положение об Академии подписано 27 ноября 1933 г. председателем ЦИК СССР

затем исполняющий обязанности руководителя Н. Х. Поляков. В апреле 1940 года «кабинет» был преобразован в «Научно-исследовательский институт градостроительства и планировки населенных мест». Характерным для его деятельности являлась связь научных исследований с проектной практикой, в первую очередь – с проектированием Москвы (Юго-западный район, площади, магистрали). Уже в годы войны после проводов на фронт сотрудников в Академии наряду с научными исследованиями стали создаваться творческие экспериментальные мастерские академиков. С 1941 по 1952 годы Институт возглавлял профессор В. Н. Семенов. В 1953–1955 годах НИИ градостроительства и планировки населенных мест руководил В. В. Бабуров, а с 1955 по 1963 годы – В. А. Шквариков, занимавшийся до этого по поручению правительства страны восстановлением разрушенных войной городов.

Одной из крупных работ, способствующих восстановлению разрушенных войной городов и сел, был проект «Архитектурно-планировочных правил по проектированию населенных мест городского типа». Они явились базой для последующей (в 1956 году) разработки «Правил и норм планировки и застройки населенных мест». Институтом был выполнен крупный цикл работ по обобщению опыта планировки и застройки городов, а также определению основных положений разработки проектов районной планировки. На этой основе выполнялась первая капитальная работа по советскому градостроительству «Застройка советских городов. Архитектурно-планировочные вопросы», опубликованная в 1956 году, а в 1957 году – вторая капитальная работа, выполненная под руководством профессора В. В. Бабурова «Планировка и застройка городов»². В 1960 году было опубликовано фундаментальное исследование «Основы районной планировки», обобщающее опыт и определяющее перспективные направления и принципы разработки проектов районной планировки.

В начале 1964 года в связи с перестройкой управления строительством и упразднением Академии строительства и архитектуры СССР в целях повышения эффективности научно-исследовательских работ в проектировании и строительстве, согласно Постановлению Совета Министров СССР № 903 от 21 августа 1963 года, был организован ЦНИИП градостроительства Госгражданстроя на базе НИИ градостроительства и районной планировки АСИА СССР и мастерских и отделов по планировке и застройке городов института «Горстройпроект». Институт стал общесоюзным центром и головной организацией, координирующей все научно-исследовательские работы по градостроительству, проводимые в стране и оказывающей вместе с филиалами в Минске, Фрунзе (Бишкеке), Ереване и Тбилиси научно-методическую помощь проектным организациям. В 1991 году по Распоряжению № 63-р от 20 октября 1991 года Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина ЦНИИП градостроительства был передан в ведение Государственного Комитета РСФСР по архитектуре и строительству (Госстроя РСФСР). Наконец, спустя несколько лет после создания по Указу № 305 от 26 марта 1992 года Президента Российской Федерации Российской академии архитектуры и строительных наук ЦНИИП градостроительства был в 1998 году согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 1671 от 31 декабря 1997 года переведен в состав Российской академии архитектуры и строительных наук и стал базовым институтом Отделения градостроительства РААСН.

В разные годы коллектив объединенного ЦНИИП градостроительства возглавляли: доктор архитектуры, член-корреспондент Академии архитектуры и Акаде-

мии строительства и архитектуры СССР, заслуженный архитектор РСФСР, лауреат Государственной премии СССР В. А. Шквариков (1964–1971 годы), заслуженный архитектор РСФСР, доктор архитектуры, действительный член РААСН, почетный академик Международной академии архитектуры, член-корреспондент Академии строительства ГДР, академик Академии архитектуры Сербии В. Н. Белосусов (1971–1987 годы), кадровый сотрудник Института. заслуженный архитектор Российской Федерации, доктор архитектуры, действительный член РААСН В. В. Владимиров (1987–1992 годы), кадровый сотрудник Института, заслуженный строитель России, инженер-градостроитель, советник РААСН Ю. Н. Максимов (1992–2007 годы), успешно завершивший аспирантуру ЦНИИП градостроительства и прошедший трудовой путь до заместителя директора Иркутскгражданпроекта, кандидат архитектуры, советник РААСН А. А. Колесников (2007–2009 годы), заслуженный архитектор России, директор Института Генплана Москвы в 1998–2004 годах. Советник РААСН В. П. Коротаев (2009–2012 годы), кандидат экономических наук, руководитель мастерской генеральных планов муниципальных образований Московской области, ГУП МО «Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства», ученый секретарь, советник РААСН Д. В. Климов (2013 – середина 2014 года).

По инициативе В. А. Шкварикова в 1966–1969 годах была издана подготовленная высококвалифицированным коллективом Института капитальная монография в 5 томах «Основы советского градостроительства», обобщающих теорию и практику градостроительства в СССР. В Институте активно проводилась научная и проектно-экспериментальная работа, создавались научно-методическая и нормативная база градостроительства и районной планировки. Проводились исследования по выявлению закономерностей городского расселения, моделированию трудовых и культурно-бытовых передвижений на основе специальных обследований, применению математических методов в разработке генеральных планов городов, схем и проектов районной планировки, региональных схем расселения. В исследованиях рассматривались проблемы охраны окружающей природной и историко-культурной среды, микроклиматических условий, использования нарушенных территорий и др.

Институт регулярно издавал рекомендации по итогам научно-исследовательской работы коллектива, которые долгое время были незаменимым подспорьем проектировщиков страны. В середине 70-х годов с привлечением научно-исследовательских институтов Академии наук страны ЦНИИП градостроительства выполнял важнейшую государственную работу по теме «Прогнозы развития советского градостроительства на базе социального и научно-технического прогресса». Многие работы выполнялись в тесном сотрудничестве с градостроительными коллективами исследовательских институтов Белоруссии, Грузии, Узбекистана. Была налажена тесная творческая связь с архитектурно-планировочными управлениями больших и крупных городов страны, для развития которых регулярно выпускались методические рекомендации.

Самостоятельными направлениями исследований стали урбозкология, урбосоциология, урбоинформатика. Все это позволило выйти на новый методический уровень, отражающий системное понимание градостроительных задач на основе изучения реальных процессов. В этот период Институт участвовал в оказании научно-методической помощи при решении наиболее значимых в стране задач в области градостроительства – разработке генеральных планов Еревана, Тбилиси, Ташкента, Ашхабада, Харькова, Одессы, Баку, Таллинна, Свердловска, Челябинска, Новосибирска, Ростова-на-Дону и других

2. Разработана в качестве учебного пособия для архитектурных вузов и факультетов

крупных городов. Лучшие специалисты Института участвовали в оказании научно-методического и проектного содействия потерпевшим разрушительные землетрясения Узбекистану и Армении, а также в разработке генерального плана города Славутича для расселения работников потерпевшей аварию Чернобыльской атомной электростанции.

Результаты научных исследований и проектно-экспериментальных работ получили отражение в ряде монографий, сборников научных трудов, а также методических и нормативных документов, подготовленных Институтом (СНиПы, руководства, пособия, рекомендации, методические указания, справочники и т. п.). Справочник проектировщика по градостроительству до настоящего времени не потерял своей актуальности.

Институт осуществлял и до сих пор осуществляет подготовку научных кадров через аспирантуру, создан учебный центр послевузовского повышения квалификации в области градостроительства с проведением лекций в городах (Ростов-на-Дону, Белгород, Улан-Удэ и др.).

Институт участвовал в проектировании более пятидесяти городов, выполнил серию проектных планировочных работ для городов, в которых осуществлялся большой объем строительных работ общегосударственного значения, важнейшими из которых были крупные административные и промышленные центры: Тольятти, Набережные Челны, Балаково, Тобольск, Находка, Ярославль, Иркутск, Кишинев, Фрунзе, Чайковский. Институт возглавил разработку Генеральной схемы расселения на территории СССР, в которой впервые были поставлены общегосударственные задачи и предложены пути их реализации. В развитие ее положений были разработаны региональные схемы расселения Севера и Центра Европейской части РСФСР, Дальнего Востока, Коми АССР, градостроительные разделы целевых государственных программ (по Срединному региону, Европейским регионам СССР, Нечерноземной зоне) и несколько десятков схем и проектов районной планировки, в том числе для кавказских, среднеазиатских и прибалтийских республик. Пионерной работой для города Омска Институт положил начало разработкам в стране территориальных комплексных схем охраны природы. Институт имел широкие международные связи, осуществляя активное научно-техническое сотрудничество с 12 странами европейского континента (в том числе странами бывшего социалистического лагеря, а также Великобританией, Нидерландами, Норвегией, Финляндией, Францией, Швецией) и, наконец, с США и Канадой. В рамках оказания помощи в проектировании выполнены генеральные планы городов Кабула (Афганистан), Гаваны (Куба), Астаны (Казахстан) и Дархана (Монголия), генеральная схема расселения МНР, схема комплексного социально-экономического развития департамента Ика в целях борьбы с опустыниванием (Перу), схема расселения шахтеров Северного Вьетнама.

Работа Института по Тольятти отмечена Государственной премией СССР; авторский коллектив по Набережным Челнам удостоен правительственных наград; по Владивостоку и Чайковскому – премии Совета Министров СССР. Многие работы удостоены медалей ВДНХ.

Коллектив Института активно участвовал в профессиональной помощи пострадавшему от землетрясения городу Ташкенту, а также поселениям и объектам Армении. Для ликвидации градостроительных последствий Чернобыльской катастрофы был выполнен генеральный план нового города Славутич.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов резко сократилась градостроительная деятельность в большинстве регионов России. Несмотря на чрезвычайно сложное финансовое положение, ЦНИИП градостроительства уда-

лось сохранить костяк ведущих специалистов в области градостроительной науки и проектирования.

В начале нового века Институтом разработаны генеральные планы городов Казани, Ярославля, Воронежа, Орла, Саратова, Десногорска (Смоленская область), Старого Оскола и Губкина (Белгородская область), Королева (Московская область) и др., схемы территориального планирования Смоленской, Новосибирской и Белгородской областей, Алтайского края и Республики Алтай, Гагаринского и Вяземского районов (Смоленская область), Белгородского и Новооскольского районов (Белгородская область) и др.

Институт принимал активное участие в архитектурно-градостроительных конкурсах по общественным центрам городов как в России, так и за рубежом, занимая в них призовые места: Новороссийск, Новгород, Улан-Батор (МНР), Ульяновск, Серпухов, ММДЦ «Москва-Сити» с концепцией размещения Евровокзала, Астана (Казахстан – новый центр).

В институте работали и до сих пор работают специалисты высокой квалификации: доктора и кандидаты наук, действительные члены, члены-корреспонденты и советники РААСН, профессора, заслуженные и почетные архитекторы и строители России, почетные строители Москвы.

На Д. В. Климове череда директоров, имеющих непосредственное отношение к градостроительству, завершилась. По отношению к градостроительству претерпела значительные изменения и государственная политика. Указом Президента Российской Федерации № 612 от 08 сентября 2014 года «Об упразднении Министерства регионального развития Российской Федерации» функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере территориального планирования переданы Министерству экономического развития Российской Федерации (часть пункта 2а), а в сфере градостроительного зонирования – Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (пункт 2в).

Нельзя считать нормальным положение, когда градостроительство «разорвано» между двумя министерствами: одно занимается градостроительством (территориальным планированием), а другое – градостроительством (градостроительным зонированием без территориального планирования). Такого за всю историю нашей страны (да и в других странах) никогда еще не было. При всем уважении к специалистам этих двух министерств орган управления развитием городов все же должен быть один.

Решение о «разорванном» градостроительстве не могло не коснуться и ЦНИИП градостроительства РААСН. Пунктом 1 Приказа Минстроя России от 17 июня 2014 года № 300/пр. Институт был переименован в «ФГБУ ЦНИИП Минстроя России». Пунктом 3 этого Приказа были реорганизованы институты РААСН (НИИТАГ, НИИ стройфизики, УралНИИпроект, ДальНИИС) и все региональные отделения РААСН в форме (как указано в этом пункте Приказа) присоединения к ФГБУ ЦНИИП Минстроя России.

Присоединение этих институтов и организаций позволило расширить основные цели деятельности ЦНИИП Минстроя России. Они изложены в приложении к Приказу Минстроя России от 17 июня 2014 года № 300/пр.:

1. Разработка научных основ государственной политики в сфере строительства, архитектуры, градостроительства и промышленности строительных материалов Российской Федерации;

2. Выполнение научно-исследовательских, нормативно-правовых и методических работ в области строительства, архитектуры, территориального и градостроитель-

ного проектирования, планирования и регулирования градостроительной деятельности и архитектуры;

3. Разработка технологий строительства, архитектуры, градостроительной деятельности, экспертиза проектной и градостроительной документации с целью апробации результатов научных исследований;

4. Подтверждение пригодности новых технологий, продукции и материалов для применения в строительстве

Жаль, что головная часть Института, к которой без изменения сути своих названий присоединились остальные, осталась без собственного названия, а могла бы быть Институтом градостроительства ЦНИИП Минстроя России.

В июне 2014 года Генеральным директором ЦНИИП Минстроя России был назначен Сергей Иванович Максимов [3].

Выпускник актерского факультета ВГИКа, он проработал 4 года в Русском драматическом театре им. Грибоедова (Тбилиси), снимался в кино, но затем с конца 80-х до середины 90-х годов XX века работал в коммерческих структурах, получив в конце этого периода обязанность помощника Председателя Объединенного патриотического движения «Держава». Дальше – Курская область (заместитель Губернатора, затем глава Администрации), Магаданская область (заместитель Губернатора), Ненецкий округ (заместитель Губернатора), город Нарьян-Мар этого округа (заместитель главы Администрации города) довольно длительный период работы главным советником Губернатора Ивановской области М. А. Меня и, наконец, – генеральный директор ЦНИИП Минстроя России.

Одновременно в июне 2014 года первым заместителем генерального директора назначается Светлана Георгиевна Логинова, которая через год, 10 июня 2015 года, получает должность генерального директора ЦНИИП Минстроя России. При вступлении на эту должность она представилась коллективу как специалист с высшим образованием – банковский экономист.

Краткое описание предшествующей трудовой деятельности С. Г. Логиновой [4]:

- 2000–2003 гг. – помощник депутата Государственной Думы РФ;
- 2004–2006 гг. – консультант отдела по обеспечению взаимодействия с федеральными органами власти управления по организационному обеспечению деятельности Государственной Думы РФ;
- 2006–2009 гг. – заместитель начальника организационного департамента Пенсионного Фонда России;
- 2009–2010 гг. – директор по социальным проектам российской телекоммуникационной компании, оператора дальней связи ЗАО «Синтерра»;
- 2010–2011 гг. – директор по развитию компании-производителя фармацевтической продукции, крупнейшего в России производителя синтетических антибиотиков ЗАО «Фарм-Синтез»;
- С февраля 2011 г. по июнь 2014 г. – являлась заместителем председателя правительства Ивановской области, руководителем представительства областного правительства в Москве.

Наконец, 27 сентября 2016 года Генеральным директором ЦНИИП Минстроя России назначается Марат Мухажирович Чабдаров.

Выпускник Московского института физической культуры. Работал в отделе агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ. С 1989 года занимался предпринимательской деятельностью. С 1993 по 2008 год трудился в «Автомобильном всероссийском альянсе», присоединенном впоследствии к ОАО «АвтоВАЗ» [5].

По данным официальных источников, являлся учредителем ООО «Центр правовых услуг» в г. Иваново (дата

регистрации 16 сентября 2008 года), осуществляющем один основной вид деятельности в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультирования по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием, а также два дополнительных вида по подготовке к продаже, покупке и продаже собственного недвижимого имущества плюс по предоставлению посреднических услуг, связанных с недвижимым имуществом [6].

Дальнейшая деятельность М.М. Чабдарова была связана с Федеральным центром ценообразования в строительстве (ФАУ ФЦЦС) сначала в должности заместителя, затем первого заместителя Главы и с 23 декабря 2014 года – Главы ФАУ ФЦЦС [7].

Для чего здесь подробно перечислены сферы деятельности указанных трех руководителей? Все они – состоявшиеся люди, достойные уважения. Очень жаль, что в их активной жизнедеятельности до получения статуса руководителя крупного объемного института (ЦНИИП Минстроя России) им не пришлось иметь дело с палитрой градостроительных и архитектурных проблем.

Справедливости ради следует отдать должное М. М. Чабдарову, опубликовавшему в журнале «Градостроительство» проблемную тематическую статью [8].

Время наступило такое, что даже имеющие опыт их руководящие помощники постоянно напоминают коллективу о триумвирате требований, по которым Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства оценивает работу: своевременность выполнения работ (сроки), публикации в Web of Science и Scopus, наличие патентов.

Вот пути преобразований, которые пришлось пройти московским архитекторам, занимающимся градостроительством и архитектурой страны.

Градостроительство направлено на достижение сбалансированного развития системы городов, на решение городских проблем и, в конечном счете, на обеспечение благоприятной среды обитания и жизнедеятельности населения, права на которые закреплены 42 статьей Конституции России. Это сфера деятельности, синтезирующая, как минимум, проблематику экономики, здравоохранения, культуры, образования, транспорта, энергетики, строительства и безопасности [9]. Градостроительство не может находиться в ведении одного из федеральных министерств. Ныне, как было сказано в статье, оно подчиняется даже двум министерствам. Пусть каждое министерство занимается своим делом: Минэкономики – экономикой, а Минстрой – строительством и жилищно-коммунальным хозяйством и т. д.

Нельзя не сказать и о том, что в настоящее время необходимость решения архитектурно-художественных проблем организации пространства при проектировании городского поселения, городского округа предано в нашей стране забвению. В результате архитектор-градостроитель оказался отлученным от градостроительства. Исключение отечественным законодательством понятия города как самостоятельного поселения не отменяет необходимости создания эстетической материально-пространственной среды жизнедеятельности в городском поселении, городском округе, включающим в свои границы город и сельские населенные пункты [10].

Градостроительство и архитектура должны быть в ведении Государственного Комитета при Президенте России.

Завершая статью, хочу отметить, что с 8 сентября 1959 года после окончания учебы в МАРХИ я был по распределению направлен и зачислен в ГПИ Горстройпроект, пройдя вместе с коллективом весь путь Института, описанный в статье. Автору статьи небезразличны и судьба Института, и проблемы градостроительства и архитекту-

ры, о чем он пишет в последних порядка десяти из своих весьма многочисленных (около ста) профессиональных публикаций.

С 2012 года автор статьи пять раз обращался с просьбой к Президенту страны включить проблематику градостроительства в Послание Президента страны Федеральному собранию РФ (в 2013 г. успел обратиться и в Институт современного развития, и к Президенту Д. А. Медведеву); сошлюсь на цитату, уже приведенную выше [9] из последнего обращения автора статьи.

А вот цитаты из Послания Президента страны В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 01 марта 2018 г. :

«Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет. Понятно, что развитие городов и населенных пунктов связано с комплексным решением многих других проблем: это здравоохранение, образование, экология, транспорт... Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны... Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России» [11].

Автор статьи не думает, что именно его обращение послужило поводом, но, тем не менее, с каким удовлетворением это можно слышать и читать! Время даст возможность увидеть, насколько оправдаются чаяния специалистов, разделяющих авторскую точку зрения.

Таковы пути конверсии градостроительного дела. Что было – видели, что будет – увидим мы или наши последователи...

Литература

1. Меерович М. Г. Урбанизация или дезурбанизация? Дискуссия о будущем советских городов [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов, март 2012. – № 37. http://archvuz.ru/2012_1/13 (дата обращения 14. 02. 2018)
2. О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной промышленности и о развитии облегченного жилищного строительства. (Постановление ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 года. Окончательная редакция) Приложение № 9 к п. 8 пр. ПБ № 30 [Электронный ресурс] // <http://istmat.info/node/51611> (дата обращения 16.02.2018)
3. Максачев Сергей, биография [Электронный ресурс] // <http://megogo.net/ru/name/15428-sergey-maksachev.html> (дата обращения 28. 02. 2018)
4. Логинова, Светлана Георгиевна [Электронный ресурс] // <https://www.37.ru/who-is-who/vlast-politika/loginova-svetla-na-georgievna/> (дата обращения 28. 02. 2018)
5. Чабдаров, Марат Мухажирович : Биография [Электронный ресурс] // <http://www.biografija.ru/biography/chab-darov-murat-mukhazhirovich.htm>
6. Чабдаров Марат Мухажирович [Электронный ресурс] // http://citynfo.ru/founder/chabdarov_marat_mukhazhirovich/3181467
7. ЦНИИ экономики и управления строительством [Электронный ресурс] // <http://www.cniieus.ru/news/detail.php?ID=38729>
8. Чабдаров М. М. Развитие национальной системы расселения и размещения производительных сил в стратегии пространственного развития РФ // Градостроительство / City and Town Planning, 2017. – № 4 (50).– С. 20–28
9. Товмасьян Э. О.. ЦНИИП Минстроя России. Москва. Проблемы реализации документов территориального планирования в новых социально-экономических условиях // АCADEMIA архитектура и строительство, 2017. – № 4.– С. 75–80
10. Яффе Э. М. Урбоэкологический вектор градостроительного развития в эпоху постиндустриального общества // Градостроительство / City and Town Planning, 2017. – № 5 (51).– С. 35–37

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01. 03. 2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс»: http://www.consul-tant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/

References

- Chabdarov, M. M. (2017). Razvitiye natsionalnoi sistemy rasseleniya i razmeshcheniya proizvoditelnykh sil v strategii prostranstvennogo razvitiya RF [Development of the national system of allocation of production forces in the strategy of spatial development of the RF]. City and Town Planning, 4 (50), 20-28.
- Chabdarov, Marat Mukhazhirovich. (n. d.a). Biographija.ru. Retrieved from <http://www.biografija.ru/biography/chabdarov-murat-mukhazhirovich.htm>
- Chabdarov, Marat Mukhazhirovich. (n. d.b). Citynfo. Retrieved from // http://citynfo.ru/founder/chabdarov_marat_mukhazhirovich/3181467
- Federalnyi tsentr tsnoobrazovaniya v stroitelstve vozglavil Marat Chabdarov [Marat Chabdarov has headed the Federal Center for Pricing in Construction]. (2014, December 29). CNIИ ekonomiki i upravleniya stroitelstvom. Retrieved from // <http://www.cniieus.ru/news/detail.php?ID=38729>
- Loginova, Svetlana Georgievna (n. d.). 37.ru. Retrieved 28 February, 2018 from <https://www.37.ru/who-is-who/vlast-politika/loginova-svetlana-georgievna/>
- Maksachyov, Sergei. (n. d.). Megogo. Retrieved 28 February, 2018 from // <http://megogo.net/ru/name/15428-sergey-maksachev.html>
- Meerovich, M. G. (2012, March). Urbanism or disurbanism? A debate about the future of the Soviet cities]. Architecton: proceedings of higher education, 37. Retrieved 14 February, 2018 from http://archvuz.ru/2012_1/13
- O bystreishem obespechenii zhilishchami rabochikh ugolnoi promyshlennosti i o razvitiі oblegchennogo zhilishchnogo stroitelstva [On the urgent provision of workers of the coal industry with dwelling and on development of facilitated housing construction]. (1931, March 25). Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, final edition. Appendix 9 to issue 8 of the PB project 30. Retrieved February 16, 2018 from // <http://istmat.info/node/51611>
- Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu [Presidential Address to the Federal Assembly of RF]. (2018, March 1). KonsultantPlus. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/
- Tovmasyan, E. O. (2017). TsNIIP Minstroya Rossii. Problemy realizatsii dokumentov territorialnogo planirovaniya v novykh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh [the Central Scientific Research and Design Institute of the Ministry of Construction of Russia. The problems of implementation of the territorial planning documents in the new social-economic conditions]. АCADEMIA akhitektura i stroitelstvo, 4, 75-80.
- Yaffe, E. M. (2017). Urboekologicheskii vector gradostroitelnogo razvitiya v epokhu postindustrialnogo obshchestva [Urban and ecological vector of town-planning development in the epoch of postindustrial society]. City and Town Planning, 5 (51), 35-37.

От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре Принцип использования форм. Часть 2 /

Рассматривается принцип использования природных форм; показана история возникновения и современное состояние идей и приемов, основывающихся на использовании закономерностей построения природных форм в архитектуре. Анализируются основы архитектурной бионики, дается широкий обзор применения форм деревьев и яиц в конструкциях и архитектуре в мировой и отечественной практике.

Ключевые слова: интеграция с природой; использование закономерностей построения природных форм; архитектурная бионика; принцип объединения сил; экологическое сознание. /

The article observes the principle of using natural forms and shows the history of occurrence and the modern condition of the ideas and techniques based on using regularities of building natural forms in architecture. The article analyses the basic concepts of architectural bionics and observes the use of the forms of trees and eggs in construction and architecture in the foreign and national practice.

Keywords: integration with nature; use of regularities of building natural forms; architectural bionics; principle of integration of forces; ecological consciousness.

Данная статья завершает серию публикаций в журнале Проект Байкал об интеграции архитектуры и природы. См.: Логвинов В. От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип интеграции // Проект Байкал. 2016. № 49. С. 60–72; От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип сохранения места // Проект Байкал. 2016. № 50. С. 52–59; От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип взаимосвязи сред // Проект Байкал. 2017. № 51. С. 136–146; От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип использования природных форм // Проект Байкал. 2017. № 53. С. 128–138

Всю свою историю человек внимательно изучал, как творит природа, и учился у нее творить свой искусственный мир. Однако только в середине XX века на стыке биологии, кибернетики, электроники и ряда новых наук родилась бионика, изучающая биологические системы с целью применения полученных знаний для решения инженерных задач. Раздел бионики – архитектурная бионика – занимается исследованием законов формообразования живой природы и принципов построения живых структур с целью использования их в архитектурной практике [1].

Архитектурная бионика (совместно с биоморфологией и биомеханикой) не копирует, не изображает и не использует «муляжи» природных форм, а исследует и использует принципы и идеи их

построения, включая общие для природы фундаментальные принципы экономии материалов, энергии и обеспечения прочности, надежности и жизнеспособности.

Новая наука с древней историей

Родившаяся как наука, бионика, юридически оформленная в 1960 году на первом национальном симпозиуме в г. Дайтоне (США), в отличие от «лженауки» кибернетики, в Советском Союзе с самого начала была уважаема и пользовалась поддержкой государства. В становлении этой новой науки СССР внес весомый вклад и сыграл ведущую роль; у нас был введен в научный оборот сам этот термин, и не только он.

В 1971 г. при Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры (ЦНИИТИА) была организована Лаборатория архитектурной бионики (ЛАБ), ведущая исследования по целому ряду направлений. В частности, в ЛАБ изучались: строение стеблей злаков для конструирования высотных сооружений, башен и труб; формы разнообразных раковин и ракушек для применения их в большепролетных пространственных покрытиях; устройство цветов для проектирования различных трансформируемых структурных покрытий.

Помещения Лаборатории напоминало пещеру Аладдина, заваленную «сокровищами изобретательной мысли»: стационарными и мобильными моделями и макетами из стержней, пластин, мембран и

тросов. Особое место в работе ЛАБ занимали исследования истории архитектуры, изобилующей примерами творческого переосмысления и применения уроков природы по формотворчеству.

Лаборатория во многих областях сделала значительный научный задел, определивший развитие архитектурной бионики на несколько десятилетий вперед. В семидесятые годы архитектурной бионикой в СССР занимались полдюжины научных институтов страны. В 1978 г. на организованной в Ленинграде крупной международной конференции только по тематике архитектурной бионики было сделано 20 докладов [2].

Безусловно, архитектурная бионика как наука сформировалась в нашей стране, но практические ее результаты использовались только за ее границами.

По печально известной советской традиции, все эти замечательные находки и изобретения были обречены на «невнедрение» в невосприимчивую к любым новациям практику. В девяностые просуществовавшая более двадцати лет Лаборатория архитектурной бионики была ликвидирована вместе со всей прикладной наукой в России. Но мир продолжал исследование в этом перспективнейшем, инновационном направлении, хотя сразу обнаружилось, что наука бионика молода, а история применения закономерностей построения природных форм в архитектуре уходит в глубь веков.

^ Исторический музей г. Бари, Италия

^ Церковь Санта Мария де Белем в Лиссабоне. 1517

From “Green Building” to Architecture Integrated with Nature The Principle of Using Forms. Part 2

v Двор Норман-Швабского замка в г. Бари, Италия. XII век

Каменные, металлические и иные деревья

В сердце европейской культуры, в Италии, в Норман-Швабском замке города Бари, автору довелось открыть «тайну» изобретения крестовых сводов, угаданную в смыкающихся ветвях пальм безвестным зодчим раннего средневековья. Четыре пальмы, поставленные по углам квадрата, немного воображения – и рождается удивительно стройная и логичная конструктивная система. Гениально простая, художественно выразительная тектоническая система, более рациональная и экономичная, чем стоечно-балочная система Древней Греции и арочно-сводчатые конструкции Древнего Рима.

В историческом музее Бари собрана великолепная коллекция готических капителей, развеивающая миф о «темных веках» варварской «готической» Европы. Это было время накопления натурфилософских знаний и чувственных образов, время расцвета архитектурного искусства, давшее потрясающие образцы образной, духовной архитектуры. И образы эти черпались из природы.

А главным источником творческого вдохновения были образы леса, покрывавшего тогда практически весь континент. Таинственные, величественные, устремленные в небо, к свету, к богу деревья были главными учителями средневековых мастеров.

Природа учила не только образности мышления, но и законам тектоники, дающим возможность собрать «ветвями» нервюры огромные нагрузки от каменных сводов и передать их на фантастически тонкие стволы-колонны, своим изяществом превосходящие появившиеся через столетия металлические и железобетонные каркасные конструкции. И это при отсутствии методик расчетов, калькуляторов и компьютеров.

Отсутствие методик расчета сложных пространственных конструкций компенсировалось интуицией зодчих средневековья, основанной на изучении форм живой природы, на накоплении знаний и навыков, передаваемых из поколения в поколение. Так, «высотные сооружения» XVI века на Руси – шатровые колокольни и

храмы – имели колоколообразную (или кеглеобразную) форму, повторяющую форму одиноко стоящей ели. Оказалось, что эта форма обладает наилучшими аэродинамическими свойствами, но открылось это только в 20-е годы XX века [2].

Если надо найти звено, генетически связывающее сегодняшнюю «бионическую» архитектуру со всей предыдущей историей, то это, несомненно, Антонио Гауди. Его смело можно назвать предвестником архитектурной бионики, создававшим из камня и бетона фантастические

образы леса, не уступающие по силе образам Высокой готики.

Впервые в истории архитектуры колонны стали «ветвиться», как у настоящего живого дерева, а «ветви и стволы» каменных деревьев стали сознательно отклоняться от прямого угла и строго вертикального положения. Многогранный, своеобразный талант Гауди дает основания разным исследователям одновременно считать его предшественником органической архитектуры, импрессионизма, супрематизма. Чарльз Дженкс считал

v Собор Саграда Фамилия, Барселона. Архитектор Антонио Гауди, 1882–?

^ Дом Труда в Турине. Архитектор П. Л. Нерви, 1961

^ Вокзал Ориенте в Лиссабоне. Архитектор С. Калатрава, 1998

Гауди предтечей постмодернизма, возникшего почти через сто лет.

Вопреки мнению ненавидевших Гауди идеологов функционализма в архитектуре, «певец кривой линии» Оскар Нимейер считал неистового каталонского мастера истинным новатором, открывшим новые пути в архитектуре.

В. Хайт признавал Гауди «крупнейшим, талантливым мастером «ар-нуво» (в России называвшегося «модерн»)» и отмечал, что «Гауди использовал в своих зданиях конструкции (параболические арки, гиперboloиды, спирали, наклонные колонны и т. д.), геометрия которых превосходила поиски не только архитекторов, но и инженеров XX в.» [3].

Действительно, под «корой» пышного скульптурного декора, под «чешуей» яркой, разноцветной керамической облицовки у Гауди всегда скрывается стройная рациональная конструктивная схема и чистая, геометрически четкая, но живая, самая настоящая бионическая форма. Форма, найденная Гауди с помощью специально разработанной им методики стереостатического макетирования, позволила заменить отсутствующие тогда методы расчетов пространственных конструкций [4].

Через 80 лет метод моделирования форм и процессов был признан главным звеном в научной методике бионики вообще и архитектурной бионики в особен-

ности. Но еще до появления науки бионики эксперименты с двадцатиметровыми «бетонными пальмами» продолжил в шестидесятые годы абсолютно не похожий на Гауди архитектор противоположной по стилистике направленности – Пьер Луиджи Нерви.

А еще через три десятилетия совершенно другой, хорошо знающий бионику и плодотворно использующий ее в своих проектах испанский архитектор Сантьяго Калатрава сделал тему «металлических деревьев» одной из ведущих в своем творчестве. Кроме великолепного осуществленного проекта вокзала Ориенте в Лиссабоне, Калатрава использовал эту тему в не менее интересных неосуществленных проектах реконструкции Рейхстага в Берлине и ресторана Баушенцли в Цюрихе.

Двенадцатиметровые деревья из металла, стеклянная «крона» которых образовывала кровлю этого открытого ресторана, должны были механическим путем закрываться или открываться, подобно цветам, в полном соответствии с принципами бионики [5]. Эти же принципы Калатрава использовал во многих своих осуществленных и неосуществленных проектах.

Поразительное разнообразие форм настоящих живых деревьев порождает разнообразие форм древоподобных конструкций в архитектуре, пробуждая фантазию

архитекторов разных стран и континентов.

Отказавшись от ортогональной сетки в пользу оксогональной, концепция биоморфных модулей покрытия дала возможность получить невиданную ранее степень слияния архитектуры и природы. В проекте пространства для массовых мероприятий в ботаническом саду Orquideogama в Колумбии 4000 кв. м. площади покрыты сенью 14-ти дерево-стальных «деревьев», выполняющих, в первую очередь, задачу защиты от палящего экваториального солнца.

Этот проект открыл новую страницу в бионической архитектуре: крупные древообразные структуры, подобные гигантским деревьям, в тени кроны-крыши которых помещаются крупные городские центры, целые площади и парки. Одними из первых таких мегасооружений стали Конференц-центр в Катаре Арата Исодзакки (2009) и самый амбициозный и дорогостоящий подобный проект в Европе – Метрополь Парасоль в Севилье Юргена Майера (2011).

Этот же прием применен в пока не реализованном, но еще более амбициозном проекте Н. Фостера для эко-города будущего на 45–50 тысяч жителей в пустыне ОАЭ вблизи аэропорта Абу-Даби. Здесь «крона» металлических деревьев со встроенными в нее солнечными батареями выполняет одновременно

< Ботанический сад Orquideogama в г. Медельин, Колумбия. Архитектор Филипе Меса, 2005

> Конференц-центр в Катаре. Архитектор Арата Исодзаки, 2009
v Центральная площадь Масдар-Сити вблизи Абу-Даби.
Проект архитектурного бюро «Фостер и партнеры»

v Разнообразии форм деревьев

^ Павильон из переработанной бумаги Ball-Nogues Studio

^ Вокзал станции «Олимпийский парк», Сочи. Архитектор Н. Явейн, бюро «Студия 44», 2013

задачи солнцезащиты и использования солнечной энергии [6].

Тема деревьев, цветов и грибов стала излюбленной темой инсталляций и временных павильонов в ландшафтной архитектуре. Именно здесь находится сегодня главная площадка для проведения всевозможных экспериментов с бионическими формами в архитектуре, после которого эти формы и найденные принципы применяются уже в архитектуре капитальных зданий.

В России, в условиях полного отсутствия исследований в области архитектурной бионики (прикладные исследования государство принципиально не финансирует, считая это делом бизнеса, а бизнес вообще не интересуется наука с

ее «длинными» деньгами), роль экспериментальных площадок в какой-то мере выполняют фестивали «Архстояние», «Города», «Древолюция». На этих площадках периодически экспонируются арт-объекты, формы которых можно отнести к бионическим. Но вот с применением этих наработок на практике, при создании крупных зданий у нас, как всегда, беда.

Тем не менее, конструкции, формы которых основаны на принципах построения деревьев, постепенно проникают в архитектуру, в первую очередь – в зданиях для транспорта и спорта. Примером могут служить вокзал железнодорожной станции «Олимпийский парк» в Сочи и Терминал А аэропорта Внуково. Оба проекта сделаны на мировом

уровне и высоко оценены как на российских, так и на международных архитектурных конкурсах.

Тему мега-деревьев (древовидных сооружений крупного, градостроительного масштаба) в России продолжает развивать С. Непомнящий, успешно конкурируя с западными звездами и по концептуальной новизне, и по грандиозности замыслов. В уже упоминавшемся конкурсном проекте на ландшафтно-архитектурную концепцию парка «Земля Олонхо» для Якутска предложена концепция домов-гор, образующих долину Олонхо, в центре которой расположено офисно-гостиничное здание высотой 125 метров в форме мифического Мирового Древа Аал Луук Мас [7].

Яйца, луковки, огурцы и др.

Британские ученые покончили с тысячелетним спором, доказав, что сначала была курица. Тем не менее, яйцо остается символом зарождения жизни, образцом органичности и совершенства природной формы. Так же, как формы многих овощей и фруктов, форма яйца обладает замечательными физическими и математическими свойствами. Тела вращения – шар, тор, эллипсоид – очень распространены в природе, так как они превосходят тела других форм прочностью скорлупы-оболочки (при малой ее толщине) и отношением площади внешней поверхности (оболочки) к внутреннему объему, подтверждая принцип экономии материалов в природе.

v Терминал А аэропорта Внуково. Архитектор Н. Шумаков, АО «Метрогипротранс», 2010

v Конкурсный проект «Северный оазис» концепции парка «Земля Олонхо». Архитектор С. Непомнящий, 2014

^ Северный приют, Домбай. Архитектор М. Сууронен, 1979

^ Исследовательский центр Grappa Naudini в Бассано-дель-Граппа. Архитектор Массимилиано Фукас, 2006

v Институт Ленина.
Архитектор И. Леонидов, 1929

Со времен Клода Леду, потрясшего воображение современников фантастическим проектом шарообразного «Дома садовника», архитекторы веками мечтали построить дом в форме шара или эллипсоида. Достаточно близко к осуществлению этой мечты подошли и в России. Это проект институт Ленина И. Леонидова.

Вряд ли Леонидов вдохновлялся проектом Леду, ведь вокруг были сотни примеров использования подобных форм в архитектуре: луковки и маковки православных храмов. Судя по эскизам Леонидова, он тонко чувствовал контраст форм, характерный для древней русской архитектуры. Леонидов – чисто русское явление с чисто русской судьбой.

Реализовать мечту Леонидова удалось только через сорок лет «Гуру зеленой архитектуры» космического масштаба Бакми-

v Эскиз к проекту Наркомтяжмаша.
Архитектор И. Леонидов, 1934

стеру Филлеру, но на совершенно иной конструктивной схеме – в концепции геодезического купола. Сначала, в 1959 году, это было еще полушарие: «Золотой купол» для Американской национальной выставки в Москве. Затем оно модифицировалось в почти полный шар диаметром 76 метров павильона США на ЭКСПО–67 в Монреале.

Этот павильон был прототипом грандиозного эко-проекта «Девятое небо», в котором гигантские геодезические сферы покрывали Нью-Йорк, вися в небе только за счет перепада температуры воздуха. При этом под куполом создавался искусственный климат. Практически все крупные архитекторы XX века попали под влияние идей Бака Фуллера, используя в своих проектах геодезические сферы. Сегодня в мире построено более 300 тысяч геодезических куполов, не считая сфер на детских площадках

в каждом дворе. А в бывшем павильоне США открыт музей охраны окружающей среды – Монреальская Биосфера, этаж которого отдан музею экологических проектов Бакмистера Фуллера.

Замечательные экономические свойства сфер в форме шара и эллипсоида нашли применение и в другой сфере строительства – в жилищах-капсулах для экстремальных климатических условий на крайнем севере, в высокогорье, под водой. В мире таких сооружений уже тысячи. Такие капсулы с минимальной площадью внешних ограждающих конструкций и максимальным внутренним объемом есть и в России.

После этого эксперимента в России реализовано несколько проектов зданий яйцеобразной формы. Только в Москве в последние годы построены Дом-яйцо по ул. Машкова (архитектор С. Ткаченко, 2002); подвесной объем под аркой Живописного моста (архитектор Н. Шумаков, 2004); стеклянный шар Управления транспортного узла у метро «Сокол» (2014).

Продолжает развиваться и направление прозрачных сфер-эллипсоидов более сложных форм. Примечательно, что в этих направлениях совершенно естественно применяются и другие принципы природоинтегрированной архитектуры. Например, принцип сохранения места – минимизации площади застройки и принцип взаимосвязи сред – регулирования открытия во внешнюю среду [8; 9].

Бионические сферы-оболочки могут сильно отличаться как по

форме, так и по размеру. Пример мега-масштаба – знаменитый сорокаэтажный лондонский «Огурец» Нормана Фостера, который часто применяет сферы сложной нелинейной формы. Однако здесь, кроме всего прочего, применен еще один прием из арсенала архитектурной бионики – спираль.

Исследования архитектурной бионики показали, что в природе прочность конструкции часто обеспечивается усложнением ее формы. Закручивание по спирали – один из основных способов повышения прочности при минимальных расходах материала (принцип образования винтовых поверхностей), применен и в лондонском «Огурце» в виде сетчатой оболочки несущей фасадной конструкции.

В лондонском «Огурце» предусмотрено три спиральных атриума на всю высоту здания, выполняющих функцию естественного освещения и вентиляции. Однако эти атриумы, к сожалению, не озеленены. Несмотря на это, лондонское здание имеет множество экологических преимуществ, отмеченных в различных конкурсах: оно потребляет энергии в два раза меньше аналогичных зданий, меньше затеняет соседние территории, обладает замечательными аэродинамическими характеристиками. В нем применено множество инноваций из арсенала «зеленого строительства», в связи с чем здание Мэри-Экс признано лучшим небоскребом мира 2004 года.

А озелененные висячие сады осуществлены в более раннем эко-

v Коммерцбанк-Тауэр, Франк-фурт-на-Майне. Атриум и разрез. Архитектор Норман Фостер, проект 2001

^ Жилой комплекс Agora Garden, Тайбэй, Тайвань. Архитектор Винсент Каллебот, 2010–20..?

логическом небоскребе Н. Фостера: в запроектированном им в 1991 году здании Коммерцбанк-Тауэр во Франкфурте-на-Майне устроен атриум высотой в 160 метров, разделенный на 10 тематических этажей садов, размещенных также по спирали. В этом этапном для «зеленой архитектуры» здании применено сразу 4 принципа интеграции с природой.

В частности, в проекте небоскреба Коммерцбанк-Тауэр использованы приемы «дома на ногах» (сохранения места), буферных пространств атриумов (взаимосвязь сред), этажей садов (регенерация биоценоза), закручивания по спирали (использование закономерностей построения природных форм). Плюс внушительный ряд технических новаций, обеспечивающих требования стандартов «зеленых зданий».

Тема спирали в зданиях-«огурцах» еще более масштабно воплощена в башне Leeza Soho в Пекине, строительство которого завершится по проекту бюро Захи Хадид. Здесь один, но самый большой в мире спиральный атриум высотой 190 метров. Его озеленение проектом не предусмотрено, как и в большинстве зданий Захи.

Кен Янг почти в каждом проекте применял спиральное расположение этажей садов. Спираль – излюбленная тема самого яркого представителя стиля био-тек Винсента Каллеботы. Первым реализованным проектом этого молодого, но уже известного бельгийского архитектора станет строящийся в

Тайбэе элитный жилой комплекс, форма которого заимствована ... у молекулы ДНК человека.

Конечно, «молекула» – это некий рекламный ход, но сдвигка этажей друг относительно друга дала возможность получить на крыше нижележащего этажа озелененную террасу перед окнами роскошной квартиры. Излишне говорить, что и это здание напичкано техническими новинками: на крыше солнечные панели, дождевая вода собирается и идет на поливку овощей и фруктов, выращиваемых на террасах. Все эти меры позволяют позиционировать комплекс Agora Garden как полностью автономную экосистему. Так ли это – покажет ближайшее будущее, но уже сегодня ясно, что это удовольствие не дешево и безумно сложно конструктивно, чем и объясняется задержка строительства.

Принцип объединения сил

В нашей публикации, завершающей серию из пяти статей, выявлено и представлено более 30 приемов и методов интеграции архитектуры и природы, однако в большинстве приведенных примеров используется один или два приема, реализующих принципы интеграции. Примеры сознательного применения большого количества приемов единичны. Зданий, использующих более шести приемов, в мире еще нет даже в проектах.

А вот успехи «зеленого строительства» в мире (не в России) значительно заметнее. В результате совместных усилий общества, государства и бизнеса,

^ Эко-небоскреб Мэри-Экс, Лондон. Архитектор Норман Фостер, 2004

ученых, архитекторов и инженеров «зеленое строительство» стало мощным драйвером инновационного развития строительной науки и строительной отрасли в целом. Но не менее, если не более важным является широкое распространение **экологического сознания** в области строительства, вызванное этим всемирным общественным движением.

Критикуя ограниченность методов «зеленого строительства», его одностороннюю увлеченность (и даже фетишизацию) техническими средствами для решения всех проблем отношения человека и природы, нельзя не отметить безусловную необходимость применения таких средств для экологии. Ведь даже такая негуманная крайность, как Концепция Трех Нулей, может успешно применяться, но только в том случае, если в здании нет людей или они спят.

Природоинтегрированная архитектура – не альтернатива и не дополнение к «зеленому строительству». Здесь надо все поставить на место, перевернув с головы на ноги: **средство** – «зеленое строительство» – должно быть использовано для достижения **цели** – интеграции архитектуры и природы.

Таким образом, архитектурное искусство, направленное на защиту человека от природы, может и должно выполнять также функцию защиты природы от человека всеми доступными средствами. Инженерно-технические методы, безусловно, полезны, и их надо активно применять, но только в том случае, если более естественными и более безвредными для природы архитектурно-планировочными и архитектурно-художественными приемами не удастся удовлетворительно решить проблемы интеграции архитектуры и природы.

Для устойчивого развития человечества необходимо полноценное использование заложенной самой природой в физиологию человека способности к интеграции методов рационального и образного мышления [10]. Примечательно, что за полвека до создания современной теории функциональной асимметрии мозга человека о такой же интеграции говорил Ле Корбюзье, призывая к объединению усилий архитекторов и инженеров, констатируя при этом прискорбный для всей нашей эпохи факт: «Эстетика инженера и эстетика архитектора связаны единством, но первая из них переживает бурный расцвет,

а вторая мучительно деградирует» [11].

Отсюда еще один принцип природоинтегрированной архитектуры, охватывающий все технические методы «зеленого строительства», но без привычной для нас путаницы **целей и средств**. Принцип Объединения сил предполагает взаимодополнение архитектурно-планировочных и архитектурно-художественных приемов всеми доступными техническими методами и средствами, что обещает синергетический эффект при интеграции природы и архитектуры. Кстати, сам термин **синергия** предложен Бакмистером Фуллером.

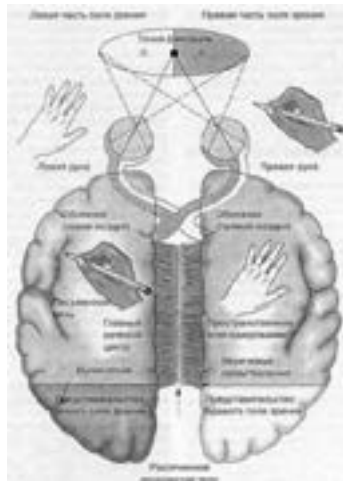
А цель определена еще сорок лет назад основателем архитектурной бионики Юрием Сергеевичем Лебедевым, написавшим слова, актуальные и сегодня: «Исследование законов природы, жизни позволит нам преодолеть существующее противоречие двух систем – искусственной и органической (природной) среды, приведет в итоге к их гармоничному взаимодополнению. Это позволит создать наилучшие условия жизни для человека и сохранить многие ценные свойства природной среды» [1].

Эпилог или эпитафия? (нужное подчеркнуть)

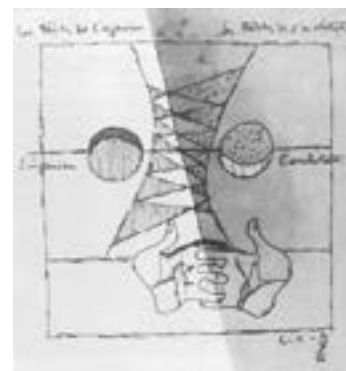
Из наших публикаций, проиллюстрированных 180 примерами из живой творческой практики, может сложиться впечатление, что весь мир, или, по крайней мере, все выдающиеся архитекторы мира уже вступили на путь интеграции с природой. В действительности подавляющее большинство строящихся архитектурных объектов либо враждебны, либо, в лучшем случае, абсолютно безразличны к природе, уничтожение которой средствами архитектуры продолжается нарастающими темпами.

Человеческая жадность, эгоизм и глупость, тупая, ни на чем не основанная убежденность в неисчерпаемости природных ресурсов и в возможности дальнейшего хищнического их использования (после нас – хоть потоп) «успешно» продолжают двигать человечество к грани самоубийственной экологической катастрофы.

Использование принципов, приемов, методов интеграции природы и архитектуры сегодня остается очень редким явлением, а если они и применяются на практике в современной архитектуре, то чаще всего неосознанно, под влиянием моды или из желания сделать

< v Функциональная асимметрия мозга человека. Эмблема объединения «Аскораль», Ле Корбюзье

что-то необычное и оригинальное. Единичны в России и факты применения «зеленых стандартов» – сертификации по рейтинговым системам «зеленых зданий». Да и эти редчайшие случаи происходят по необходимости – по требованию международных организаций (Международного Олимпийского комитета, ФИФА и т.д.)

Непременным фактом остается слабое, неразвитое **экологическое сознание** как в профессиональных кругах архитекторов, в среде политиков и чиновников, так и в обществе в целом. Несмотря на множество разговоров, такое сознание не стало еще основой государственной политики вообще и градостроительной политики – в частности.

Природоинтегрированная архитектура – это не художественный стиль и даже не направление архитектуры, уходящее корнями в глубокую историю человечества, к самым корням архитектуры. **Это, прежде всего, ЭТИКА отношений человека и природы, выраженная в самом материалоёмком, долговечном и дорогостоящем слое материальной культуры человечества – в архитектуре.**

Архитектура, интегрированная в природу – это новый (хорошо забытый старый) ОБРАЗ ЖИЗНИ человека в гармонии с природой.

Виктор Логвинов / Victor Logvinov

Литература

1. Лебедев Ю. С. Архитектурная бионика на новом этапе. Архитектурная форма

и научно-технический процесс. – М. : Стройиздат, 1975. – С. 152

2. Лебедев Ю. С. Дом-улитка и другие. // М. : Московский рабочий, 1983. – С. 6; 12

3. Хайт В. Антонио Гауди и архитектура Запада XX в. – В кн. : Антонио Гауди. – М. : Стройиздат, 1986. – С. 6

4. Нонель Хуан Бассегода. Антонио Гауди. – М. : Стройиздат, 1986. – С. 68

5. Каталог выставки Сантьяго Калатрава «Здания и мосты». – Москва, 1994

6. Масдар (город) [Электронный ресурс Википедия] – ru.wikipedia.org

7. Щербина А. «Земля Олонхо»: проекты финалистов [Электронный ресурс] // Архи.ру – <https://archi.ru/russia/57497/zemlya-olonkho>

8. Логвинов В. От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип сохранения места // Проект Байкал. – 2016. – № 50. – С. 52–59

9. Логвинов В. От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип взаимосвязи сред // Проект Байкал. – 2016. – № 51. – С. 136–147

10. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. – М. : Наука, 1974. – 172 с.

11. Корбюзье Ле. Мысли о творчестве [Электронный ресурс] // URL. – http://corbusier.totalarch.com/atelier_de_la_recherche_patiente/2/4

12. Логвинов В. От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип регенерации // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 60 – 71

Основные объекты Зимних Олимпийских игр 2018 года расположились в окрестностях двух южнокорейских городов: горного Пхёнчхана и прибрежного Каньина. Их архитектура обусловлена ландшафтом и спортивными дисциплинами, для проведения которых они предназначены.

Все олимпийские объекты расположены в Южной Корее компактно. Время доступа к ним из мест проживания участников занимает не более получаса. Это и стало одним из ключевых факторов, повлиявших на принятие Международным Олимпийским комитетом решения доверить Пхёнчхану проведение Зимней Олимпиады–2018.

Всего в Пхёнчхане и его окрестностях к Олимпиаде было подготовлено 12 спортивных арен: шесть построенных и еще шесть реконструированных. При этом уже определена постолимпийская судьба каждой из них.

Я расскажу лишь о нескольких, привлечших мое внимание.

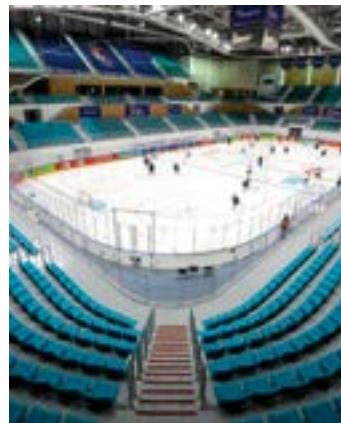
Объекты Олимпиады-2018 в Южной Корее / Facilities of the 2018 Olympic Games in South Korea

Олимпийский стадион Пхёнчхана (Pyeongchang Olympic Stadium)

– это пятиугольное (по числу колец-символов Олимпиады) здание, в котором прошли церемонии открытия и закрытия Игр–2018. Здание изначально проектировалось как временное: по окончании спортивных состязаний его должны разобрать.

Сооружение для 35 тысяч зрителей и членов делегаций стоило Южной Корее 78 миллионов долларов (для сравнения: сочинский стадион «Фишт» обошелся почти в 407 миллионов).

Хоккейный центр Каньина

(Gangneung Hockey Centre) – эта ледовая арена расположена в городке Каньин. Во время проведения Зимних Олимпийских игр 2018 года объект стал основной ареной проведения соревнований по хоккею. Там же были проведены соревнования по следж-хоккею.

Строительство начато в марте 2014 года, открытие состоялось в марте 2017 года.

Олимпийский Овал (Gangneung Oval) – крытый конькобежный стадион находится в городе Каннын.

Дизайн выполнен Idea Image Institute of Architects (IIIA). По словам дизайнеров, дизайн ледового стадиона вписывается в тему Игр–2018 года: новые горизонты. По словам архитектора, дизайн основан на динамическом движении катания.

Объект представляет собой стандартный 400-метровый овальный конькобежный стадион с двумя дорожками. Рассчитан на 8 000 сидячих мест.

Строительство: начато в октябре 2014 года, завершено в январе 2017 года.

Спортивная арена Университета Квандон (Kwandong University Gymnasium) – арена в кампусе Университета Квандона. Во время проведения Зимней Олимпиады–2018 объект, наряду с Хоккейным центром Каннына, принял соревнования по хоккею.

Строительство арены было начато в июне 2014 года и завершено в феврале 2017 года. Вместимость – 6 000 сидячих мест.

Ледовая арена Каннына (Gangneung Ice Arena) во время проведения Зимних Олимпийских игр 2018 года приняла соревнования по фигурному катанию и шорт-треку.

По архитектуре арена напоминает ледовую глыбу. Цвет покрытий купола – жемчужно-белый и прозрачно-серый.

Официальное открытие Арены состоялось 14 декабря 2016 года. Стоимость возведения объекта – 85 млн. долларов. Вместимость – 12 000 сидячих мест.

И хочу представить еще одно сооружение, которое никак не относится к самой Олимпиаде, но было построено специально к открытию.

Это павильон, фасад которого покрыт материалом Vantablack VBx2. Он поглощает более 99% света и на сегодняшний день является самым черным в мире веществом. По задумке создателя, британского архитектора Азифа Хана, снаружи сооружение должно выглядеть как окно в космическое пространство. С его слов, задумка состояла в том, чтобы снаружи здание выглядело как окно в космическое пространство. Оценить форму сооружения можно только подойдя к нему вплотную: стены, которые издали выглядят ровными, на самом деле вогнутые. Фасад также окружен стержнями разной высоты с закрепленными на них лампочками, которые выполняют роль звезд.

Материал Vantablack был представлен сотрудниками Нацио-

нальной физической лаборатории Великобритании и компании Surrey NanoSystems в 2014 году. Предполагалось, что Vantablack будут использовать прежде всего в различных технологических областях, но со временем на него обратили внимание художники, дизайнеры и архитекторы, которые стали применять материал в своих проектах.

Наталья Коваль / Natalya Koval

дипломный проект
автор проекта

Екатерина Галеева, студентка Института
Архитектуры Строительства и Дизайна,
кафедры архитектурного проектирова-
ния ИРНТУ

руководители проекта
Е. В. Хохрин, С. Н. Элоян

Принципы формирования общественного центра «Намсан» в городе Сеул (Южная Корея) /

^ Рис. 2. Размещение функциональных центров и нахождение их формы в плане на основании геометрического анализа

^ Рис. 3. Анализ каллиграфии и графическая композиция системы мостов

Тема качества среды и микроклимата сейчас актуальна; говорить об этом начали еще с середины прошлого века. Устойчивое развитие требует эффективного использования пространства и внутренних резервов окружающей территории.

Улучшение качества среды в районах с исторической застройкой требует особого подхода: работы с контекстом и культурным ландшафтом территории.

Работа была выполнена в рамках конкурсного задания в рамках Всемирного Конгресса МСА – Сеул 2017. По условиям конкурса необходимо было представить такую концепцию, которая бы объединяла будущее, историю, природу и комфортную среду для людей и животных. Для решения данной задачи было принято решение разработать не только объект, а выделить принципы формообразования и использовать их в проектом предложении.

Территория проектирования находится в районе Хэбанхон, по улице Sowol-ro 20-gil; район состоит из исторической застройки с поликультурным населением.

Целью работы является разработка концептуального решения пространства улицы Sowol-ro 20-gil в г. Сеул, реорганизация уличного пространства с учетом культурного, экологического и социального аспектов. Задачи: изучение и анализ культурных традиций и принципов формообразования, выявление этих принципов и их систематизация в исторических и современных объектах, разработка концепции объемно-пространственной ком-

позиции в рамках проектируемой территории с учетом выявленных принципов формообразования.

Улицы являются одним из самых важных общественных пространств городов, а не только транспортными артериями и разделителями кварталов и районов. Sowol-ro 20-gil предполагает пересечение пешеходного и автомобильного потоков и не имеет предпочтения какого-то конкретного типа движения, а отсутствие выделенных пешеходных зон делает перемещение пешеходов небезопасным. В исходной ситуации также необходимо учитывать особенности такого типа районов: первые этажи, в основном, имеют торговую функцию. Чтобы не нарушать традиционный уклад жизни местного населения, ее, вместе с жилой функцией 2 и 3 этажа, в проекте предложении было решено сохранить.

Говоря о создании нового общественного центра, авторы проекта предложили совместить два способа работы с уличным пространством – ограничение движения частного транспорта на части территории и установку пешеходного моста как связующей оси между парком горы Намсан и детским образовательным центром, находящимся рядом с существующей школой. Движение общественного транспорта и остановочные пункты сохранятся, а к торговым помещениям останется необходимый доступ для транспорта благодаря плотной сети улиц. При этом на уровне земли появляется небольшая площадь, а пешеходный мост создаст новые видовые точки

^ Рис. 5. Общественные центры. Слева направо: административный центр, культурный центр, центр детского творчества

The Principles of Formation of the Namsan Public Center in Seoul (South Korea)

на район и городской парк, что повысит привлекательность нового общественного центра.

Чтобы подчеркнуть в проекте связь с окружающим пространством, было принято решение использовать ту же модульную систему в проектировании функциональных узлов. Основой для такого формирования объекта послужили принципы террасирования, использования колонн и конструкций для деления фасадов, изогнутая форма крыши. В итоговом варианте в модель функционального центра был добавлен объединяющий элемент на основе двойного квадрата модуля.

Исходя из анализа, было выявлено четыре элемента; пятый был связующим – система пяти пешеходных мостов. Общая сумма элементов – 5, система мостов из 5 объектов. Число 5 соответствует количеству стихий в фэн-шуй, схема которого есть в условиях конкурса. Суммарное количество всех объектов – 9. Это число в фэн-шуй считается благоприятным и символизирует полноту небес и земли.

На основе анализа культуры и традиционных принципов были сформулированы принципы формирования, которые в дальнейшем преобразовались в геометрическую сетку на плане и использовались для формирования объектов в плане и объеме. Ход работы над аналитической сеткой продемонстрирован на рис. 1 и рис. 2. На рис. 3 проиллюстрирован анализ и геометрическая композиция системы пешеходных мостов, основанная на аналити-

ческой сетке. На рис. 4 – поиск и формообразование функциональных узлов на основе выявленных принципов формообразования в традиционной архитектуре.

- 1) Внутренний сад как частное пространство.
- 2) Конструктивный каркас как визуальная форма объекта.
- 3) Террасы.
- 4) Система колонн, имеющих сомасштабный шаг.
- 5) Жесткие геометрические формы на основе квадрата, которые прослеживаются как в планировке, так и в оформлении фасадов и узорах.
- 6) Использование дерева в оформлении фасадов.
- 7) Функциональное деление пространств для разных групп населения.

Общественный центр «Намсан» состоит из трех функциональных узлов – административного центра, культурно-информационного центра и детской школы искусств. Административный центр возведен на месте старого и сохраняет его функции, так как исключать подобные объекты и отдалять их от путей общественного транспорта нельзя. Все центры соединяет между собой система пешеходных мостов с оболочками бionической формы в местах пересечения, связей. На местах организованы рекреационные зоны с клумбами и кустарниками для создания микроклимата.

**Андрей Большаков,
Екатерина Галеева /
Andrei Bolshakov,
Ekaterina Galeeva**

Бадуга Олег Борисович – архитектор, ООО «ГАБР» (Иркутск), лауреат премии губернатора Иркутской области

Базьер, Орели – магистр направления «Урбанистика» (Франция)

Баканова, София – магистрант направления «Архитектура» (Германия)

Безу, Лео – магистрант направления «Архитектура» (Франция)

Большаков Андрей Геннадьевич – доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования института архитектуры, строительства и дизайна (ИАСиД) ИРННТУ

Бочарова Инна Валерьевна – управляющий партнер компании Брикфорд, профессор Международной Академии Архитектуры (отделение в Москве)

Белинская Анна – магистрант направления «Градостроительство» (Россия)

Булли, Элеонор – магистр направления «Градостроительство и социальная география» (Франция)

Быков Иван Анатольевич – архитектор, доцент кафедры архитектуры и дизайна АлтГТУ (Барнаул)

Валет, Рафаэль – магистр направления «Городское планирование, международная экспертиза в развивающихся странах» (Франция)

Ван Прает, Винсент – магистрант направления «Урбанистика» (Бельгия)

Вилднер, Фабиан – студент-бакалавр направления «Пространственное планирование» (Австрия)

Галева Екатерина Олеговна – выпускница ИАСиД ИРННТУ, кафедра архитектурного проектирования

Гладкова Екатерина – магистрант направления «Градостроительство» (Россия)

Глебо Леонид Георгиевич – проектировщик (Москва)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России

Деринг Александр Федорович – архитектор, руководитель творческой мастерской «Классика» (Барнаул)

Дуке, Селия Фернандез – магистр направления «Устойчивый город и архитектура» (Испания)

Жижченко Елена Генриховна – главный архитектор проектов АО Иркутский Промстройпроект

Заславская Полина Александровна – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики, (Иркутск)

Иванов Андрей Владимирович – архитектор, урбанист, исследователь, советник Департамента планирования и развития территорий, научный сотрудник Сектора проблем культурной среды поселений ФГНИУ Российского института культурологии

Казакова Валентина Игоревна – магистрант ИАСиД ИРННТУ, архитектор Сибирской лаборатории урбанистики, член Клуба молодых архитекторов (Иркутск)

Кантакова Анна – выпускница ИАСиД ИРННТУ

Капустин Петр Владимирович – зав. кафедрой архитектурного проектирования и градостроительства Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, профессор

Кичатинова Наталья – студентка-бакалавр направления «Ландшафтный дизайн» (Россия)

Коваль Наталья Александровна – совладелец, главный архитектор проектов ООО «Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС» (Иркутск)

Кострубова Александра Тимуровна – архитектор, руководитель научно-образовательного центра (НОЦ «МБЗГУ», Иркутск)

Кох, Зинье Мари – магистр направления «Городское и региональное планирование» (Германия)

Лекомцева Анна – магистрант направления «Архитектура» (Россия)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (Иркутск)

Логвинов Виктор Николаевич – первый вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, руководитель мастерской «Архитектурный центр», заслуженный архитектор РФ (Москва)

Ляпин Андрей Александрович – архитектор, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Макогон Любовь Николаевна – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Макотина Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ

Мальцева Елена – аспирант специальности «Архитектура» (Россия)

Мякота Алексей Дмитриевич – архитектор, директор ООО «АДМ» (Красноярск)

Новиков Артем Борисович – коммерческий директор компании «Выбор» (Красноярск)

Нуязина Валерия Андреевна – заместитель руководителя НОЦ «МБЗГУ» (Иркутск)

Паулус, Сольвейг – студент-бакалавр направления «География» (Германия)

Рапппорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России (Латвия)

Ремизова Наталья Викторовна – член Союза архитекторов России, член Союза дизайнеров России, директор Центра детского творчества, архитектуры и дизайна «Пирамида» (Иркутск)

Репина Анастасия Владимировна – ведущий архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Салмин Леонид Юрьевич – архитектор, профессор Уральского архитектурно-художественного университета (УрГАХУ) (Екатеринбург)

Селиванов Роман Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Середёнкина Светлана Валерьевна – доцент кафедры архитектуры и градостроительства ИАСиД ИРННТУ (Иркутск)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Станишев Георги – архитектор, теоретик и критик архитектуры (Болгария)

Таран Андрей – магистрант направления «Архитектура» (Россия)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета, член Союза журналистов России (Иркутск)

Товмасьян Эдуард Ованесович – главный специалист Научно-методического центра «Теринформ» ЦНИИП Минстроя России, заслуженный архитектор РФ, советник РААСН (Москва)

Топсю, Зайнеп – магистрант направления «Урбанистика» (Бельгия)

Тучина Ольга – магистрант направления «Архитектура» (Россия)

Убайда, Рихаб – магистрант направления «Архитектура» (Марокко)

Форе, Аделин – магистр направления «Градостроительство» (Франция)

Хорн, Кристиан – архитектор, градостроитель, архитектурное бюро Rethink (Франция)

Энгель, Барбара – архитектор и градостроитель, доктор технических наук, профессор, глава кафедры Международного городского планирования и дизайна факультета архитектуры Технологического института Карлсруэ (Германия)

Шварцман Игорь Зиновьевич – соучредитель и генеральный директор архитектурной мастерской «Сергей Киселев и партнеры»

Янтранова Людмила – студент-бакалавр направления «Архитектура» (Россия)

authors

Oleg Badula – architect, 000 GABR (Irkutsk), laureate of the Irkutsk Regional Governor's Prize

Aurelie Baziere – Master of Urbanism (France)

Sofia Bakanova – Master student (Architecture) (Germany)

Leo Bezu – Master student (Architecture) (France)

Andrei Bolshakov – doctor of architecture, professor, head of the Architectural Design Department of Institute of Architecture, Construction and Design at Irkutsk National Research Technical University (IACD of INRTU) (Moscow)

Inna Bocharova – managing partner of the Brickford Company, professor of International Academy of Architecture, Moscow Branch (IAAM)

Anna Belinskaya – Master student (Urban planning) (Russia)

Eleonore Bully – Master of Social Geography, Master of Urban Planning (France)

Ivan Bykov – architect, Ass. Prof. of the Architecture and Design Department of Altai State Technical University (Barnaul)

Raphael Valet – Master of Urban Planning, International Expertise in the developing countries (France)

Vincent Van Praet – Master of Urbanism (Belgium)

Fabian Wildner – Student (Spatial planning) (Austria)

Ekaterina Galeeva – graduate of IACD of INRTU, Architectural Design Department

Ekaterina Gladkova – Master student (Urban planning) (Russia)

Leonid Glebko – project designer (Moscow)

Anna Grigorieva – translator, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), member of IAAM

Alexander Dering – architect, head of the studio "Klassika" (Barnaul)

Celia Fernandez Duque – Master of Sustainable City and Architecture (Spain)

Elena Zhizhchenko – architect as project manager of Irkutskii Promstroiproject JSC

Polina Zaslavskaya – architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Andrei Ivanov – architect, urbanist, researcher, advisor of the Territorial Planning and Development Department, research officer of the Sector for Issues of Cultural Environment of Settlements of FSSRI "Russian Institute of Cultural Studies"

Valentina Kazakova – graduate student of IACD of INRTU, architect of Siberian Laboratory of Urbanistics, member of the Club of Young Architects (Irkutsk)

Anna Kantakova - graduate of IACD of INRTU

Petr Kapustin – head of the Department of Architectural Design and Town Planning at Voronezh State University of Architecture and Construction, professor

Natalia Kichatinova – Bachelor student (Landscape design) (Russia)

Natalia Koval – co-owner, architect as project manager of the FOX Architecture&Design (Irkutsk)

Alexandra Kostrubova – architect, head of the scientific-educational center International Baikal Winter University of Town Planning Design

Sinje Marie Koch – Master of Urban and Regional Planning (Germany)

Anna Lekomtseva – Master of Architecture (Russia)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Irkutsk)

Victor Logvinov – first vice-president of the UAR, corresponding member of the RAACS, full member of the IAAM, director of the bureau "Architectural Center", honored architect of the RF (Moscow)

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Design at IACD of INRTU (Irkutsk)

Lyubov Makogon – Ass. Professor of the Department of Architectural Design at IACD of INRTU (Irkutsk)

Svetlana Makotina – senior lecturer of the Department of Architectural Design at IACD of INRTU (Irkutsk)

Elena Maltceva – Postgraduate Student (Architecture) (Russia)

Alexei Myakota – architect, director of ADM Bureau (Krasnoyarsk)

Artem Novikov – sales director of Vybor Company (Krasnoyarsk)

Valeriia Nuianzina – deputy director of the scientific-educational center International Baikal Winter University of Town Planning Design

Solveigh Paulus – Bachelor student (Geography) (Germany)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Natalia Remizova – member of the UAR, member of the Union of Designers of Russia, director of the Children's Architecture and Design Center "Piramida" (Irkutsk)

Anastasia Repina – leading architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Leonid Salmin – architect, professor of Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Roman Selivanov – Ass. Professor of the Department of Architectural Design at IACD of INRTU (Irkutsk)

Svetlana Seredenkina – Ass. Professor of the Department of Architecture and Town Planning of INRTU

Olga Smirnova – chief architect of "Semiramida Gardens" Landscape Company, member of the UAR (Krasnoyarsk)

Georgi Stanishev – architect, architecture critic (Sofia, Bulgaria)

Andrey Taran – Master of Architecture (Russia)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Union of Journalists of Russia (Irkutsk)

Eduard Tovmasyan – chief officer of the Terinform scientific and methodological center of the Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction, honored architect of the RF, advisor of the RAACS (Moscow)

Zeynep Topcu – Master of Urbanism (Belgium)

Olga Tuchina – Master student (Architecture) (Russia)

Rihab Oubaidah – Master of Architecture (Morocco)

Adeline Faure – Master of Urban planning (France)

Christian Horn – architect, urban planner, office Rethink (France)

Barbara Engel – architect, urban planner, Dr-ing, professor, head of the Department of International Urban Planning and Design, Karlsruhe Institute of Technology (Germany)

Igor Schwarzman – co-founder and director general of the architectural studio "Sergey Kiselev & Partners"

Liudmila Iantranova – Bachelor student (Architecture) (Russia)

КОМПАНИЯ «ВЫБОР» — ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ТРОТУАРНОЙ ПЛИТКИ
И ЭЛЕМЕНТОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАВОД В КРАСНОЯРСКЕ — ПРЕМИАЛЬНОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО ДОСТУПНО СИБИРИ!

18 ЛЕТ УСПЕШНОЙ РАБОТЫ ПОЗВОЛИЛИ СТАТЬ ЛИДЕРАМИ В ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ТРОТУАРНОЙ ПЛИТКИ

27 млн.м2

благоустроенной территории,
в том числе на Олимпийских
объектах в Сочи

Наша продукция ежегодно становится
победителем конкурса

«100 ЛУЧШИХ ТОВАРОВ РОССИИ»

Постоянный строгий

КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА

на всех этапах производства
осуществляется аттестованными
лабораториями

Эксклюзивные цветовые решения

«ЛИСТОПАД» являются
запатентованным товарным знаком

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ

КАЧЕСТВО всей продукции
подтверждено экспертами целевой
«Программы качество»

Вся линейка торговой марки

«ВЫБОР» производится на самом
современном **ЕВРОПЕЙСКОМ**
ОБОРУДОВАНИИ

10 ЛЕТ ГАРАНТИИ

Продукция «ВЫБОР» популярна
в **64 РЕГИОНАХ** страны
от Чёрного моря до Архангельска
и Владивостока

ВЫБОР.РФ

8-800-77-00-110